
Россия, Русь! Храни себя, храни!

3
2012

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ПОРТНОВ. Уничтожение сельского хозяйства	3
Виктор ТРУШКОВ. Экономика нищеты или нищета экономистов	10
Михаил АНТОНОВ. Русский идеал и корпоративное государство. Продолжение	45
Андрей САВЕЛЬЕВ. Удар в колокол	106

ПРОЗА

Михаил ЕСЬКОВ. Рассказы	15
Александр ТИТОВ. Рассказы	120
Виктор ПРОНИН. Бомжара. Рассказ	140
Анатолий КОЗЛОВ. Кровеля. Рассказ	206

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН. На сквозняках Отчизны. Стихи	94
Юрий КУКСОВ. Родные дороги. Стихи	97
Алла ЛИНЁВА. Горит лиловое раздолье. Стихи	99
Анна ТОКАРЕВА. Оттепель. Стихи	102

ТЕХНОЛОГИИ ГЕНОЦИДА

Анатолий САМАРИН, Людмила ФИОНОВА, Александр ШАБАЛИН. Жертвы информационной войны	170
Сергей КРЕМЛЁВ. Вниз по лестнице, ведущей вниз	189
Александр ПШЕНИЦЫН. К предварительным итогам переписи 2010 года	198

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Владимир АНИЩЕНКОВ. Размышление о русском характере	226
Алексей КИБАЛЬЧИЧ. Экономика должна быть национальной	238

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Вячеслав ЕГИЗАРОВ. Крымские песни. Стихи	245
Шакир а-МИЛ. Рассказы	248
Поэтическая радуга	262

КРУГ ЧТЕНИЯ

Владимир СМЫК. На переломе	271
---	-----

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

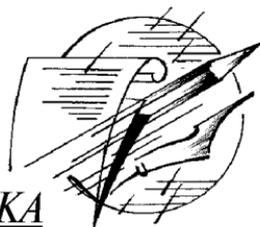
Андрей АНТОНОВ. Россия — «дом терпимости»?	276
Содомиты	278
Вячеслав АПРЕЛЕВ. Вредоносный закон «Об исчислении времени»	283

Александр ПОРТНОВ,
академик РАЕН

УНИЧТОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Трудно переоценить ужас развала сельского хозяйства России, организованный кремлевскими «реформаторами». Дегенеративный премьер Гайдар уничтожил всю аграрную инфраструктуру СССР: 27 тысяч колхозов и 23 тысячи совхозов, полностью обеспеченных сельхозтехникой и квалифицированными кадрами. Он в корне подорвал сельхозпроизводство великой аграрной страны и обрёл деревню на вымирание в пьянстве и безнадежности. **Даже гитлеровцы не уничтожали колхозы на оккупированных территориях СССР!** Израиль процветает, благодаря колхозам, называемым там «кибуцами». Политика «демократов» лишила огромную страну продовольственной безопасности: РФ на 50—60% зависит от импорта зарубежных продуктов.

В 1989 году в РСФСР было собрано 119 миллионов тонн зерна, сейчас — 70. На нынешние поля страшно смотреть, они заброшены и еле угадываются под кустарником и чертополохом, напоминающая о военной разрухе. Села опустели, дома развалились, кирпичные коровники и свинарники растащены и разграб-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

лены, сиротливо ржавеют остатки сельхозтехники. За 100 км от Москвы жизнь в России как бы заканчивается, и гладкий асфальт сменяется застарелыми колдобинами и выбоинами полуразрушенных дорог.

Огромные комбайновые и тракторные заводы давно опустели, вместо 140 тысяч комбайнов в России собирают несколько тысяч, в десятки раз сокращен выпуск тракторов. Грандиозная промышленность СССР выпускала в 1989 году специализированные сельхозмашины 4000 наименований, в том числе для растениеводства — 1900, животноводства — 1000, мелиорации — 600, лесного хозяйства — 200! Где сейчас эта техника, эти заводы?.. Проданы дельцами в Китай на металлолом... Где три миллиона советских тракторов и миллион комбайнов?.. Чинены-перечинены, проржавели и гниют на брошенных полях... Пусты цеха грандиозных тракторных и комбайновых заводов. Где инженеры, техники, рабочие?.. Торгуют турецким и китайским барахлом на рынках...

Чиновники, безнаказанно уничтожившие сельское хозяйство России, украли бешеные деньги и скрылись за каменными заборами во дворцах на Рублевском шоссе. Зато новое «счастье» пришло в Россию: вместо производства комбайнов, тракторов и сеялок только в 2005—2006 годах страна закупила иномарок на... 55 миллиардов долларов!..

«Наши» руководители не знают, что такое современное высокопроизводительное производство и как его наладить. Они алчны и невежественны, но их уверенность в праве на шикарную жизнь — беспредельна. Большие деньги созданного Кремлем класса «средняков» — это доход не с промышленности, а с «бизнеса». Какой бизнес налажен «реформаторами»? Что он производит, этот так называемый «бизнес»? Увы, **он ничего не производит**. Это доход с перекупки, перепродажи, проще говоря, со **спекуляции импортными товарами**. Эти товары произвели иностранные инженеры, рабочие и фермеры на зарубежных полях, заводах и фабриках с использованием дешевого русского сырья (газ, нефть, удобрения, металлы).

На пропитание 142 миллионов граждан России требуется более 200 миллиардов долларов в год, из них половина уходит на покупку импортного продовольствия. Это гигантский и крайне выгодный бизнес. Миллионы процветающих «бизнесменов» в России и за рубежом крайне заинтересованы в том, чтобы Россия **ничего не производила и продолжала закупать продукты**. Понятно, что для увеличения личных доходов закупать нужно все самое дешевое и скверное, но продавать

следует втридорога, как качественный товар. Тогда «средний класс» может и квартиры покупать по бешеным ценам, и иномарки по 50—60 тысяч долларов, и коррумпированной таможене платить, и властям. Все доходы идут за счет ограбления народа и уничтожения национального производства.

Реформы обычно проводятся для улучшения ситуации, но к России это не относится. Реформированная РФ собирает около 70 миллионов тонн зерна, 60% от «дореформенного» времени. В иные годы урожай бывал намного меньше. В советское время это была бы катастрофа, поскольку для развитой страны закон — тонна зерна на человека в год. Из тонны зерна до 0,7 тонны уходит на фуражное зерно: на корм скоту и птице. Значит, России надо собирать 140 миллионов тонн зерна, вдвое больше, чем сейчас. Территории в России хватает с избытком, но сельхозтехника и крестьяне — отсутствуют. Ельцин и Путин привели Россию обратно к сохе и к зарубежной «лизинговой» технике, недоступной сельскому труженику.

Но в стране практически нет... скота. Летом 2006 года прошла Всероссийская сельскохозяйственная перепись, в ходе которой выяснилось, что по сравнению с советским временем количество скота уменьшилось (в миллионах голов): для овец и коз — с 67 до 9,7; для свиней с 33,2 до 8,5; для коров с 20,6 до 12!.. Зато, как бы в насмешку, появились... страусы и кролики. Например, один россиянин может съесть в год 1/30 000 часть страуса, 1/500 часть кролика, 1/17 часть свины, 1/14 козы или овцы, 1/12 коровы и 1,7 курицы. Попросту говоря, скот в России пора заносить в Красную книгу: «реформированные» свины, овцы, козы, коровы вымирают, как вымирает и сам народ российский — со скоростью до миллиона человек в год.

Отсутствие мяса — это белковое голодание. Но оно успешно ликвидируется в РФ за счет... импортного соевого белка, в основном, американского, полученного из генетически модифицированной сои. Тонна сои стоит 750 долларов, США производят до 50 миллионов тонн сои в год в расчете на слабо развитые голодающие страны и Россию. Соевый белок — без цвета, вкуса и запаха. В РФ он идет на корм скоту вместо зерна. Но если его продавить через мелкие отверстия-фильтры, окрасить, ароматизировать, добавить крахмал и консерванты, то получается «мясо», которым можно наполнять сардельки, сосиски и колбасу.

Таковыми «мясопродуктами» дельцы щедро кормят россиян. Здесь очень важно не пожалеть одну из бесчисленных вредных биодобавок — E-621, глутамат натрия (пищевая до-

бавка). Это удивительное химическое вещество обладает способностью обманывать любого гурмана и придавать мясным отбросам, скажем, в «бульонных кубиках» или сосисках, вкус и запах настоящего качественного мяса. Поэтому в пост можно без греха есть сардельки: белок растительный, мяса в них нет. Казалось бы, все хорошо, даже замечательно, любые опилки можно за мясо выдать, да вот беда — химия эта накапливается в мозгу человека и вызывает страшную болезнь Альцгеймера — расстройство нервной системы.

Имеется и как бы настоящее мясо, но не свое, а импортное. Австралия, Бразилия, Чили, Перу, Аргентина, Франция, Польша везут со своих складов давным-давно замороженные туши скота, который откармливали генетически модифицированной соей. Еще более древнее мясо, списанное с военных складов, тоже идет в Россию. В этом мясе — высокая концентрация антибиотиков, вызывающих аллергию и импотенцию. В экспортной французской свинине были обнаружены личинки трихинелл, глистов, живущих в подкожном слое человека. Вылечиться от трихинеллеза почти невозможно, болезнь часто кончается смертью. СМИ сообщали о том, что баранина в Москве заражена глистом-цепнем, длина его достигает 15 метров, личинки поражают печень и даже мозг человека.

Когда в Европе бывали эпидемии коровьего бешенства или свиной чумы — сотни тысяч тонн бросового мяса, обычно в виде консервов, тайными путями через Прибалтику или Польшу неизменно прибывали в Россию из Германии и Англии. Половина консервов у нас — импорт, тушенку из Китая постоянно конфискуют как зараженную вредными примесями. Государство молчит, о пропитании россиян заботятся «бизнесмены», им хороший навар нужен, а народ — он простой, все съест. Как цинично говорят дельцы, «пипл все схавает»!

Можно вспомнить о рыбе: в СССР вылавливали 5 миллионов тонн, по пуду (16 кг) на человека. Сейчас производство рыбы раз в пять меньше. Опять же почти весь траулерный флот погиб, разграблен, утоплен, продан на металлолом, рыбозаводы уничтожены или заброшены. Рыбаки норвят рыбу или крабов продать за рубеж, в Японию, Китай, Южную Корею, Норвегию. Казалось бы, безнадежная картина.

Ан нет, все замечательно, в любом магазине — норвежская семга и форель лежат... И все бы хорошо, да только Европа эту рыбу не ест, поскольку известно, как она «изготовлена». Ведь Норвегия — страна фиордов, глубоких узких морских заливов. Норвежцы давно освоили разведение искусствен-

ной семги. Они перекрыли входы в фиорды сетями, поставили на берегу фермы по выпуску мальков... Ежедневно огромные самосвалы с комбикормом из пищевых и мясных отходов сбрасывают свой груз с причалов, к которым приплывают огромные косяки рыбы. В конце 2006 года РФ запретила ввоз норвежской семги и форели из-за высокой концентрации в ней ядовитых тяжелых металлов. Запрет есть, но рыба в магазинах тоже... есть в изобилии.

В конце 2006 года был запрещен ввоз в РФ прибалтийских шпрот: в них установлена высокая концентрация опаснейшего канцерогена — бензапирена. Запрет есть — и шпроты... есть. Наблюдается простая закономерность: годами вредные вещества в импортных продуктах не находят, а обнаруживают их «вдруг», когда это нужно высоким чиновникам. Потом все вредные вещества «забываются». А ведь в Балтийском море у острова Борнхольм еще в 1945 году затоплены сотни тысяч тонн боевых отравляющих веществ со складов фашистской Германии. Здесь в ржавых бочках, всеми забытые, на глубине всего 40—50 метров хранятся страшные яды — иприт, люизит, табун, зарин, горчичный газ... Эти ядовитые мышьяковистые соединения сохраняются веками. Сейчас дельцы, торопливо распродают русские нефть и газ за рубеж, прокладывают трубы на дне моря около этого острова... Может быть, не только бензапирен содержится в балтийских шпротах?..

В «дореформенной» России магазины были забиты банками с икрой минтая. Это был дешевый и очень вкусный рыбопродукт. Сейчас он вновь появился — но уже не имеет ничего общего с прежним. Для него характерен отвратительный вкус, словно икру разбавили морской водой. Красная икра стала опасной для человека из-за огромной концентрации вредных консервантов. Черная икра вообще исчезла из-за уничтожения браконьерами осетров на Волге и Каспии.

Россия превратилась в международную продуктовую «свалку», куда свободно свозятся генетически модифицированные продукты. За рубежом употребление этих продуктов находится под контролем государства. По их законам на колбасе, кукурузе, картофеле и прочих генетически измененных продуктах должен стоять яркий, крупный и хорошо заметный знак «G.M.» — генетически изменено. В начале 2006 года закон об обязательной маркировке продуктов был принят в России. Где эта маркировка?.. Кто ее видел?.. Да, закон есть, но он не исполняется. Почему?.. Все просто: за рубежом ГМ-продукты стоят очень дешево, в отличие от «нормальных» продуктов. Наши «коммерсанты» скупают их за рубежом за гроши,

но продают россиянам по нормальной цене. Иначе на какие деньги подкупить чиновников, приобрести раззолоченные яхты и самолеты и вести роскошную жизнь в Куршевеле?

Как выяснили биологи, опасность ГМ-продуктов часто проявляется только во втором-третьем поколениях. Меняются структуры внутренних органов, иммунная система, генетический код. Например, американский ГМ-картофель был выведен как средство борьбы с колорадским жуком. Прожорливый жук, отведав американскую картошку, немедленно задирает лапки кверху и умирает. Картофель стал для шестилапкого любителя картошки смертельным ядом. А как насчет людей?.. Конечно, желателно вести исследования не на американцах — и ГМ-картофель внедрен в сельское хозяйство Польши, Грузии и других стран. Из Польши ГМ-картофель массированно ввозится в РФ.

Вместе с уничтожением молочного скота в России пропали и качественные молочные продукты. «Изобилие» молока, кефира, сметаны обусловлено лишь тем, что их изготавливают из импортного порошка с примесью низкокачественного растительного масла и эмульсии соевого белка. На этом безнадежно фальсифицированном продуктовом фоне вкусом и качеством выгодно отличаются молочные продукты из Белоруссии, где сохранилось и развивается старое «советское» сельское хозяйство.

Нельзя не сказать об импортной выпивке. Разгул водочной мафии начался с попустительства Ельцина. До ста тысяч человек (!!!) умирало ежегодно от ядовитой водки, которую делали из технического спирта в Китае, Польше, Осетии, Грузии. Сейчас наши магазины завалены разнообразными бутылками, привлекающими красивой формой и яркими этикетками. Почти всегда их содержимое — грубая фальшивка. К ним относится вся закавказская винно-водочно-коньячная продукция. За бешеные деньги вы покупаете не коньяк или вино, а только... этикетку.

Поэтому введенный осенью 2006 года запрет на ввоз и продажу в РФ грузинских вин был абсолютно справедлив: разжиревшие дельцы обнаглели беспредельно, большинство этих «вин» производилось из технического спирта, красителей и ароматизаторов в маленьких городах России, доход получался чудовищный, власти обо всем знали. Высокопоставленный чиновник Грузии по поводу винного скандала цинично заявил: «Русские привыкли пить г... и будут его пить!..»

Но, как обычно, информация использовалась только в политических целях, например, когда президенты России и Грузии поссорились между собой. А вот раньше ни Путин,

ни его правительство якобы ничего о кавказской ядовитой отраве не знали. Запрещенная молдавская продукция была лучше грузинской по качеству, хотя сейчас также начата масовая фальсификация молдавских коньяков и вин. Вина ввозятся также из Франции, Чили, Аргентины... Качество этого вина очень низкое, хотя на фоне просто отвратительного вина, производимого фирмой «Русская лоза», оно выглядит удовлетворительным.

Особо надо сказать о хлебе. Хлеб — национальный русский продукт, но зерна производится вдвое меньше, чем необходимо для пропитания страны. О качестве зерна вообще все забыли, производство так называемой твердой пшеницы с высоким содержанием белка резко уменьшилось. Без твердой пшеницы нельзя делать макаронные изделия, да и обычный хлеб из мягкой пшеницы — плохой.

Когда СМИ щебечут об экспорте хлеба из России — это бессмысленная болтовня. Да, нищие русские крестьяне по дешевке продают хлеб дельцам по 100 долларов за тонну, а те перепродают его за рубеж по нормальной цене 450 долларов за тонну и имеют бешеный доход. Качество хлеба в России резко ухудшилось, поскольку в стране возникли десятки тысяч частных хлебопекарен, не контролируемых государством. Они продают хлеб, приготовленный из лежалой муки, закупленной в Казахстане и других странах СНГ по бросовым ценам.

В этой муке отмечают примеси ядовитейших веществ — ртути, кадмия, ДДТ, спорыньи... Например, в подмосковных городах хлеб плохо пропечен, в муку добавляют «разрыхлители» и разные дешевые добавки, от которых хлеб кажется вкусным, лишь пока он горячий. Но через пару дней на нем вырастает плесень — и это первый признак скверного хлеба. Пока лишь на государственных хлебозаводах крупных городов сохраняется контроль за качеством, а безбрежное море частных пекарен производит хлеб в интересах наживы хозяев.

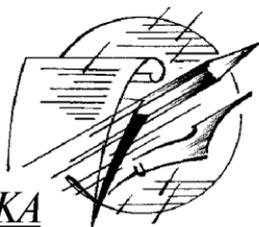
Можно сделать вывод, что бесконтрольный частник заботится о прибыли любой ценой, в том числе за счет здоровья соотечественников. Государство полностью отключилось от заботы о здоровье и благе народа. Оно забыло, что с низкокачественными продуктами в организм человека поступает до 70% вредных веществ. В России продуктовая опасность крайне велика и является одной из форм геноцида граждан нашей страны.

ЭКОНОМИКА НИЩЕТЫ ИЛИ НИЩЕТА ЭКОНОМИСТОВ

Правительственные эксперты предлагают РФ ускоренно превращаться в колонию. Казённые эксперты недавно сделали открытие. Они пришли к выводу, что в РФ сформировался новый класс — *нищета*.

Его объективные социальные признаки: доходы ниже официально установленного прожиточного (физиологического) минимума, нет постоянного места работы, не стремится к официальному трудоустройству. Авторы представленного правительству доклада «Новая модель роста — новая социальная политика» утверждают: «Началось воспроизводство бедных с одновременным формированием у них особой субкультуры бедности».

Одно уточнение. Поскольку придворные эксперты всё последнее время заняты изучением английского языка и заокеанских социальных концепций и методик, то они утратили чутьё к русскому слову. Речь-то идёт не о бедности, а о нищете. Бедных в РФ, по данным Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, около половины населения страны. Несмотря на эту неточность, по-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

здравляем сочинителей «Стратегии-2020» с открытием. Адам Смит делил классы в зависимости от источника существования: на земельную ренту живёт класс землевладельцев-феодалов, на прибыль — капиталисты всех разновидностей, на зарплату — пролетариат. И вот новый класс — фактически без источника существования, но с «особой субкультурой бедности».

Честно говоря, простые смертные и без экспертов подозревали, что в последнее двадцатилетие в РФ появился новый слой (на нынешнем казённом языке: страта) соотечественников, когда в метро, пригородных поездах, у магазинов нам стали с нарастающей частотой встречаться люди, просящие милостыню. Но сейчас правительственные исследователи утверждают, что это — не мелкий стратик, а большая социальная группа людей, отличающихся от других сограждан местом в системе общественного производства и общественной организации труда, по способам и размеру той доли общественного продукта, который ей достаётся.

Приходится с горечью признать, что развращающее влияние буржуазной пропаганды дало свой результат. Вспомним назойливую рекламу середины 90-х. На берегу — респектабельные отец с сыном сидят с удочками. Младший глубокомысленно, с претензией на афоризм, намекая на счёт в банке, изрекает: «Мы сидим, а денежки идут». Старший довольно поддакивает. Вот это усердное вдалбливание в массовое сознание и дало свои плоды: люмпены, отвергающие трудовой образ жизни, выросли до масштабов социальной группы, смущающей своими размерами правящий класс и его власть.

Пересказывая правительственных суфлёров, одна из ведущих либеральных газет признаёт: «Носители субкультуры бедности формируют в крупных городах городское дно, прежде отсутствовавшее в российском обществе...» Конечно, издание по привычке слегка передёрнуло факты. В российском обществе «дно» прежде существовало, что прекрасно живописал в своих произведениях великий Максим Горький. Его пьеса «На дне» и сегодня идёт в театрах. Газета имела в виду другое: после того, как российское общество стало советским, «дно» в нём исчезло.

Возрождение «дна» — это прямой результат реставрации капитализма.

Итак, в докладе констатируется, что началось воспроизводство класса нищих. Подхватывая вывод либерал-экспертов, либерал-журналисты затрезвонили о люмпенизации населения России. Во имя чего? Издание отвечает: необходимо

сосредоточить внимание и «дать волю креативному классу». Об этой новой политической ориентации речь ещё пойдёт, а пока — о нищете.

Эксперты правительства (авторы-стратеги этого доклада пока не открывают своего личика, но прежде аналогичные тома в рамках «Стратегии-2020» готовились под руководством ректора Высшей экономической школы Г. Гурвича, ректора Высшей школы экономики Я. Кузьминова, ректора Академии народного хозяйства и кадровой службы В. Мау, научного руководителя Высшей школы экономики Е. Ясина и других известных ультралибералов) считают, что власть слишком много заботится о бедных, а это-де неправильно. В колониях так не принято. О нищих и бедных рекомендуется заботиться ровно настолько, насколько их недовольство «чреватой социальной нестабильностью».

Как-то пришлось прочитать книгу директора по коммуникациям Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) И. Эйдмана (по данным Интернета, сводного брата Б. Немцова). При первых упоминаниях о докладе «Новая модель роста — новая социальная политика» эта книга вспомнилась сразу: пафос обеих работ очень близок.

Эйдман пытается теоретически обосновать *неизбежность «дна»*: «Индивиды с ярко выраженным приоритетом сберегающего инстинкта (!) в условиях свободного рационального (?) выбора... будут склонны минимизировать свою социальную деятельность». На этой основе социолог предлагает решительные прогнозы и рекомендации: «Учитывая небольшие риски применения лёгких наркотиков и слабого алкоголя, это занятие может стать основным для индивидов, принадлежащих к пассивному меньшинству, слабо профессионально и творчески ориентированному. Таким образом, представители пассивного меньшинства станут праздными прожигателями жизни...»

Либералы настаивают: «дну» положено состоять из пьяниц и наркоманов, и для этого должны быть созданы все условия.

Что касается казённых экспертов, то они трудятся явно на перспективу. Уже сегодня они зачислили в «носители субкультуры бедности» 5 миллионов человек, причём «без учёта бомжей и нелегальных мигрантов». Выходит, как минимум, каждый тридцатый из нас, граждан РФ, — обитатель «дна». Не перебор ли? Обратимся к официальной статистике.

В последнем «Российском статистическом ежегоднике», вышедшем в конце 2010 года, сообщается, что в пору пика

экономического кризиса работу искали почти 8,5 миллиона человек. При этом в российской армии безработных, судя по статданным, не было таких «бойцов», которые не стремились бы получить путёвку на «трудовой фронт». Если рассматривать статистику всего последнего десятилетия, то выясняется, что от 83 до 94% безработных обращались в различные кадровые службы или к знакомым в поисках нового места работы. От 55 до 67% её находили. Кстати, в нынешней государственной статистике, кроме занятого населения и безработных, никаких иных категорий нет, они включают в себя всё экономически активное, то есть способное трудиться население.

Росстат опубликовал данные о средней продолжительности поиска работы людьми разных возрастных категорий. Молодёжь в возрасте до 20 лет тратит на поиск работы 5—6 месяцев, граждане от 20 до 40 лет — от 7 до 9 месяцев, а лицам старше 40 лет приходится тратить на поиск нового рабочего места свыше 9 месяцев. Но это — среднеарифметические величины. За ними не видно того, что 30—40% тех, кто однажды лишился работы, ищут её более года. Одновременно даже в «тучные 2000-е» от 25 до 30% ищущих работу не имели ни дня трудового стажа. Выходит, их удерживает на «дне» вовсе не субкультура, а капиталистический характер экономики.

Интересно, на какие данные опирались эксперты, утверждая, что в социальную группу люмпенизированного населения, уклоняющегося от работы, входят 5 миллионов россиян? Или это — следствие их личного народоненавистничества и русофобии? В 2009 году из примерно 6 миллионов наших соотечественников, потерявших, по официальным данным, работу, четвертая часть, как сообщает Росстат, была уволена «в связи с сокращением штатов» и около 40% — «по собственному желанию»... работодателей.

Пересказывая казённых экспертов, либеральные журналисты утверждают, что растущие цифры безработных будто бы близки к численности не желающих работать, и делают вывод о росте числа жаждущих жить на социальную помощь. Росстат опровергает подобные умозаключения. В последнее пятилетие только 30% безработных получают социальную помощь (в 2008 году этот показатель даже снижался до 26,7%). Да и размер государственной социальной помощи по безработице — сущие кошачьи слёзы.

Капитализм действительно создал социальное «дно». Вероятно, по своим размерам оно уже превысило численность работодателей — по данным Росстата, в стране примерно 1,2

миллиона дельцов, представляющих крупный и средний капитал. Но нынешняя власть и выражающие её классовые воззрения эксперты хотят приравнять к «дну» и значительную часть работающих, чья заработная плата ниже прожиточного минимума: это-де тоже люди, у которых, по И. Эйджману, преобладает «сберегающий инстинкт».

Кстати, сегодня самую низкодоходную категорию населения в РФ составляют те, кто имеет работу. Ведь у каждого пятого работающего заработная плата, вопреки всем законам, ниже прожиточного минимума.

РФ единственная страна на планете, где самые низкие доходы — у людей, продающих свою рабочую силу капиталу. Но капитал их сталкивает на дно. Правительственные эксперты признали этот факт.

И при этом сии образцовые гуманисты предложили впредь не ставить заботу о нищих в приоритеты государственной политики. Кошунственно? Да. Но не удивительно: такова человеконенавистническая сущность капитализма.

РАСКАЗЫ

БРАТ МОЙ МЕНЬШИЙ

Кочет закукарекал с вечера — к покойнику в доме. А умереть было кому, болел мой брат Федор, его судорожный, почти безголосый хрип и свистящее засасывание воздуха продолжались уже вторые сутки... Столпившиеся возле него бабы молчали, временами без обычного благоговения крестились, взмахивая руками поспешно, будто поторапливая неизбежный исход. Почужевшим голосом Катериниха нараспев читала непонятные слова в церковной книге, не прерываясь даже тогда, когда казалось, что Федор совершал свой отчаянный последний вдох.

От сладковато-приторного запаха, наводнившего хату, подступала тошнота. Выбежать бы на улицу, на волю, но оцепенение и небывалая потерянная отбили всякое желание двигаться. Как неживую игрушку, кто-то переставил меня в сторону, чтобы не мешался...

— Донья, не убивайся.

— Бог дал, Бог взял.

— Отстрадался, слава те, Господи.

Это бабы уговаривали маму не плакать.

ПРОЗА

Федор умер годочков двух от роду. «Младенчик», «подвал» — на расхожем деревенском языке так обозначались самые коварные болезни детей. Брата задушил «подвал». Уже взрослым, получив медицинское образование, я определил, что умер он от дифтерийного крупа. Эта неоткупная зараза не зря долгое время у врачей называлась «петлей палача». В печальную память о брате осталось лишь звучное имя — Федор.

Забылось уже, что именно со мною тогда происходило: от домашних, да и от посторонних тоже только и слышал, что «чезну» со дня на день.

Как-то, зайдя проведать маму, Катериниха спросила:

— Што ж, Донькя, отошла ты от горя?

Мама завсхлипывала, начала жаловаться:

— От одного ишшо на полступочки не отодвинулась, а уж другое мот накинуло... Мишка мой опосля похорон Хведора — как порченый: кричит по ночам, кислый, вроде и не большой, а хуже больного. Не дай Бог, и этого потеряю.

Катериниха посоветовала:

— Отправь к Варьке, все ж родная сестра тебе, не откажет. Дык и Танькя с Хвилькей, почитай, не чужие. Хвилькя, хучь и примак, а мужик сердешный. Таньке с ним, слава те Господи, повезло. Отправляй, пускай у их поживет. Там и с харчем, слыхала, поладней, глядишь, твой малый очухается... Иди-ка, побегай, — ни с того ни с сего выдворила она меня из хаты.

Нехотя поволокся в сени, слыша за собой отдельные слова:

— Пускай забудется... Прикажи Варьке... Хведора не напоминала.

Не заладилось со здоровьем и на новом месте. С печи, куда определили меня, слезать не хотелось. Творог, сметана, яйца — чем старалась ублажить бабушка Варя — несъедобиной забивали рот, не глотались, хотя избалован не был, впроголодь на картохе с хлебом не очень-то избалуешься.

Дядя Филипп, пытаясь развлечь меня, взял с собой в кухню. От чада, от гудящего огня с трескучими искрами и накопальным грохотом я вовсе ослабел. Собрался выйти наружу, запнулся на пороге, упал и безотчетно заплакал. Пришлось дяде Филиппу бросить работу и обратно нести меня, обессиленного, на руках.

Вечером, когда я отказался что-либо есть, дядя Филипп вдруг собрался учить меня петь песни. Я заотнекивался, но он не сдался:

— Да ты послухай, послухай сперва. Вучиться будешь потом, шас тебе — куда вучиться. Шас послухай...

Пел он про военные походы, про коней и вострые сабли; знал немало и бабьих песен, лелешных, уговорных, какие поют по праздникам и на свадьбах. Голос у дяди Филиппа ласковый, мягкий — неудержимо подкатывались слезы. Заметив мою угрюмость, он внезапно оборвал пение:

— Ну ладно. Ладно... Все одно держись... А потеху я тебе раздобуду. Раздобуду!

Спустя два или три дня дядя Филипп пришел домой с мешком:

— Отгадай, какую забаву принес?

Неодолимые вялость и безразличие приковывали меня к печи. Лежал бы и лежал, ничего не желая, лишь бы оставили в покое, мне-то ведь ни от кого ничего не нужно.

— Да ты гляди. Гляди! — радовался дядя Филипп. — Вот это я тебе принес, так принес... Забава из забав... Шас увидишь.

Он поставил мешок у ног и бережно стал опускать горловину. Какое-то время казалось, что в мешке ничего нет. Надо мной решили пошутить. Ни интереса, ни обиды я не испытывал. Хотелось отвернуться к стенке.

А мешок, между тем, зашевелился. Оттуда кузнечиком выпрыгнул белый козленок и сразу замекал, да так пронзительно, жалобно, что я, испугавшись, вздрогнул.

— Ну-ка, ну-ка ишшо, — дядя Филипп на корточках присел перед козленком. — Давай ишшо. Давай, — о чем-то он просил козленка. Тот несколько раз подряд промекал. — Во-о! Во-о!.. Ми-и-и! Ми-и-и! Выговаривай дале. Ну, ми-и-и!

Козленок снова охотно взмекнул. Дядя Филипп распрямился и, не глядя на меня, заговорил:

— Вумный какой. Ишь, балакать способен. Сказал, как его звать. Разумеет поболее человека.

Я не удержался, спросил:

— Кто балакать способен?

— Кто-кто... Козленок — вот кто... За водой, што ли, сходить? — Дядя Филипп грюкнул ведром.

— Погоди, — остановил я его. — Что сказал козленок?

— Сказал, зовут Митей. Митрий. Слыхал: ми-и, ми-и?

— Ну, только ми-и, откуда Митя?

— Да што я — телялюй какой, я по глазам догадался. У Митрия глаза говорящие.

Я хотел было возразить дяде Филиппу: все это он нарочно придумал. А козленок вдруг подошел к печке, задрал голову.

Глаза у него, и впрямь, были внимательные, понимающие. Под его взглядом мне стало не по себе. А он еще:

— Ми-и... Ми-итя, — ей-богу, я расслышал: «Митя».

«Мишка», — назвал я себя, не выдавая голоса, чтобы не устыдиться перед дядей Филиппом.

Митя замахал коротким хвостиком, стуча копытцами, запрыгал, заплясал перед печкой.

«Гля-ко, вроде понял», — обрадовался я.

Дядя Филипп по воду не пошел, возможно, забыл или передумал, кто знает. Занят он был иным. Долго подыскивал место для Мити. Принес охапку соломы, расстелил ее вначале около сундука, затем, рассуждая вслух, перерешил: на проходе нельзя, из двери холодом сквозит. Определился было под лавкой, но Митю туда заманить не смог, даже тогда, когда, ласково уговаривая, укладывал его на мягкую подстилку, тот стремглав вылетал на простор.

— Што ж ты, Митрий, хочешь, а? — терялся дядя Филипп. — Можно бы в теплушку, но ты испужался теленка. В сарай — замерзнешь... Ну, не посередке ж хаты? Тут, малый, под ногами, не ровен час, наступим.

Уже при лампе Таня принесла сковородку, налила туда молока и, поймав Митю, начала тыкать его мордочкой в молоко. Митя упирался, отодвигался от сковороды, стряхивая попавшие на губы белые капли. Таня, чуть не плача, позвала на помощь:

— Мам, может, ты?

Из теплушки, на свет, выступила бабушка Варя, заложив руки за передник, постояла, поглядела. Митя тоже пристально ее разглядывал снизу вверх, по-куриному забавно свесив голову набок. Бабушка Варя присела, позвала Митю:

— Иди, маленький, ко мне. Иди, хорошенкий.

И, странное дело, он подчинился, не мешкая, ткнулся в бабушкины ноги. А она гладила его лобышку, ерошила, перебирала белые блестящие кучеряшки, приговаривала:

— Туточки вот рожки вырастут, да-да, вырастут, не обманываю. Сперва бугорки поднимутся, свербеть станут. Тогда сам проситься будешь, штоб почесали. А штоб рожки выросли, молочко надо пить. Без молочка — как же? Маленькие все молочко пьют. Молочко дюже полезительное, дюже сладкое, хучь не мамкино, от коровы, а все одно сладкое, без него нельзя.

Она дотянулась до сковороды, смочила палец и, продолжая гладить Митю, приставила палец к его губам. Митя принялся сосать. Окуная палец в молоко, она раз за разом не доносила до Митиной мордашки, он же незаметно, ша-

жок за шажком, приближался к сковородке, пока, наконец, губами не погрузился в молоко, выискивая там бабушкину приманку.

Вскоре Митя улегся около печки, у приступка.

— Молодец, Митрий. Раз сам выбрал, тут тебе и жить. Тут теплушко. И Мишка рядом, вдвоем не страшно. — Дядя Филипп переместил из-под лавки солому, уложил Митю. Не сопротивляясь, тот свернулся калачиком, быстро заснул.

Как только в хате объявился козленок, обо мне будто забыли, да и я о себе забыл тоже. Свесив с печки голову, долго разглядывал Митю, и было почему-то радостно, что именно вблизи от меня облюбовал он себе жильё. Когда бабушка Варя собрала ужин, я не стал дожидаться приглашения, сел за стол. Есть по-прежнему не хотелось, а вот снизу поглядеть на спящего Митю было любопытно.

Уже верховодила весна. Мы с Митей днями пропадали на улице. О моей хворобе теперь ничто не напоминало.

Бабушкина хата стояла на юру между двумя оврагами, от нее среди кустов по камням спускалась крутая извилистая тропка, по ней дядя Филипп носил воду из колодца. Эта тропка чем-то понравилась Мите, скакал бы по ней с утра до ночи, но только со мной вместе, не иначе. Меня он изматывал. Идти вниз было хотя и несподручно — осыпался камешник, скользили ноги, — зато не так уморно. А наверх подняться — задыхнешься, приходилось упираться руками в колени, хвататься за кусты. Митя был первым на этой тропке. По дороге в овраг он особенно не спешил: отбежит — оглянется, отбежит — оглянется, боялся, что поверну назад. Дождав меня на дне оврага, подставлял свою покрупневшую лобышку, мол, почеши, пожалуйста. Митя, естественно, не говорил так, но я его и без слов понимал, не отказывался тереть молодые рожки.

Поначалу это были сине-багровые холмики, под пальцами они пульсировали, как нарывы. Затем мало-помалу макушки бугорков торчками вытянулись вверх, помогатели, но были еще недостаточно твердые, словно резиновые, гнулись, сдвигались с места. Я пробовал пальцем шелкать по ним, Мите это не нравилось, он фыркал, тряс головой, жмурился, значит, было больно. Теперь вот рожки под шелчком уже позванивают, сколько хочешь стучи по ним, у Мити от удовольствия аж слюна по бороде течет. От его бодней мне частенько перепадает, когда мы кабашкаемся в траве.

С уступа на уступ — прыг-скок, прыг-скок — птицей улетал Митя в гору. А чтобы оглянуться — ни! Знал, что деваться мне некуда, хата ведь наверху, в овраге жить не останусь.

Начал подниматься и я. Сил не было, сколько раз уже Митя сгонял меня туда-сюда. Почти на ровном месте, когда хата видна была до завалинки, ноги подкосились, подумалось, сейчас закувыркаюсь вниз, изобьюсь о камни. По привычке схватился за куст, поранил руку. Заплакал от боли и на четвереньках, не вставая, пополз дальше. Двинулся и Митя навстречу. Не знаю, что ему примерещилось, но, приблизившись, он вдруг взвился на дыбки и своими рожками саданул меня в лоб.

— Брось палку! Шас же брось! — Бабушка Варя вырвала у меня палку. — Ты за што его бьешь?

— А чего он бушкается?

— Не смей бить! — снова приказала бабушка.

И моя обида перекинулась на нее. Нашла кого жалеть! У меня лоб раскалывается, а она какого-то козла защищает. Да и если по-настоящему, вовсе никакая она мне не бабушка, она сестра моей мамы, значит, тетя. Сама просила, чтобы бабушкой называл. Ну и что же, что старая, мне-то какое дело, тетя и есть тетя. Знаю, почему ей хочется бабушкой побыть: своих-то внуков нету... Вот возьму и перестану звать бабушкой, проси, не проси... «Не смей бить!» — тоже мне учить взялась.

Но учеба на этом не кончилась:

— Бить его, милый, нельзя. Может, он тебе брат?

— Хорош брат! — еще сильнее обозлился я.

— Хороший, плохой — не нам выбирать. Все, внучек, от Бога. Вот Хведор помер, а его душа, может, в Митю переселилась. Видишь, Митя любит тебя. И ты его любишь, ить, правда же?

Митя стоял поодаль, вид у него был понурый. А глаза... Глядеть в них боязно, будто о тебе там наперед все известно.

И у Федора глаза были какие-то особенные. Об этом часто говорили, а еще говорили, что с такими глазами он не жилец на белом свете. Все так и вышло. Наверное, из-за этих глаз брат и носил взрослое имя — Федор. Я ни разу не слышал, чтобы его кто-либо назвал Федечкой или еще как-нибудь по-детски.

Митя по-прежнему не сдвинулся с места, жалостливо смотрел на меня, должно быть, уразумел, что натворил. Мне тоже его было жалко, отдубасил со злости. Вины на нем могло и не быть. Скорее всего, он не заметил, как я упал, запросто вообразил, что я приготовился бушкаться.

— Ну что ж, — сказал я в надежде на примирение. — Давай опять будем друзьями.

Носить обед дяде Филиппу поручали мне. Сопровождал меня и Митя. По пути он успевал набегаться и покормиться.

Всему прочему предпочитал он листья; кустарник, небольшие деревца, попадавшиеся вдоль дороги, острижены были наголо. Добывал он пропитание не только понизу. Обнаружив, казалось бы, недосыгаемое лакомство, легко вздыбался столбиком, передние ноги при этом, словно ручонки, потешно складывались на груди, а сам Митя становился ростом с меня и доставал то, что намечал.

Дорога пролежала мимо воловни. Здесь Митя неуправляемо возбуждался. Он то и дело взбрыкивал, мекал, оглашенно носился вдоль загородки, нередко заскакивал в загон, из-под его ног тогда разлетались брызги и вонючее не просыхающее месиво. Воловня в обед чаще всего пустовала, для волов самое рабочее время в поле. Скотник Гридас, привалившись грудью к загородке, угрюмо стоял часами. Он был непомерно огромного роста, его большущие черные кулаки угрожающе покоились на деревянной поперечине. Гридаса я побаивался, хотя дурного слова или окрика от него никогда не слышал. Почему-то я беспокоился и за расшалившегося Митю, вроде в молчуне Гридасе для Мити тоже таилась какая-то опасность. А Митя очертя голову куролесил по загону, перемахивал через загородку, терся рожками и пробовал бушкать столбы, как бы выхвалялся перед Гридасом, показывая, на что способен.

Ходить в кузню с Митей для меня стало привычкой, а на этот раз пришлось отправиться одному. Бабушка вручила узел с едой для дяди Филиппа, и я стал звать: «Митя, Митя...» Он опустил голову в траву и не откликнулся. Он вообще держался от меня на расстоянии и выглядел необычно грустным. Я тоже был огорошен случившимся, мысленно винился перед Митей. А из головы между тем не выходило сказанное бабушкой о душе. Неужто на самом деле возможно, чтобы душа Федора жила в Мите? Такое я слышал впервые, не понимал, не верил. Допустим, душа и могла переселиться, но мало ли других козлят? Потом же, как узнать, где сейчас именно Федорова душа?..

Пока я ходил к дяде Филиппу, произошло то, что и предположить было немислимо. Митя умудрился распороть подушку. И бабушке пришлось гоняться по хате за летавшими перьями.

— Вот проказник, — смеялась она.

Будто чувствуя, что его хвалят, Митя крутился возле бабушки, следил, как опускались невесомые перышки, и шустро подпрыгивал, норовя поддеть их своими рожками.

Митя все еще ночевал около печи. Таня и бабушка Варя не единожды заводили речь, чтобы перевести его в сарай.

— Ладно, ладно. Будет время, отправлю, — обещал дядя Филипп и все откладывал, хотя закуток приготовил давно.

Когда дядя Филипп узнал о разорванной подушке, он решительно заявил:

— Все, Митрий. Быть тебе завтра в сарае.

А ночью я проснулся. Не душил кашель, который чаще чего другого разрывает сон на части. Ничего у меня не болело. Не слышно было ни Тани, ни бабушки. Тикали настенные часы-ходики, за занавеской на своей кровати размеренно, как ходики, похрапывал дядя Филипп. Ничего такого не было, что бы могло меня разбудить. Проснулся без нужды, подобного со мной не случилось.

От яркого лунного света в хате было видно как днем. В необъяснимой тревоге глянул вниз с печи: Митино место пустовало... Дядя Филипп, наверное, вывел Митю в сарай. Нетрудно догадаться, что оттягивал он это из-за меня, до поры не хотел расстраивать. Вчера такая пора настала. Сделал, пока я спал, чтобы утром не было никаких шансов на отступку... А вдруг все не так, как я думаю? Вдруг какая-нибудь беда стряслась?

Мучаясь предположениями, не сразу обнаружил Митю. Стоял он на столешнице. Запрыгнуть туда для него — пустяковое дело. Но что ему поблазнилось, чтобы проделывать это ночью?

Четкая тень от оконной рамы темным крестом пролегла рядом с Митей. Не шелохнувшись, прикованно он вглядывался в луну и не походил на прежнего Митю. Все его завитушки каждой шерстинкой источали невиданный мерцающий свет, да и весь Митя превратился в какое-то прозрачное существо, как из стекла... У Мити, мне показалось, не было ни бороды, ни рожек...

От Мити-изваяния исходила странная завораживающая сила, что я не заметил — было ли это видение промелькнувшим мигом или оно продолжалось всю ночь без остатка.

В каком-то небытии, будто не я, а непонятно кто за меня, спокойно подумал: «Не зря проснулся. Митя пригласил удостоверить, что он не какой-нибудь обычный козленок. Для убедительности, вон, и крест рядом лежит. Говорила же бабушка про Федора, она-то давно признала. Конечно же, у Мити Федорова душа, и ничья другая. Другой душе я не нужен, и она мне ни к чему. Федор умер, в это же время появился на свет Митя — и тут совпадает».

За лето мой Митя стал неузнаваемым. Куда-то подевалась его красота. Блестевшие, словно специально уложенные, бе-

лые кучеряшки превратились в серые свальянные кошлы. В глазах засверкал дерзкий, нахальный огонь: не признавал он теперь никого. Полоумно перся в бурьяны с репьями, мог выпачкаться в коровьих лепехах. Завидев овечек, а то и баб, он дурашливо вываливал язык, хрипя и мекая, гонялся за ними. Таня без хворостины из хаты не показывалась, он так и норовил залезть ей своей мордой под подол, отчего мне было невыносимо стыдно.

В деревне чего только не бывает — и все на виду; я понимал, что козел есть козел, иного от него не потребуешь. Но это же был мой Митя и мой Федор! «Неужели бы и Федор, останься он жить, был бы таким же сумасбродным? Нет! Нет!» — гнал я от себя негожие мысли. В глубине души я все же надеялся: вот-вот кончится дурость, Митя станет прежним Митей. Это он мстит мне за лупцовку. Вот я сам о бабушке Варе плохо думал, теперь от этого следа не осталось. Даст Бог, произойдет такое и с Митей, скоро утихомирится, не надо только делать ему нового зла.

Дядя Филипп терпел-терпел и окоротил Митю: очутился тот на приколе. Мне было его жаль, когда, разогнавшись, он падал, давился на веревке. Но постепенно к неволе он привык, смирился и я: так надо.

В последнее время от Мити стало сильно вонять, нос зажимай, а все равно учуешь издалека. Немудрено представилось, что если бы бабушка не купала меня каждую неделю, от меня разило бы так же, а то и похлеще. Потому и додумался как-то искупать Митю.

Когда я снял с притыка веревку и потянул Митю за собой, он упрямо заупирался. Хотя я и окреп за лето, но силы хватило протащить его лишь несколько шагов. Ослабил натяжение, раздумывая, что же дальше предпринять, как Митя добровольно последовал за мною в овраг. На знакомой тропе он снова оказался впереди, как прежде, но шел своей нынешней походкой — важно, грузно, не оглядывался.

Неподалеку от колодца находилась копанка. Обыкновенно там бабы полоскали белье. Сейчас, благо никого вблизи не было, иначе бы своими советами могли помешать, да и Митя при бабах сходил бы с ума.

Знал, что искупать Митю будет не так-то просто, насильно в копанку я его не затаю. А он, молодчина, сам подсказал, что делать. Остановился у края, склонился попить, оставалось лишь столкнуть его. Пока Митя барахтался, пытаюсь выбраться на берег, я забегал на другую сторону и без труда увлакивал его в воду. Азартно носясь вокруг копанки, не

заметил, как запутался в веревке... Случайные люди выгнали меня, откочали. Сообразил я это лишь потом, когда меня рвало водой.

Бабушка Варя не стала ругаться, а я-то боялся. Приговаривая ласковые слова, она растерла меня самогоном, дала сухую одежду, обернула одеялом, уложила на теплой печке. Вскоре принесла какой-то пахучей травы, напихала под рубаху, сказала, что это от простуды, и, добродушно подшлепнув по одному месту, велела спать.

Проспал я аж до следующего утра. Таня провожала дядю Филиппа на работу, со двора доносились их голоса: «...совсем сбесился... Позови Гридаса... Приготовь бутылку... Чуть не утоп... Няня узнает... Няня... переживать...» С полусна не все расслышал, ничего не понял. Няней они обычно называли мою маму. Либо мама собирается меня проведать?

Бабушка Варя слишком часто прикладывала руку к моему лбу.

— Не захворал, слава те Господи, — каждый раз отмечала она, то и дело, поглядывая на ходики.

Я уверился, что бабушка ждет маму. А когда она уж очень рано отправила меня с обедом к дяде Филиппу, сомнений и вовсе не осталось. Бабушка хочет, чтобы я побыстрее освободился и уже дома встречал маму. Я тоже спешил и не обратил внимания на Митю: он насыщался травой и вроде бы выглядел здоровым после вчерашней бани.

Дядя Филипп — человек обстоятельный, правильный. Я никогда не видел, чтобы он торопился. Ложку в руки не возьмет, пока, стоя перед божницей, не перекрестится. Хлеб, ложки, миска — все должно находиться на своих местах; за столом должны разместиться и все остальные, тогда уж он, будто нехотя, примется за еду. В кузне у него тоже свои правила. Меня он не тут-то замечал; пока не достучит, не доделает задуманного, головы не повернет. Потом уж, когда отшлепавшая в чане с водой поковка ляжет на свое место, на наковальне окажутся длинные кузнечные клещи с рукавицами наверху, дядя Филипп разулыбается и поздоровкается со мною по-взрослому, за руку.

С молодым вихрастым молотобойцем Тимофеем дядя Филипп только приступил ковать лемех для плуга. Такую работу я уже видел. Ждать придется долго. А как же мама? Она, разумеется, не заскучает с бабушкой Варей, им, бывает, дня мало, ночь напролет все говорят и говорят.

Нетерпение то и дело выгоняло меня из кузни. Выбегая, глядел в поле, на дорогу. Оттуда должна явиться мама. Вдруг прозеваю?

— Тимофей! — выкрикивал дядя Филипп.

— Гох! — жажал тот кувалдой.

У одного Тимофея музыки не получалось. И тогда дядя Филипп вклинивался своим маленьким молотком с женским звонким голосом, тотчас разбавлял первоначальную мужицкую густоту кувалды и оформлял окончательную мелодию.

— Гох, гох, день; гох, день, день... — звон, как в церкви.

На мой взгляд, лемех давно уже был готов, а его все охорашивали. Не нагревая в горне, по холодному железу, чего я раньше не наблюдал, дядя Филипп спрехвала тюкал молотком, не глядя на лемех, даже не передвигая его.

— Никак не закончу, — вздыхал он и опять принимался тюкать.

В очередной раз я выскочил наружу: дорога была тоскливо пуста. Услышал из кузни:

— Считаешь, успел? — о чем-то спросил дядя Филипп.

— Не сомневайся, — ответил Тимофей. — Дело привычное. Мастак... Небось, уже и бутылку выжрал.

— Ды хучь две.

Заметив меня на пороге, дядя Филипп наконец-то бросил в угол надоевший лемех:

— Кажись, все... Будем обедать.

И обед закончился, а дядя Филипп все находил какой-нибудь предлог, чтобы задержать меня.

— Щас, щас, — выискивал он новую железку и начинал рассказывать, из чего она сделана да для чего нужна.

Хотя я и мчался сломя голову, но около воловни почему-то остановился; поводом послужил, скорее всего, зычный голос Гридаса. Он пытался накинуть ярмо на волов. Те, несмотря на неуклюжесть, ухитрялись все же вывернуться из-под ярма, видать, молодые, необученные еще. Гридас по-звериному хрипел от досады, пьяно шатался, снова и снова поднимал ярмо, набрасывал на воловы шеи. Ему удалось-таки закрепить нижнюю плаху, сомкнуть упряжь — волы ужаленно вертанулись голова к голове, и ярмо с хряском переломилось.

Цоб! — рывкнул Гридас и своим кулачищем огромил вола по сопатке. Цоб оглоушенно закачался, замычал обреченно и рухнул наземь. Следом Гридас завалил и цобе. — Я вас навучу жизни! — рычал Гридас.

И, правда, научил. Когда явился с новым ярмом, волы, пошатываясь, уже стояли на ногах, и Гридас без затруднений надел на них ярмо.

Мне никогда еще не было так жутко. Я брел, ничего не видя окрест. В ушах все время стоял хриплый, бессильный мык волов. Зайдя в хату, посторонне отметил: мамы нет. Вышел во двор, в сарае была отворена дверь, направился туда.

На перекладине висела освежеванная туша. Поросенка, что ли, зарезали? Да нет, с поросенка шкуру не снимают... И ноги не свиные...

На окровавленной табуретке боком лежала Митина голова. Над еще не помутневшим глазом в шерсти запутался репей, и я стал его бережно высвобождать, словно это сейчас было очень и очень нужно.

Бабушка Варя нашла меня под вечер в лопушняке, на дне оврага.

— Пошли, касатик, домой, — как ни в чем не бывало, обратилась она ко мне.

— Вы зачем Митю зарезали?

Бабушка ласково ответила:

— Скотину всегда режут. Подошла и Митина очередь.

— Бабушка, бабушка. Ничего ты не понимаешь. Вы же не Митю зарезали, вы Федора, брата моего, зарезали!

— Што ты буровишь?! — испугалась бабушка и принялась меня крестить. — Помилуй Бог. Не говори такое! Я пошутила, штоб ты Митю не обижал. А ты — за правду... То-то неразумный ишшо.

Поверить бабушке я не мог. Если бы довелось ей увидеть Митю тогда, ночью, когда крест рядом лежал. Жалко, что не видела.

А бабушка продолжала убеждать:

— Митю нужно было резать. Извел всех. Это ж мы тебе не говорили: на днях бабке Катеринихе ногу сломал, не знаем, чем теперь откупаться. А на себя глянь: все лето в синяках, вчера чуть не утопил. Нет, ждать было нельзя, он бы из тебя, не приведи Бог, мог бы ишшо калеку исделать. Рази ж ты не видал, што зверь, а все одно лез к нему?

Следом бабушка бросилась расхваливать, какая вкусная получилась козлятина, что Филипп и Таня ждут меня, чтобы сесть за стол... Есть Митю?.. Непутевым голосом я завыл:

— Не буду! Не буду!

— Ды штой-то ты вбил себе в голову. Кошка мышку слопает, ты же не плачешь? А курица червячка склюет?.. В жизни каждый кем-то кормится.

«Не так! Неправда!» — хотелось крикнуть бабушке, но она меня не понимала, а больше кричать было некому.

ПЕТЬКА ВЕРНУЛСЯ!

Еще утром Петька догадался, что у него начинается «уремия» — почки отказываются работать. Побаливала голова, неинтересно было играть с ребятами, тянуло на койку. А когда заметил, как, сдерживая себя, вздохнула на обходе Инна-ванна, совсем сник: опять умирать!

Петьке четыре с половиной года. Если б дано было ему помнить свою жизнь с самого рождения, то он бы увидел себя в детской комнате роддома. Лежал он тогда на высокой с белыми бортиками кроватке. Таких неразличимых, стандартных кроваток здесь было много. Его, как и других, одинаково пеленали, бесцеремонно перекидывая с боку на бок. Как и все остальные, он имел номерок, но на его номерке после фамилии матери не значилось ни ее имени, ни палаты, где она должна была лежать. Каждый раз перед кормлением, когда комната заходила в истошном многоголосье, какая-то тревога внутри него заставляла чмокать губами, судорожно сводила рот. Младенцев уносили в палаты к матерям, а он продолжал кричать один. Потом однодневок, утомленных кормлением и уснувших, возвращали на свои места, ему же приносили бутылку с чужим, сцеженным молоком. Всем ртом он хватал холодную красную соску, всхлипывал беспокойно, захлебываясь. Няня, кормившая его, тихо уговаривала: «Ну, чего ты кричишь? Ну, чего?..» Она поворачивала его на бок, вытирала лицо и снова давала соску: «Пососи, милый, пососи. Чего ж теперь...»

Так уж пошло, что с самого начала жизни его окружали тети в белых халатах, белых косынках, в меру ласковые, в меру суровые. Вначале это был роддом, а потом — Дом ребенка, куда его определил отец. Кругом был этот белый безучастный цвет.

Но всего этого Петька, разумеется, не помнил, не знал. Природа до поры до времени оградила его этим незнанием. На дне его памяти осталось самое раннее, что он помнит, — как пришел отец, как Петьке надели небелую рубашку, как потом отец взял его на руки, поднес к незнакомой тете и сказал: «Мама, наша мама». Мама погладила Петьку по голове.

В три года у Петьки заболели почки, и его положили в больницу. Дома он больше не был. К нему приходили вначале часто, потом все реже и реже. Но вскоре мама стала навещаться одна. Петька кричал в окно, чтобы в другой раз папа тоже приходил, обязательно. Мама кивала головой и молчала. А как-то она сказала, что отец уехал далеко-далеко и неизвестно, когда он вернется.

Совсем недавно мама пришла с каким-то дядей. Улыбаясь, она много кричала Петьке в окно, сама держала дядю за руку и, будто боясь что забыть, часто повторяла: «Это наш папа». Дядя тоже раз крикнул: «Ну, как ты там, сынок?» Петька отвернулся, заплакал.

Прошло время, и он свыкся, что у него два папы. Пусть этот походит к нему, пока не вернется тот, Петькин, папа.

К вечеру Петьке стало хуже. Ссохлось и болело горло. Он задремывал, но тяжело просыпался от звона в голове. Боль, вцепившись в затылок, тянула голову назад. Боясь расшевелить эту боль, Петька осторожно глянул: над ним извивались прозрачные трубки от бутылок. Он знал, ему рассказывала Иннаванна, что когда почки отказываются работать, то обязательно «вливают». Ну и ладно. Только бы не шевелиться, а то выскочит иголка, будут искать вену, — всю руку исколют. Никто уж, кроме Инныванны не попадает в Петькины вены. Он понимает, что их и не найдешь под сплошными синяками. Искололи уже все руки и ноги, даже шею сегодня смотрели — все искали. А Иннаванна на руке нашла, и он видел, как она обрадовалась. Да и сам тоже был рад. К уколам он уже привык. Но в шею... Было страшно.

В палату вошла Иннаванна. Она привела какую-то женщину. А та вдруг сорвала с плеч платок и упала перед соседней кроватью, на которой лежал мальчик с «белой кровью». Женщина обхватила руками койку и жутко закричала:

— Ды в па-сле-дно-ю да-ро-жич-ку я ж ти-бя, Се-е-нечка мой, са-би-и-ра-аю. Ды сы-ы-но-чик ты мой ра-ди-и-май...

Петька вздрогнул от этого крика, в голове огнем рассыпалась пронзительная боль. Боль росла невыносимо быстро, распирала глаза и вот-вот могла их выдавить. Боль куда-то еще выше прыгнула и звенящим ударом заслонила от Петьки мир. Он дернулся и потерял сознание.

Уже ночью Петька слышал рядом голос Инныванны, с трудом разомкнул налитые тяжестью веки. Иннаванна не сегодня дежурит, а раз задержалась, то... Петька уже знал, что это значит. Кому-то из ее больных совсем плохо. Петька это по себе знал, и над ним она до полуночи просиживала.

Оказывается, Сеньке тоже «вливают». Петьке видно белое, с голубыми темнинками у глаз лицо Сеньки. Из носа у него торчит марля. Петька понял, что у него началось кровотечение. Если б только ему самому не переливали, то сидел бы сейчас у Сеньки на кровати. Ребята почему-то боятся, что от Сеньки можно заразиться «белой кровью», говорят, что он скоро умрет. А Петька думает, что если и умрет, то опять отомрет. Вот он сам сколько раз уже умирал. Ничего страшного! Да у Сеньки и не совсем белая кровь, ребята не видели, а он видел в пробирке Сенькину кровь. Она, правда, будто молоком разбавленная, но не скажешь, что белая, как халат.

Иннаванна подошла к Петьке, посчитала капельки лекарства, покрутила зажим. Капли зашлепали бойчей — шлеп-шлеп — такими шариками-искринками.

— Ну, вот и лучше, — Иннаванна села на стул. — Ты у меня молодец.

— Пи-ить, — попросил Петька, но слов и сам не слышал, только пересохшие губы шершаво терлись друг о друга.

Иннаванна дала попить, поправила подушку.

— Теперь спи.

Петька лежал и думал, что его Иннаванна лучше всех врачей. Она ушла, а он чувствовал, будто ее рука, теплая и мягкая, еще и сейчас лежит на голове. И болеть стало меньше. Вот бы всегда так!

Сколько раз уже была у Петьки «уремия»? Сосчитать он не мог, он почти привык к своей болезни. Для Петькиного понимания еще недоступен был страх конца, он знал лишь боль и хотел единственного — чтобы пореже отказывали работать почки. И чего они отказываются? Петьке совсем непонятно все это. Как-то собралось много врачей, долго крутили всякие бумажки, приглушенно, на непонятном языке переговаривались. А когда уходили, украдкой бросали виновато-короткие взгляды, будто глядели куда-то за него, в стену, а может быть, и еще куда-то дальше, где Петьки уже не было. Только Иннаванна не ушла сразу. Она причесала Петькину косматую голову, оценивающе посмотрела на прическу.

— А ты у меня ну прямо стилияга... Битл.

Это хоть и непонятно, но хорошо. От нахлынувшей радости, что Иннаванна с ним, Петька заулыбался.

Несколько суток Петька на самом деле умирал. Его словно держали в глухой темной комнате, где он забывал, что существует мир с его светом и звуками, что существует он сам, способный воспринимать все это. Выдавались минуты, когда болезнь неохотно открывала тягучие ржавые ворота. Он видел свет, видел Иннуванну, маму и этого, второго отца. Он уже знал или, по крайней мере, мог догадываться, в каких случаях к детям вот так пускают родителей. Но не было сил и времени ни обрадоваться, ни испугаться. Не успев понять, что ему говорили, не сказав сам ничего, он снова погружался в глухоту забытья.

И на этот раз Петька выжил. К нему стали забегать ребята из других палат. От них он узнал, что Сеньку с «белой кровью» «врезали». И все равно не верилось, что он больше не увидит Сеньку. Ведь сам он жив, должен быть жив и Сенька.

Вскоре Петьке разрешили вставать, и первым делом он направился к своим приятелям в восьмую палату. Он мог бы пойти в любую палату, везде у него были знакомые мальчишки и девчонки, но с ребятами из восьмой палаты ему больше

всего нравилось играть, а у Юрки еще был складничек и электрический фонарик. На днях там освободилась койка, ему захотелось перейти туда насовсем.

— Петька! Петька! — понеслось по коридору.

Какой-то мальчик до странности маленький, открыл рот и удивленно смотрел на Петьку. О том, что Петька опять умирает, знала вся больница. И ребята с изумлением разглядывали его, кто-то потрогал Петьку, вроде он невсамделишный.

— Тебе руку резали? — поинтересовался Колька, или Головастый, как его звали ребята. На худом и длинном Колькином теле большая голова казалась такой, как выглядел бы подсолнух с обломанными листьями.

— Угу. Вот тут. — Петька поднял рукав пижамы и показал на забинтованное место.

— Больно?

— Немножко.

— Ну, Петро, кленики-едреники. — Юрка, старший из ребятни, оттолкнул Головастого. — К нам переходи. — Юрка обнял Петьку за плечи и со своего десятилетнего верха глядел на него покровительственно: мол, со мной никто не обидит.

Петька принес с собой альбом картинок для раскрашивания и цветные карандаши.

— Дядя Кондрат подарил.

— Какой дядя Кондрат? — спросил Головастый.

— Муж Инныванны. Он тоже врач.

Петька вырвал листики из альбома и раздал ребятам, чтоб досталось каждому. А когда дело дошло до карандашей, то одного вдруг не хватило. Юркиным складничком разрезали последний карандаш, и Петька поделился половинкой. Петьке много дарили игрушек, всяких переводных картинок, книжек, но сам он все раздавал, ничего не оставлял себе, зато в каждой палате мог играть любыми игрушками.

Петька посмотрел на убранную, еще не смятую койку, на которую его переселят, и хотел было уже сесть на краешек.

— Я тебе свой стул отдаю, — Юрка подвинул единственный стул, которым он владел по старшинству в палате.

Петька сразу же забрался на стул. Ожидая, когда Юрка зачинит ему карандаш, Петька довольно болтал ногами. Головастый громыхнул дверцей тумбочки, разворошив бумажные кульки, подал огромный апельсин.

— Мне нельзя. От апельсинов лицо пухнет, — отказался Петька.

— Бери. Чего ты? Обменяешь на яблоко.

Из коридора послышался визгучий голос Элеоноры Марковны — заведующей отделением. Ребята знали Морковку,

они сразу притихли, а чужие выскочили из палаты. Заведущая вошла вместе с Иннойванной. Головастый и Юрка полезли под одеяла. Один Петька сидел на стуле, спрятаться ему было некуда. Он дрогнул чернотой ресниц и опустил голову.

— Ты что здесь делаешь? — спросила Элеонора Марковна.

Петька понял, что обратились к нему. Он шмыгнул со стула и тихо, ступая потертыми войлочными ботинками, направился к двери.

— Это еще что у тебя? Апельсин?.. Вот и лечи такого. Только что из могилы... — Заведущая осеклась.

Петька, не поднимая головы, по направлению голоса протянул апельсин и вышел, осторожно закрыв за собою дверь. Непонятная обида согнула его голову, он отвернулся, так и стоял, уткнувшись лбом в стенку, — маленький, в балахонистой пижаме, один в пустом коридоре.

Потом он бесцельно побрел по коридору, остановился у окна, смотрел на улицу. Там шли люди, ехали машины, побегала даже собака, но ничего этого Петька не замечал, хотя и глядел, не отрывая глаз.

На плечо Петьки легла рука. Не оборачиваясь, он узнал Юрку.

— Морковка не разрешила тебе переходить к нам. Какого-то Хренова положат. Ну и пусть, кленики-едреники. Ты все равно у нас будешь...

Петька ничего не ответил. Что-то внутри него с новой силой заняло от обиды.

— Пойдем к нам. Морковка уехала. Ее куда-то вызвали.

В палате ребята, как наказанные, молча сопели да изредка вяло хрумкали яблоками. Юрка прицелился огрызком в алюминиевую урну и промахнулся.

— Головастый, подними!

— Сам поднимай, — буркнул Колька.

Они вначале не заметили, как нянечка Тетюля привела нового больного.

— Голубки, это Веня. Теперь ваш будет, — представила она новенького. Она указала ему койку, тумбочку. — Ну, голубок, обывкайся. Ребята у нас хорошие.

Переваливаясь на усталых ногах, Тетюля пошла к двери и увидела огрызок.

— Кто это у меня мусорит? — Она старалась придать голосу суровость.

Петька видел, как Юрка крутил рвущуюся с мясом пуговицу. Головастый не сводил с нянечки беспокойных глаз. Он ждал, когда на него глянут. Рот готов был вот-вот раскрыться.

Юрка встал, поднял огрызок.

— Извините, Тетюль.

— О-хо-хо, — вздохнула нянечка. — Ни часу, ни минуты с вами.

Она ушла. А новенький сидел на стуле, причесанный — волосок к волоску, — непомерно толстый для своих пяти-шести лет. В одной руке он держал целлофановый куль с яблоками, апельсинами, проглядывали даже груши и еще что-то в кулечках и пачечках. Такой же куль, набитый книжками, игрушками, цепко был захвачен другой рукой. Там же пламенел наган, похожий на царь-пушку. Новенький не складывал свое добро, а сидел безучастный ко всему, вроде никого вокруг и не было.

Головастый уже два раза прошелся около него, ноги сами останавливались у кулей.

— Давай положу в тумбочку, — он услужливо протянул руку.

— Я сам, — новенький отдернул куль с игрушками.

— Ты Хренов? — спросил Юрка.

— Да.

— Что у тебя болит?

— Мамочка говорит, что я не ем, — неохотно ответил Хренов.

— Ого, не ешь! — удивился Юрка и еще раз оглядел новенького.

Наконец Хренов положил куль с игрушками на койку. Игрушки прогромыхали, потрещали, заманчиво притягивая к себе ребячьи взгляды. Прямо сверху громоздился наган. Петька мысленно уже примеривался к нему. Держать, наверно, надо двумя руками, уж очень он большой. Да и курок не оттянешь одной рукой.

— Дай поиграть, — попросил Петька, замороженно любуясь наганом.

— Не дам, — Хренов схватился за куль, поджал ноги в опущенных мягкой шерсткой и расписанных под золото тапочках.

Что-то в Петьке сжалось, свернулось пружиной, он стал будто ниже ростом. Но тут же выпрямился, молча оторвал от нагана взгляд, отошел.

— Ну, дай книжку почитать. А мы тебе свои дадим, — предложил Головастый.

— Не нужны мне ваши. Мне мамочка какие хочешь достанет.

Хренов затолкал кули в тумбочку, несколько раз попробовал, плотно ли закрывается дверца, и снова уселся на стуле, поглядывая на упрямое богатство.

Юрка, ходивший по комнате, остановился напротив него:

— Ну-ка слазь! Князь Хрен!
— Чего ты? — удивился Хренов.
— Слезай, говорю. Стул мой. — Юрка выдернул из-под Хренова стул и пододвинул к своей койке. — Пошли, пацаны... Клёники-едрёники.

В обнимку ребята прошли по длинному коридору. Под ногами коротко попискивал линолеум. Ходить вот так, плотной стенкой, было легко и радостно. Руками и всем телом чувствовалось, что ты не один. Можно было закрыть глаза и не бояться, что ты упадешь или на что наткнешься.

Развернулись у окна, стояли все так же единой стенкой и смотрели на улицу. Там начиналась метель. Живые языки снега ползли по седым крышам, курились над карнизами, извивались по земле, выравнивая ямки и прилизывая бугорки. Дома, забор, улицу с деревьями и редкими прохожими словно кто небрежно замазывал наискосок белыми красками. А вдаль было совсем разбелым-бело.

— На лыжи бы... — вздохнул Юрка.

— Тым-тым-тым, — Головастый быстро заработал руками, изображая бег.

Ветер иногда слабел, валившееся белое крошево редело, деревья тогда приближались, с них то и дело срывались тяжелые шапки снега и падали вниз; ударяясь, они пушисто вспыхивали и превращались в холмики. До чего же удивительная белизна! Голова кружится!

— Снег, — какой он?

— Как какой? Холодный.

— Не-е! Я не про то... Ну, лесли лизнуть...

Ребята уставились на Петьку.

— А ты что?... Не пробовал?

— Не-эк, — Петька виновато мотнул головой.

Юрка, зыркнув по коридору глазами, вмиг сорвал оклейку, распахнул форточку и с рамы наскреб горсть снега.

— На!

На Петькиной ладони лежал снег, холоднящий-холоднющий. Он помял пальцами, вылепил белый шарик и положил его на ладонь. По руке побежала вода.

— Та-а-ет, — сладко растянул Петька и боязливо лизнул комочек снега.

За спиной ребят проходили девочки.

— Ирочка! Ну, пожалуйста... Ну дай нанемножечко твою куколку... Пока ты сходишь в туалет, я поиграю, — просила одна.

— Нельзя. Она в Москве достатая, — отказала другая.

Ребята обернулись. Девочки уже отошли от них. В приотк-

рытую дверь палаты было видно, как Хренов ссыпал в рот что-то с блестящей бумаги.

Бывает же такое! С самого утра Петьке везло. Вначале, на обходе, Иннаванна сказала, что у него уже вполне хорошие анализы. Петька не успел этому нарадоваться, как та же Иннаванна еще раз обрадовала его: разрешила переселиться в восьмую палату. Юрка и Колька мигом потеснили свои койки, подвинули чуток и Хренова, освободили Петьке место.

— Петька! Мчись за Тетюлей, — приказал Головастый. — Пусть твою койку перенесет.

— Зачем, Тетюля? Мы сами, клёники-едрёники. — Юрка был так возбужден, словно не Петьке, а ему самому выпало такое счастье. — Айда, пацаны!

— Пусть бе-е-гут не-е-уклю-ю-же пе-ше-хо-о-ды по лу-у-жам... — безбоязненно громко запел Юрка.

И скоро Петькины кровать и тумбочка красовались на новом месте. Юрка и Колька сложили все книжки в его тумбочку, а в верхний ящик — электрический фонарик и складничек. Петька обежал всё отделение, делясь своей радостью. Хотелось всем рассказать, что он теперь в новой палате вместе с Юркой и Колькой.

— Приходи, чем хочешь, играй, — приглашал он ребят.

Пробегая мимо ординаторской, Петька услышал за дверью, как что-то говорила Иннаванна. Тотчас же остановился. Достаточно было одного ее голоса, чтобы он, не раздумывая, бежал к ней, тыкался в ее колени. Даже не видя Иннаванны, Петька чувствует, когда она появляется в больнице, когда уходит. Иногда Иннаванна берет его с собой на обход, дает ему носить трубочку. Петька называет ее слушалкой. Он и сам слушал, как хрипят легкие, как стучит сердце. У иных в сердце что-то скребется, да так часто-часто. Случается, что дети, боясь уколов, начинают хныкать, а то и реветь. Петька улучит минутку и тут же на обходе шепнет:

— Не бойсь. Иннаванна вылечит... Хочешь, конфету принесу, а? Принести?

От Петькиного лекарства редко кто отказывается. Правда, у самого Петьки запасов конфет не бывает. Но он обязательно раздобудет, выпросит у кого-нибудь.

Сейчас, стоя под дверью, Петька колебался: идти ему или не идти? В ординаторской слышно много голосов, наверное, все врачи собрались. Может, и Морковка там. Вдруг вернет в прежнюю палату? Но вот рассмеялась Иннаванна, и он открыл дверь.

С порога окинул взглядом комнату. Угх, сколько белых халатов сразу! Увидев Иннуванну, он кинулся к ней, при-

жался к коленям и безмолвно затих. Потом еще раз огляделся, заметил на себе много пристальных взглядов и сильнее прильнул к Инневанне. А она теплыми руками ерошила его жесткие волосы и молчала. И все молчали.

— Хорошо, что ты пришел. У меня есть печенье, — Иннаванна торопливо разорвала пакет.

Остальные тоже всполошились, предлагая Петьке сладости. Он же глядел на ломти хлеба, лежавшие на столе. Поджаренная корка блестела, как стеклянная, хотелось ее лизнуть. От хлеба шел острый, дразнящий запах, язык тут же всплыл в солоноватой горячей слюне. Как давно не ел он соленого!

— Не надо печенья. Я хочу... вашего хлеба.

— Дурачок, что ж ты сразу не сказал! — обрадовалась Иннаванна и взяла его на колени. — А знаешь? Хлеб, по-моему, немного недосоленный. Пожалуй, я дам тебе кусочек.

— Иннаванна! А что если я складничком хлебушко порежу? Юркин складник теперь в моей тумбочке.

Скоро он вернулся с перочинным ножиком. В ординаторской была одна Иннаванна. Расстелив газету, Петька резал малюсенькие кубики хлеба, осторожно клал их в рот и долго жевал.

— Угх, хлебушко!

Хлеб, как Петька его ни берет, все уменьшался и уменьшался. Он уже больше не резал кубики, а старался отрезать потоньше — все больше останется. Ножик соскальзывал с твердого хлебного кусочка, стучал по столу.

— Смотри, пальцы не порежь.

— Я режу мимо пальчиков и мимо хлебушка, отозвался Петька.

— Значит, стол режешь.

— Угх! Я и не подумал, — испугался он.

Через минуту он спросил:

— Я вам не мешаюсь?

— Не мешаешь.

Петька слышал, как всю скрипела ее певучая авторучка.

— Правда, я притихнул? — Петька подошел к Инневанне. — Вот эту корочку я для завтра засушу.

Она посмотрела на Петьку, медленно-медленно улыбнулась и поправила загнутый воротничок его пижамы.

— Что вы пишете?

— Что пишу? — Иннаванна взяла из папки пухлую от частых подклеек историю болезни, попробовала пригладить пожухлые углы. — Твою историю болезни.

— Можно, я погляжу?

Объемистая кипа бумаг обвисла на Петькиных руках, придала своей тяжестью.

— Угх, боль-ша-а-я!

— Вот эта — Колина, эта — Юрина, эта — Хренова, — показывала Иннаванна

Петька остался доволен, что его история больше всех. Вон какая, как книжка, а не несколько листков, как у Хренова.

Иннаванна зажмурилась и долго терла виски.

— Петя... — Голос ее дрогнул. — Что-то я хотела тебе сказать? — Иннаванна помолчала и уже ровно проговорила: — А-а, вспомнила. Позови сюда Хренова.

Петька вернулся с Хреновым.

— Разденься, Веня, — Иннаванна готовилась слушать его.

Хренов положил на стул танк, аккуратно укрыл его пижамой. А Петьке и под пижамой виделся танк, такой верткий, быстрющий.

— Веня, дал бы Пете танк поиграть.

Иннаванна как угадала Петькины мысли.

Хренов пригнул голову. Потом медленно вытащил танк и поставил его на середину ковровой дорожки.

— Смотри, не сломай!

Пока Иннаванна слушала Хренова, Петька на коленках прыгал за танком. Игрушка гремела, скрежетала. У Петьки не мигали глаза, сам собой открылся рот, низко сползли штанишки. Прокатился по всей комнате раз, прокатился другой. Надо еще, надо спешить. Уже пять раз... Дальше он счета не знал... Пусть будет без счета... Надо еще успеть стрелнуть. Петька хватался за танк, искал, где что можно покрутить, чтобы танк стрелнул. Но ничего не находил. Петька закружился на одном месте, кузнечиком прыгал на коленках и сам был похож на заводную игрушку.

Он глянул на Иннуванну, она, полузакрыв глаза, переставляла трубочку по пухлой спине Хренова. Петьке хотелось, чтобы все это продолжалось как можно дольше. Но Иннаванна сказала Хренову:

— Одевайся.

Петька вернул танк и вытер потный лоб: игра окончена.

В ординаторскую заглянул мальчишка из прежней Петькиной палаты и позвал его:

— Петька! Петька! Сколей! Там монтеры пловода монтерят.

А вечером пришел дядя Кондрат, принес Петьке коробку звонких леденцов. Они рисовали космические корабли с космонавтами. Затем Петька рисовал что получится. Дядя Кондрат обвел Петькину руку и по обведенному вырезал. Петьке это очень понравилось.

— А я вашу обведу, ладно? — попросил Петька.

— На, пожалуйста, — дядя Кондрат положил руку на чистый лист бумаги, растопырил пальцы.

Но обводить Петька не начинал, раздумывая, вертел карандаш.

А что если не получится?

— Получится, чудак!

Петька даже не заметил, как вышла Иннаванна. Он сопел над рукой дяди Кондрата, старался обводить медленно, по нескольку раз поправлял неудачные линии. Потом взглянул на то, что нарисовал, вздохнул:

— Какая-то кулемка-мулемка.

— Ты еще раз попробуй. Получится лучше, — настаивал дядя Кондрат.

Петька на этот счет имел собственное мнение:

— Я на своей научусь, а вашу изгубливать нельзя.

Петька привстал на стуле, засмотрелся на большие, во весь размах Петькиных рук, плечи дяди Кондрата, на черный костюм, на галстук, на белую рубашку. Он положил свою руку на плечо дяди Кондрата и быстро, испугавшись собственной смелости, глянул в лицо. Глаза их встретились. Петькин взгляд было метнулся вниз.

Но в это время сильные руки подхватили его. Руки мальчика порывисто обвилились вокруг шеи дяди Кондрата, и оба притихли. Они прислушивались к себе, друг к другу.

Рассматривая дядю Кондрата, Петька немного подался назад, в его блестящих глазах колыхалась неутоленная жажда. Петька не помнит, чтобы когда-нибудь вот так, на руках его держал мужчина. Он нечаянно ткнулся пальцем в подбородок дяди Кондрата и отдернул руку.

— Угх, какой вы колючий! — растерялся он. Потом рукой боязливо провел по лбу. — А лоб не колючий... И нос тоже... И около глаз, — изумленно открывал он.

— Давай поныряем, предложил дядя Кондрат.

Петька согласно кивнул.

Дядя Кондрат вытянул вперед руки с напряженно-цепким, как прикипевшим, Петькой, широко взмахнул ими. Петька летал в воздухе. Замирало сердце, когда его поднимали высоко над полом, останавливалось дыхание и решительно горели глаза, когда он падал вниз. От всего этого радостно дрожало тело. Такого он еще никогда не испытывал.

Чувствуя к дяде Кондрату какую-то внутреннюю непонятную тягу, Петька не осознавал еще, что это такое. Пройдут годы, прежде чем он найдет объяснение этому. Оно непоправимо жестоко... Без отца... Какой бы благодатью ни окружала жизнь того, кто вырос без отца, и в старости он чувствует

себя недостроенным. Там, где-то в детстве, не хватило камня на самое основание жизни, и в душе остался обидно пустым, нежилым значительный участок...

Дядя Кондрат, со съехавшим набок и висевшим поверх пиджака галстуком, тяжело дыша, сел на стул. Петька тоже тяжело дышал, почти как дядя Кондрат, немножко потише.

— Что ж, тебя мама навешает? — спросил дядя Кондрат.

— Была вчера. Не-эк, не вчера — довчера, — играя галстуком, сказал Петька.

— А отец приходит?

— Мой папа не приходит. Он далеко-далеко уехал. А этот приходил. Я с ним разговаривать не стал.

— Это почему ж?

— А ну его. Стал мне в окно кричать, а шапка бубух — и свалилась.

— Что он, пьяный был?

— Угу.

Возвратилась Иннаванна, посмотрела на мужчин, улыбнулась:

— Вы еще не разошлись?

Петька пронзительно глянул на дядю Кондрата. «Что? Уже пора?» — говорили его глаза.

— Да нет... еще.

По голосу Петька почувствовал, что дядя Кондрат не собирался уходить. Может, и совсем не уйдет. Ведь дядя Кондрат — врач, и он может остаться на ночь в больнице. Его уж никто не выгонит. Будут они долго сидеть вместе; он, Петька, научится рисовать руку дяди Кондрата. Потом дядя Кондрат проводит его спать, посидит у него на койке. А то может остаться и совсем в палате. И Тетюля ругаться не посмеет, потому что дядя Кондрат — врач, а нянечки на врачей не ругаются. Составят стулья, Тетюля смастерит постель рядом с Петькиной койкой. Вон в других палатах около детей ночуют взрослые и не врачи даже... Они долго будут лежать молча, может, Петька что-нибудь спросит тихо-тихо, потому, что все уже будут спать...

— Ребята тебя не обижают?

Петька не сразу понял дядю Кондрата.

— Я, знаете, дядя Кондрат, я такой терпюший. Вон Колька... после уколов ревет, как корова. А я не-эк... Мне, может, тыщу, и больше тыщи уколов... И куда-никуда...

Дядя Кондрат будто забылся, лохматил и лохматил Петькину голову.

А за окном, в налившихся сумерках, уже во всю ширь мерцал огнями большой и шумный город.

— Ух, мне в палату надо, — всполошился Петька. — Пацаны мои штаны ждут.

— Зачем?

— Пацанов наказали, — снимали штаны. Пойду давать штаны — в туалет сходить. — Петька стоял неподвижно. — Пойду, — повторил он и опять не двинулся с места.

— Ну, иди, коли так, — дядя Кондрат подал руку, крепко пожал. — Спокойной ночи, Петя.

Петька медленно пошел к выходу. Иннаванна остановила его.

— Петя, ты конфеты забыл. — Она подала леденцы, ласково хлопнула его по спине.

— Пойду пацанам перчатку покажу, — Петька аккуратно прижал к гремучей коробке с леденцами смерок руки, что сделал ему дядя Кондрат. У двери он остановился, не ушел, о чем-то думал.

— Что ты? — спросила Иннаванна.

Он обернулся, шагнул от двери.

— Вы подойдете ко мне под окно?.. С дядей Кондратом... А?

— Там же темно. Что ты увидишь?

— Я фонариком посвечу. Ладно?

— Вот, Петя, и дожили мы с тобой, — Иннаванна закончила осматривать Петьку, но все еще сидела около него, не спешила уходить к другим больным. — Завтра тебя выпишу.

Она положила ладонь на Петькин лоб и стала ерошить волосы. Он чувствовал, как дрожит ласковая, по-особому теплая рука Иннаванны. Он не знал еще, что это за тепло, но смутно понимал, как от этого он сам смягчается. Ему хочется, чтобы Иннаванна была с ним и дома, и чтобы это тепло осталось с ним навсегда.

— Вот и хорошо. — Голос Иннаванны был как намокший. — Вот и хорошо, — повторила она.

Продолжая тереть Петькины волосы, Иннаванна глядела в окно и долго молчала.

— Ты домой хочешь?

— Угу, — быстро ответил Петька и улыбнулся всем лицом, даже до кончика носа добежала улыбка. Он видел, что Иннаванна хотела вздохнуть, но это у нее не получилось. Она еще раз ласково взглянула на Петьку и, блеснув смягченно-влажными глазами, тоже улыбнулась.

— Ой, как я рада за тебя! — Она аж по-Петькиному закрыла глаза.

Весь день Петька ходил какой-то чудной, было хорошо от одной мысли, что вот и его выпишывают, как выписывали

других ребят. Несколько раз он подходил к Хренову, смотрел на игрушки. И чем они его раньше интересовали? Подумаешь, наган! Да и танк тоже! Теперь все это ни к чему.

— Юрка! Колька! — От неумения сладить с небывалой радостью он почти кричал, хотя знал, что в палатах кричать нельзя. — Слышали?.. Да?

— Может, и не выпишут, — понуро ответил Головастый. — Анализ будет плохой, и все... И останешься с нами.

Но Петька не сомневался. Ему уже мало было этой радости, он нетерпеливо ждал еще чего-то необычного. Когда наступил тихий час, он быстро лег, закрыл глаза, а трепетавшая улыбка откуда-то изнутри, где все дрожало и волновалось, выпрыгивала на лицо и не давала заснуть. Он долго ворочался, пробовал было надавливать пальцами на глаза, давил больно, потекли слезы, а все не спалось. Больницу будто чем укрыли: приглушенные звуки все реже проникали в палату. Все уж, наверное, спали; Петька повернулся на бок, подложил обе ладони под щеку, почмокал губами, как это всегда делал перед самым-самым сном. «Эх, заснуть бы до утра! И домой сразу!» — торопил он себя.

Где-то в полусне Петька видел себя дома. Приехал папа, он узнал, что Петьку выписали. Он кружил Петьку на руках. Петька превращался в птицу, удивлялся, что все это с ним происходит. Кружил его и второй отец. Мама кормила его соленым-соленым хлебом. Все смеялись. Петька видел перед собой Иннуванну, дядю Кондрата, Юрку, Кольку и других больничных ребят. А игрушек сколько! Что там наган или танк! Прямо перед ним стоял красный-красный велосипед с лошадиной головой. Велосипед, как живой, поворачивал голову и тряс ею, смотрел на Петьку живыми глазами, нетерпеливо стучал колесами. Петька прыгнул на велосипед, закрутил ногами — тым-тым-тым — и как помчался! Все разбежались в стороны, боясь, что он их задавит, громко и радостно рассмеялись. Его снова подхватили на руки, стали подбрасывать высоко-высоко. Вместе с ним подбрасывали Юрку с Колькой. А они разговаривали между собой:

— Не хочется, чтобы Петька выписывался, — говорил Колька.

— Мне тоже, — ответил Юрка.

— Хорошо было бы, если б нас вместе выписали.

Петька хотел сказать, что они же вместе и всегда будут вместе, но в это время их опять подбросили, только Юрку с Колькой выше, чем его. Петька замахал руками, как крыльями, и сам удивился, что поднимается к ребятам.

— Юр, давай Петьку не пустим, — сказал Колька и с Юркой отлетел в сторону.

— Как ты не пустишь? — услышал Петька, он еще сильнее стал махать руками и полетел их догонять.

— Как? Как? Ему анализ мочи назначили, — шептал Колька, — а мы туда синьки насыпем... И не выпишут. Во-о!

— Не то, Головастый, — возбужденно говорил Юрка. — Из шестой палаты Ленку знаешь? У нее тоже почки больные. Попроси ее, пусть в Петькину банку пописает.

— Не согласится.

— А ты ей скажи, что если не надуешь в банку, — Петьку выпишут. Она и согласится.

Петьке стало смешно. Ребята вдруг заметили его и пустились бежать. Петька недоумевал, как это по воздуху можно бегать, но попробовал перебирать ногами, и у самого получилось... Интересно бегать по воздуху! Легко-то как!

Петька вытащил ладошки из-под щеки, сладко почмокал губами, теперь-то перед настоящим сном.

А после ночи, наконец, и наступило Петькино утро. Ожидание завтрака, потом обхода — все это куда более долгое, чем все несчетные месяцы болезни, забылось вмиг, как только пришла Иннаванна. Петька увидел ее и сразу понял, что выпишут сегодня. От волнения, от какого-то тепла, кипятком окатившего все внутри, он не мог говорить, а лишь улыбался неумело, словно чужим лицом. Он видел, как у Юрки и Кольки отобрали штаны, — их за что-то наказали.

После обхода Петька выскочил в коридор, метнулся из конца в конец, но никого не встретил. Надумал было вернуться в палату, но с веником в руке показалась нянечка.

— Тетюль, до свидания!

Нянечка остановилась, веник в ее руке повис, а сама она внезапно подобрела:

— До свиданья, голубок. Дай-то бог тебе здоровья и... счастья.

Подойдя к сестринскому столику, Петька страха не испытывал. С видом и чувством победителя он разглядывал коробки, пузырьки, раскрытый стерилизатор с грозным шприцем, большими и маленькими иглами и всякими железками. Все это было теперь не для него, и Петька старательно и далеко высунул язык самому большому шприцу.

Появилась и медсестра. Не глядя на Петьку, она машинально оттолкнула его от стола и начала рыться в коробках.

— Тетя! До свиданья.

Медсестра неохотно повернулась.

— За тобой разве пришли?

— Нет еще... Но меня уже выписали.

— Рада за тебя. — Медсестра сложила в нагрудный карман красные малюсенькие флакончики, завернула в полотенце шприц и крутым шагом направилась наисокос по коридору. — Иди в палату и жди.

Петька еще раз глянул в спину уходившей сестре и, когда уже закрывалась за нею дверь, увидел высокий узел желтых волос, комкавших белую шапочку.

— Эх, клёники-едрёники, — по-Юркиному облегчился он.

В это время мимо прошла женщина. Петьку как что подтолкнуло: догнал ее, забежал вперед и радостно сказал:

— Тетя, а меня выписывают.

— Ой, как хорошо! — воскликнула незнакомая женщина и щекотнула Петьку.

Он вывернулся из-под ласковой руки, подпрыгивая, помчался, с разгону шмыгнул к себе в палату.

Скоро за Петькой пришли и позвали его переодеваться. На прощание он обошел ребят, по-мужски пожал всем руку. Провожали его ребяташки и девчонки из других палат. Только Колька и Юрка не вышли, они были наказаны, да Хренов разглядывал новые книжки.

По коридору Петька прошел еще спокойно. Увидев же лестницу вниз, откуда уходили домой, он обо всем забыл, метнулся; ступеньки сами подскакивали под легкие ноги. Он уже заранее выглядел комнату, в которой одеваются в домашнее, и, спрыгнув с последнего порожка, безостановочно одолел маленькое коленце прохладного коридора и вскочил в эту комнату.

Между матерью и отцом на топчане лежал узел с одеждой. Мать встала, протянула к Петьке руки. Но он видел только узел, сопя, стал торопливо развязывать его. Хотелось побыстрей скинуть больничную одежду.

— Сыночек, здравствуй!

Как под навес, Петька ткнулся в теплый живот матери, но рук не хватило, чтобы ее обнять. Петьке не понравился этот большой живот, может потому, что из-за него он не мог видеть лица матери. Отец по-прежнему сидел на топчане, вялой рукой он погладил Петькину голову.

— Одевай, — сказал он матери, вытащил из кармана папиросы, но тут же сунул их обратно.

Петька ждал: вот из кармана покажется игрушка или еще что-нибудь... мало ли что может быть в кармане кроме папирос, может, интересные железки или складник. Но отец про руки забыл, не вытаскивал.

Пришла Иннаванна. Она стала рассказывать, что Петя теперь здоров, но долго еще надо беречь от простуды, от

других болезней, чем его можно кормить. Петька слушал, с какой-то не то болью, не то радостью раскрыв глазенки, вроде Иннаванна говорила не его родителям, а ему, чтобы он сам кого-то оберегал да держал в тепле. Он незаметно подошел к Инневанне, а она, продолжая говорить, прижимала его к себе, ласкала мягкой, понятливой рукой. Было похоже, будто она безвозмездно отдавала то, что ей досталось высокой ценой, и единственной платой, которую она требовала, было здоровье, к сожалению, теперь от нее не зависящее.

— Скажите, Иннаванна, что и хлеба мне можно. Как у вас, черного, — теребил полу халата Петька.

— Да-да. Можно, можно... Только приводите его к нам на обследование, — закончила Иннаванна.

— Доктор, да вы не беспокойтесь, — сказал отец. — Оно хоть скоро у нас и свой будет, но лишний кусок найдется. Что мы — не люди, что ль?

Иннаванна распрощалась, ушла. Мать начала переодевать Петьку. Он узнал свои прежние зеленые штаны, цветастую рубашку, вспомнил, что и подушка у него была такой же цветастой. Но и из штанов, и из рубашки, и из плюшевого пальтишка с капюшоном он за это время вырос.

— Может, в больничном отвезем? — глянув на мужа, спросила Петькина мама.

— А-а, ничего. Тут до автобуса недалеко. Пошли, — отец нетерпеливо посмотрел на часы.

И Петьку увели из больницы.

Юрка и Колька доживали в больнице последние дни: уколов уже не делали и через день-другой готовили на выписку. Больница им опостылела. Каждый из них дал себе зарок — никогда сюда не попадать.

Тоскливое время тянулось медленно, особенно послеобеденный тихий час. Спать днем они уже не могли и, чтобы хоть как-то незаметнее бежало время, прятались в туалет и смотрели из окна. Оттуда виден город, под гору спускающаяся дорога с трамваями, машинами, мотоциклами. Можно посоревноваться, кто больше насчитает автобусов, «легковушек» или чего другого, что беспрестанно выныривало из-за домов и на мгновение застывало на высоком с обломанными решетками мосту.

Ребята выждали время, оделись. Юрка выглянул в коридор. Около сестринского стола никого не было — самое время проскочить незаметно. Юрка решительно шагнул, но в тот же миг остановился на самой середине коридора.

— Головастый! Гляди!

Навстречу шел Петька.

Он шел медленно, низко опустив голову. В больших, не подвернутых штанах путались короткие Петькины ноги. Целлофановый куль в его руке свесился на пол и с сухим треском противно скреб линолеум. Из ординаторской вышла Иннаванна и растерянно остановилась. Петька, не глядя, ткнулся в ее колени, приник и замер. Следы недавних слез стягивали отечное лицо.

— Петушок мой родной, да как же так...

Иннаванна обхватила Петькины плечи, наклонилась над ним. С шеи соскользнула трубка и одиноко звякнула в тишине.

— Ну, ничего... Ничего, — ласково сказала она. — Будь молодцом.

А через несколько секунд отделение взорвалось детскими возгласами и топотом:

— Петька! Петька!

— Ура-а-а!

— Петька вернулся!

— Вернулся! Ура-а-а!..

К Петьке пробивались, толкали друг друга. Он выронил куль, но никто на это не обратил внимания. Под ногами скрипели сухари, выскользнуло яблоко и раздавленный ногами пряник. Прибежал и Хренов с наганом в руке. Он увидел Петьку в окружении галдевших детей. Хренов поднырнул под вытянутые руки и оказался около Петьки.

— На-а, стрельни. — Он совал изумленно-растерянному Петьке красный наган, заряжал его белым непослушным ядром. — Стрельни, Петька! Слышишь?

Обрадованный возвращением в этот свой шумливый дом, Петька онемел от крика и гвалта. Он держал в руках наган, но пальцы его не стреляли. Хренов сам надавил на крючок, шарик попал в кого-то, потом из-под ног, ударяясь о стены, покатился по коридору. Цепким взглядом Хренов следил, где остановилось ядро, спокойно выбрался из суматошной толкотни и пошел за своим шариком.

Появилась Тетюля.

— Ну, довольно, довольно. Пошли, голубок, в палату. — Тетюля вывела Петьку из галдевшего круга детей. — Вот и койка твоя как раз свободная.

Она подтолкнула Петьку и вслед за ним зашоркала тяжелыми старческими ногами.

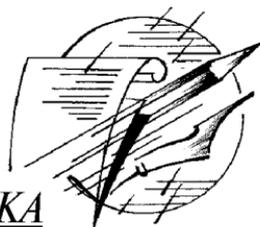
РУССКИЙ ИДЕАЛ И КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

Глава 1. СТО ЛЕТ АГОНИИ ЕВРОПЫ

Самоубийство Европы — не акт, а процесс

Ещё в начале XX века немецкий мыслитель Освальд Шпенглер написал знаменитую книгу «Закат Европы», в которой констатировал смерть западноевропейской цивилизации. (Полвеком ранее к той же мысли пришёл русский мыслитель Николай Данилевский.) Позднее не раз высказывались суждения о том, что Европа, развязав Первую мировую войну, покончила жизнь самоубийством. Здесь надо раскрыть суть этого тезиса. Исследования, проведённые в последние годы и в нашей стране, и на Западе, вскрыли такие, на первый взгляд, невероятные факты, что ныне впору историю Европы (и Запада в целом) писать практически заново. «Но мы истории не пишем», — готов повторить я за дедушкой Крыловым, и в рамках данной главы могу лишь отметить некоторые узловые моменты.

По случаю 90-летия со дня окончания Первой мировой войны «Литературная газета» (2009, №1) писала в редакционной статье:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

«Когда в августе 1914 г. развернулась Первая мировая война, в действительности начался и XX век со всеми его невыносимыми прежде для человека и человечества испытаниями, бедами и духовными катастрофами. Мир вступил в совершенно иную эпоху, последовали грандиозные перемены во всех сферах жизни. Мировые элиты, в чьих руках были судьбы сотен миллионов людей, в своей слепоте и безумной самонадеянности даже не искали иных, кроме войны, путей решения накопившихся проблем. Они развязали мировую бойню, не представляя себе ни её циклопических масштабов, ни степени ожесточения, ни чудовищного количества жертв. Многие из них считали, что война — это всего лишь «большое приключение». Война же разнесла в клочья империю и государства, ожесточила бесчисленное множество национальных проблем, прекратила пребывание Европы в роли центра мира».

Действительно, Первая мировая война охватила все континенты. В ходе войны были впервые использованы отравляющие газы и танки, впервые же в массовом количестве использовались пулемёты, подводные лодки и военная авиация.

Война нанесла участвовавшим в ней европейским государствам колоссальный ущерб — материальный, нравственный и духовный. При этом пострадали не только побеждённые, но и страны-победительницы. Человеческие потери составили почти 10 миллионов человек убитыми и 20 миллионов ранеными и искалеченными, 10 миллионов умерли от голода и эпидемий. На войну были затрачены колоссальные материальные ресурсы, громадными были и разрушения в странах, территория которых стала зоной боевых действий. Разочарование в цивилизации, которая оказалась лишь хрупкой оболочкой, слегка прикрывавшей звериную сущность человека, в религии, не способной отвратить людей от такого зверства, в Церкви, благословлявшей в каждой стране своё, «отечественное воинство», охватило широчайшие круги населения и нашло отражение в лучших произведениях литературы и искусства первых послевоенных лет. Промышленность, транспорт, внешняя торговля, финансы, сельское хозяйство многих стран пришли в упадок.

Это было воистину эпохальное событие:

«В сознании миллионов людей, даже не задетых войной непосредственно, течение истории разделилось на два независимых потока — «до» и «после» войны. «До войны» — свободное общеевропейское юридическое и экономическое пространство, непрерывное развитие «по восходящей» — в науке, технике, экономике; постепенное, но неуклонное возрастание личных свобод. «После войны» — развал Европы, превращение большей

её части в конгломерат мелких полицейских государств с примитивной националистической идеологией. А также перманентный экономический кризис, метко прозванный марксистами «общим кризисом капитализма», поворот к системе тотального контроля над личностью (государственного, группового или корпоративного)».

Но война ведь не свалилась на Землю с Марса, она стала плодом деяний рук человеческих. Можно ли говорить о конкретных виновниках её возникновения?

Казалось бы, разобраться в этом несложно, достаточно поставить традиционный вопрос: *«кому выгодно?»* Вроде бы и ответ готов: по данным американского экономиста Э. Богарта и ряда других исследователей, в результате войны выиграли только капиталисты. Так, военные прибыли германских монополий к началу 1918 г. составили не менее 10 млрд. золотых марок. Капитал немецкого финансового магната Стиннеса увеличился в 10 раз, чистые прибыли пушечного короля Круппа выросли почти в 6 раз. Крупные прибыли получили монополии Франции, Великобритании, Италии, Японии. Но больше всех нажились на войне американские монополии (прибыли за 1914—1918 гг. составили 3 млрд. долларов). Американские миллиардеры нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые страны. На каждом долларе следы крови. Прибыли монополий продолжали расти и после войны. Вся тяжесть экономических последствий войны также была взвалена правящими классами на плечи трудящихся.

Но этот простой подход в данном случае не срабатывает. В статье О. Худайбергенова «Грядет война мировая» содержатся интересные соображения на этот счёт: из крупных стран только США и Япония нажились на войне. А главный зачинщик войны — Великобритания — в конечном счете *«заплатила за участие в войне цену, неизмеримо превышающую все реальные или надуманные потери от немецкой конкуренции. За четыре военных года мировые финансово-кредитные потоки, ранее замыкавшиеся на лондонское Сити, переориентировались на Уолл-стрит. Следствием стало быстрое перетекание английских капиталов за океан. Великобритания начала войну мировым кредитором. К концу её она была должна Соединенным Штатам более 8 миллиардов фунтов стерлингов... Разумеется, финансовые круги в Великобритании прекрасно оценили ситуацию и выступили в 1914 г. против вступления страны в войну. (Равным образом категорическими противниками войны были германские промышленники.) Иными словами, легенда о «заговоре банкиров против мира» не выдерживает критики».*

Худайбергенов, опираясь на труды классиков психологии, делает принципиальный вывод большого значения: *«Вообще, обосновывать неограниченную войну торговыми, финансовыми или иными деловыми причинами — не слишком серьезно... Ожесточенность, с которой сражались народы, указывает на то, что речь шла не о деньгах, не о сравнительно ничтожных территориальных приобретениях, не о политическом престиже. Так защищают свой очаг, свой образ жизни, свою культуру».*

Великобритания была ведущей державой, «мастерской мира», и стремилась сохранить свой цивилизационный приоритет. Но и Германия превратилась из конгломерата третьестепенных государств в сверхдержаву. И немцы впервые почувствовали себя великой нацией с великим будущим. Поэтому между двумя претендентами на лидерство, по сути, на власть над миром неизбежно должна была вспыхнуть война.

Худайбергенов, вопреки общепринятому взгляду на германо-романскую цивилизацию как на некое единство (такой её считали и русские эмигранты-евразийцы), первым отметил, что Англия и Германия принадлежали к разным мирам (этого обстоятельства впоследствии не учёл Гитлер, что дорого ему обойдётся): *«Конфликт дополнительно усугублялся тем, что Британская и Германская империи принадлежали к разным цивилизациям. А, как было показано А. Тойнби, именно межцивилизационные конфликты отличаются максимальной ожесточенностью».*

О том, что война была **войной между двумя цивилизациями — английской, цивилизацией торгашей, и германской, цивилизацией воинов и героев**, обстоятельно писал Вернер Зомбарт.

Наконец, есть ещё одно объяснение причин той войны. Дело в том, что Англия, после того, как в ней восторжествовала «венецианская партия», превратилась во всемирного ростовщика и опутала сетями кабальных займов и неравноправных договоров весь мир, в том числе и те страны в Европе, которые, набрав силу, стали её соперниками. Весь XIX и начало XX века были заполнены попытками континентальной Европы освободиться из-под гнёта островного паразита.

Первую такую попытку предпринял Наполеон. Убедившись, что взять морским штурмом Британские острова не удастся, он решил объединить военным путём всю Континентальную Европу и нанести Британии максимальный экономический ущерб, силой прекратив любую торговлю Британии с европейскими странами. Наполеон и Россию вынудил присоединиться к системе Континентальной блокады, что имело пагубные последствия для её экономики, традици-

онно тесно связанной с британской торговлей. Российская внешняя торговля в 1809—1812 гг. сократилась на 43%. Франция даже в малой степени не могла компенсировать эти потери. Всё это привело к расстройству финансовой системы России. Страна оказалась на пороге финансового краха. Именно влияние британского лобби — и явного экономического, и агентурного во власти — привело Российскую империю к войне с Наполеоном I и в конечном итоге к уничтожению этого грозного врага Британской империи, с которым без «российского пушечного мяса» Британия не справилась бы.

Первая мировая война была второй попыткой после Наполеона I избавить Континентальную Европу от британского экономического присутствия и всепроникающего агентурного влияния, а также последующего разрушения всей Британской империи путём последовательного отсечения от неприступной метрополии её колоний. На этот раз ставка была сделана на германскую элиту и германскую армию.

Перед войной соотношение экономического присутствия в Российской империи и агентурного влияния на её управленческий аппарат Германии и Британии было, как минимум, один к двум в пользу Британии, что в конечном итоге и привело к вступлению России в войну на стороне Британии против Германии.

Генерал Л. И. Шершнеv в статье под интригующим названием «Четвёртая мировая война и её исторические особенности» также отметил межцивилизационный характер мировых войн:

«Все мировые войны являются межцивилизационными... Известный русский философ Н.А. Бердяев в своём произведении «Судьба России» отметил, что «инстинкты расовые и национальные оказались в XX веке могущественнее инстинктов социальных и классовых» и что «борьба рас, борьба национальных достоинств, борьба великих империй за могущество и владычество над миром стали определять его будущее». С учётом этого открытия мысли нашего современника Хантингтона о «столкновении цивилизаций» представляются более чем актуальными».

Хотя позднее планета пережила и Вторую мировую войну, принесшую ещё больше жертв и разрушений, всё же, видимо, правы те, кто считает, что именно **«Первая мировая война убила европейскую цивилизацию»**. Так называлась редакционная статья в газете «Наш мир» (от 6 апреля 2009 г.), где говорилось: война *«оказалась, видимо, главным событием в истории человечества»*. *Больше всего удивило современников*

то обстоятельство, что «у войны не было сколько-нибудь внятных причин... великие державы просто стосковались без большой войны».

Колоссальные человеческие жертвы при минимуме успеха, крах четырех великих империй (Российской, Германской, Австро-Венгерской, Османской) — всё это было чудовищно. «Это, — говорилось далее в статье, — очень сильно противоречило тем гуманистическим принципам, которые Европа провозглашала на протяжении, как минимум, четырех веков. Психологический слом оказался, видимо, более важным итогом войны, чем огромный экономический ущерб и гигантские человеческие потери, понесённые всеми сторонами.

По сути, в этой войне не было победителей. Потери Франции и Великобритании оказались слишком велики, они никоим образом не компенсировались некоторыми послевоенными приобретениями (экономическими и территориальными). США, сыгравшие весьма важную роль на заключительном этапе войны (именно они фактически спасли Антанту от поражения после краха России), уползли обратно в свою заокеанскую изоляцию, не получив заметных дивидендов от участия в победе.

После войны Европа (точнее, ее «победившая» часть) впала в тяжелейший экономический и, главное, психологический кризис. Она мучительно искала ответ на вопрос «Как мы это допустили?» и считала, что теперь ничего подобного нельзя допустить ни в каком случае».

Часто высказывал мысль о недопустимости повторения происшедшей трагедии... сэр Уинстон Черчилль, тогда военно-морской министр, впоследствии военный министр и премьер Великобритании. Вот он возвращается к этой мысли уже в своей книге «Вторая мировая война»: «По окончании мировой войны 1914. почти все были глубоко убеждены и надеялись, что на всем свете воцарится мир. Это сокровенное чаяние всех народов легко можно было осуществить, твердо отстаивая справедливые убеждения и проявляя необходимый здравый смысл и благоразумие. Фраза «война за прекращение войн» была у всех на устах, и принимались меры к тому, чтобы претворить эту формулу в действительность». Это не помешало ему в дальнейшем стать поджигателем Второй (а в потенци — и Третьей) мировой войны.

Журналист Артём Ермаков в статье «Флаг над рейхстагом» (Православный молодежный журнал «Наследник» за 2010 г., №2) напомнил высказывание главнокомандующего французской армией маршала Фоша, буквально предугадавшего будущие события: «Это не мир, а перемирие на двадцать лет».

Менее известны высказывания других политиков Запада. «Экономические статьи договора были зловны и глупы до такой степени, что становились явно бессмысленными. Германия была принуждена к выплате баснословных репараций» — эти слова принадлежат не Адольфу Гитлеру, на критике Версаля сделавшему себе имя и карьеру, а всё тому же Черчиллю. А главные участники Первой мировой — обращаюсь ещё раз к статье в газете «Наш мир» — «по сути, **совершили в 1914 г. самоубийство**. Оно растянулось во времени только потому, что общественные организмы умирают гораздо медленнее, чем человеческие».

Далее в статье из той газеты указывалось на Вторую мировую войну как на закономерное следствие того, как обошлись с Германией победители:

«Поэтому проигравшую Германию усиленно изводили репарациями, усугубляя её и без того катастрофическое экономическое положение. В результате этой политики приход к власти Гитлера стал лишь делом времени. После чего политика «победителей» стала ещё «мудрее». Если демократическую Германию всячески унижали, то нацистскую Германию стали умиrotворять. Ведь нельзя же было допустить повторения ужасов Первой мировой. Кроме того, Европа панически боялась ещё одного порождения Первой мировой — советского коммунизма. Гитлер на его фоне поначалу казался меньшим из зол. Итогом всего этого естественным образом стала Вторая мировая.

Победителями Второй мировой стали США и СССР. Британию, лишившуюся своей империи и превратившуюся в вассала своей бывшей колонии, можно считать таковым лишь чисто формально. Победители провели между собой Третью мировую (холодную) войну, в которой победили США. Европа снова стала лишь полем боя этой войны.

*Теперь в Европе всё хорошо. Воевать она не будет больше никогда, ибо пацифизм стал почти официальной идеологией и, самое главное, очень глубоко проник в умы и сердца простых людей (причём Германия теперь идёт в его авангарде). Гуманизм доведён до совершенства, превратившись в постмодернизм, то есть почти полный моральный релятивизм. В итоге **Европа тихо и блаженно умирает, становясь колонией своих бывших колоний...**» (выделено мной. — М.А.).*

Прерву здесь цитату и выскажу сомнение в правильности последнего тезиса. Воевать Европа будет, а то, что её граждане этого не хотят, большого значения не имеет. В Первую мировую люди тоже не хотели воевать, не хотели этого даже банкиры и промышленники, но силы несравненно более мощ-

ные добились своего. И есть слишком весомые причины, в силу которых она просто не может не развязать войну, причём в скором времени (об этом пойдёт речь ниже).

И вот каков заключительный аккорд статьи в газете «Наш мир»:

«По сути, единственной частью европейской цивилизации, сохранившей для себя перспективы выживания и развития, оказались США. Потому что их Первая мировая война почти никак не затронула. И главными их соперниками (или партнёрами) в становлении нового мирового порядка станут страны Азии (в первую очередь — Китай и Индия), коих эта война также не задела».

События Второй мировой войны слишком близки и остаются в памяти ныне живущего поколения, чтобы их напоминать. Важен общий вывод: да, Европа совершила коллективное самоубийство в Первую мировую войну, потом породила свою последнюю идею — нацизм (а он есть порождение не только германского, но и всего западноевропейского духа), что сделало неизбежной Вторую мировую, после чего окончательно умерла и разлагается, хотя и старается не думать об этом и, во всяком случае, не показывать это миру.

Вторая мировая война носила также цивилизационный или (как писал Вадим Кожин в статье «Война и геополитика» в журнале «Белый мир») геополитический характер. Даже краткий экскурс в историю показывает извечное стремление ведущих европейских государств к созданию империи, объединяющей весь континент, а далее — весь мир:

«При всех своих «особенностях» нацистская Германия прямо и непосредственно продолжала то мощное устремление к первенству в Европе и, в известной степени, в мире вообще, которое в продолжение веков определяло путь германской нации... Даже сугубо «либеральный» германский социолог Макс Вебер писал во время Первой мировой войны: «...мы, 70 миллионов немцев... обязаны быть империей... Корни этого германского устремления к имперскому «первенству» уходят очень далеко в глубь истории».

Кожин напоминает о создании германскими племенами объединившей основное пространство Европы империи Карла Великого, затем о Священной Римской империи германской нации, которая начала «Drang nach Osten» — геополитический «Натиск на Восток». Далее первенство перешло к Испании, и её король Карл I становится императором Священной Римской империи Карлом V и в той или иной мере заново объединяет Европу. Тогда «европейская империя осуществляет мощную колониальную экспансию на другие кон-

тиненты, а с конца XVI века первенство в «колонизации» мира переходит к Великобритании... Далее, на рубеже XVIII—XIX веков, Европа (кроме опять-таки Великобритании) превращается в Наполеоновскую империю, также устремлённую и на другие континенты. Но затем начинается упорное соперничество Франции и заново объединявшейся Германии, завершившееся сокрушительной победой последней в 1871 г. Но в 1918 г. Германия потерпела поражение в мировой войне — это Вторая империя, Второй рейх; с 1933-го началась очень краткая история Третьего рейха».

Переходя к истории Великой Отечественной войны, Вадим Кожинот отмечает:

«К июню 1941 года... почти вся континентальная Европа... вошла в новую империю, возглавляемую Германией... Европа стала экономическим целым.

Геополитические цели войны 1941—1945 гг. фактически осуществляли не 70 миллионов немцев, а более 300 миллионов европейцев... «Рейхслейтер» Альфред Розенберг заявил: «Мы хотим решить не только временную большевистскую проблему... Война имеет цель оградить и одновременно продвинуть далеко на восток сущность Европы...» То есть дело шло именно о «континентальной» войне».

Кожинот напоминает малоизвестное высказывание Гитлера:

«Граница между Европой и Азией проходит не по Уралу, а на том месте, где кончаются поселения настоящих германцев... Наша задача состоит в том, чтобы передвинуть эту границу возможно дальше на Восток, если нужно — за Урал... Ядовитое гнездо Петербург, из которого так долго азиатский яд источался в Балтийское море, должно исчезнуть с лица земли... Азиаты и большевики будут изгнаны из Европы, эпизод 250-летней азиатчины закончен... Восток (то есть земли, которые «оставят» русским) будет для Западной Европы рынком сбыта и источником сырья».

Далее Кожинот пишет: *«Итак, по убеждению «фюрера», закончилась принципиально и открыто евразийская эпоха истории России, начавшаяся со времён Петра Великого... Германия собрала в единый кулак Европу, чтобы навсегда избавить её от восточного геополитического соперника, который трактуется как чисто «азиатский», но, мол, без всяких оснований претендовавший и на «европейскую» роль».*

Нынешняя Европа старается не вспоминать о том, что она шла на СССР вместе с Гитлером. По словам Кожинот, геополитическое сознание, сформулированное Гитлером, «было свойственно не только немцам... Большинство добровольцев из

стран Западной Европы шли на Восточный фронт только потому, что усматривали в этом общую задачу для всего Запада». «И пока эта многонациональная армия одерживала победы на русском фронте, Европа была, в общем и целом, на её стороне».

Кожин подчёркивает захватнический, грабительский характер этого похода объединённой Европы против СССР:

«Гитлеровцы ставили конкретную цель: «Производство продовольствия в России на длительное время включить в европейскую систему», ибо «Западная и Северная Европа голодает... наша задача состоит в том, чтобы включить Россию в европейское разделение труда...» Это означало превращение России «в рабский придаток Европы». В этой «сельскохозяйственной» программе со всей очевидностью выразился геополитический смысл войны...»

Но чтобы понять, что ускорило агонию Европы, следует рассмотреть, как на арене появился новый сильнейший игрок. Константин Колонтаев и ряд других исследователей в нашей стране и за рубежом подготовили убийственные материалы, не только показывающие ведущую роль США в разжигании Второй мировой войны, но и по-новому раскрывающие облик и действия Гитлера в тот период.

Чего мы не знаем о Второй мировой войне

Я всегда считал, что именно англичане становятся основными организаторами и спонсорами большинства европейских войн. Новые подтверждения этого приводит Николай Стариков в своих работах «Преданная Россия. Наши «союзники» от Бориса Годунова до Николая II», «Кто убил Российскую Империю?», «Кто добил Россию? Мифы и правда о Гражданской войне» и «Кто заставил Гитлера напасть на СССР?». Но, оказывается, параллельно с Англией и в значительной мере в пику ей, **в подготовке Второй мировой войны активнейшее участие приняли США.** При этом раскрываются давние истоки американской агрессии против России и Западной Европы:

На заре своего существования США старались лишь ограться от завоевания Англией и Францией. Когда же они почувствовали, что набрались сил, то выдвинули «Доктрину Монро» — «Америка для американцев», согласно которой европейцам на Американском континенте делать нечего. Тем самым Латинская Америка превращалась в зону исключительного влияния США. Однако уже тогда в США, якобы проводивших политику изоляционизма, начали помышлять

о мировом господстве. Журналист А. Санин опубликовал в журнале «Правда.Ру» интереснейшую статью «За спиной тевтонов. Об участии США в развязывании Второй мировой войны», из которой я взял две следующие цитаты:

«Бог избрал американцев, чтобы окончательно перекроить мир, — заявил еще в 1900 году сенатор А. Беверидж. — И теперь военные в жизни США — а без них мир перекроить на американский манер трудно — стали **«основным элементом»**.

«Вудро Вильсон, избранный в 1913 г. президентом США, еще в 1902 г. утверждал: «Соединенные Штаты достигли полной зрелости... Перед нами открывается эра, и, по-видимому, отныне только мы должны руководить миром». Достижение этой цели было возможно только через развязывание большой войны.

А. Санин приводит ещё с десяток цитат такого же рода. Впрочем, эти идеи настолько широко распространены в США, что можно без особого труда набрать подобных высказываний на целый солидный том.

Осознавая, что такая политика Вашингтона вызовет бурю протеста в мире, США объявили об отказе от вмешательства в европейские дела. Республиканцы, пришедшие к власти в 20-е годы, ввели де-юре изоляционистский курс. Сенат США отказался ратифицировать Версальский договор. Помимо репараций Германия потеряла значительную часть своих территорий, и это не устраивало американских конгрессменов. Правительство США подписало с Германией сепаратный договор. Складывалось скрытое от международной общественности разделение ролей двух основных агрессивных сил империализма. Германия открыто становилась на путь возрождения и усиления своей военной мощи, чтобы обрушить её на СССР и расширить свою территорию до Урала. США финансово и технически воссоздавали ее мощь, подталкивали на войну с Россией...

Так ещё на исходе Первой мировой войны обозначились два основных полюса притяжения международных сил — США и СССР.

Но уже Ф. Рузвельт публично расписался в бессилии капитализма обеспечить нормальную работу экономики иными средствами, кроме войны. В июне 1938 г. он заявил: *«Ни одна страна не разрешила удовлетворительным образом проблему дать народу достаток во время депрессии. Единственный метод, разработанный до сих пор, который, по-видимому, обеспечивает 100% восстановления или около этого, заключается в переходе на военную экономику»*. (Это — ещё одна цитата из статьи А. Санина.) И США твёрдо встали на путь развязывания войны.

Первая мировая война сделала США реальным лидером международного империализма. На миллионах убитых и искалеченных, на море слез и крови США сколотили огромные капиталы, резко подняли материальное производство, превратились из мирового должника в мирового кредитора. Их алчные взоры с самого начала войны устремились на Россию.

Американские эмиссары, посетившие Берлин в ноябре 1914 г., убеждали представителей мировой прессы, что главный виновник мировой войны — Россия. Для этого рекомендовалось изготовить фальшивки — документы, якобы доказывающие панславянские устремления и их опасность для Австрии и Германии, а также то, что Россия задолго до начала войны стала проводить концентрацию войск на своих западных границах. Фальшивки эти готовились ещё против дореволюционной России. Уничтожение и раздел России, этой шестой части земли с несметными природными богатствами, готовились международным империализмом задолго до прихода к власти в ней большевиков.

Февральскую революцию 1917 г. США попытались использовать для её мирной оккупации. В ходе переговоров американской миссии с Временным правительством России летом 1917 г. в Петрограде выяснилось, что более двух тысяч американских фирм готовы приступить к эксплуатации природных ресурсов России. США получили контроль над Транссибирской и Николаевской железными дорогами — главными транспортными российскими артериями. Американских политиков и советников приводил в восторг тот хаос, который царил в России, та уникальная возможность за бесценок скупить её богатства. Но... возникла Советская Россия, которая не только отстояла себя, но и стала стеной на пути дальнейшего закабаления Китая, Индии, Персии, других стран Востока. И тогда международный империализм решил общими усилиями задушить ее. Запад прекрасно осознавал, что без природных богатств России Европе все равно не подняться на ноги. Интервенция была попыткой решить эту задачу путем низведения России до положения побежденной страны.

США стремились ослабить своих обоих соперников в борьбе за лидерство в мире — и Советский Союз, и Германию. При этом крепнущую мощь СССР они решили сокрушить руками тевтонов. Из Германии, поверженной в ходе войны, решено было создать мощное милитаристское государство и бросить на СССР. В итоге — гибель СССР и истощение рейха, который на коленях приползет за помощью к Соединенным Штатам.

Оставшись единственной сверхдержавой в мире, США при-
мут на себя функции экономического и политического руко-
водства миром. Вот для чего предстояло возродить военно-эко-
номическую мощь Германии, передать власть в рейхе людям,
ненавидящим коммунизм, и направить германскую агрессию
на восток, пожертвовав ради этого рядом европейских госу-
дарств. Как и в Италии, ставка делалась на совершенно но-
вые политические силы, на ещё практически никому не изве-
стную «Национал-социалистическую рабочую партию Гер-
мании» во главе с Гитлером.

В случае принятия Германией данного плана США гаран-
тировали бы ей всю необходимую помощь. Германские мо-
нополисты без колебаний поддержали этот план.

Поэтому президент США Вильсон предложил на Париж-
ской мирной конференции «проявить умеренность» в своих
претензиях к Германии: дать ей право ввозить в страну ору-
жие и боеприпасы для оснащения в короткий срок 60 диви-
зий и поддержать ее предложение о присоединении к ней Ав-
стрии и Судетской области. Будущие жертвы Германии были
определены США ещё в 1919 г. в предвидении, что это приве-
дет к конфликту с русскими.

Началась милитаризация Германии, в неё из США и дру-
гих империалистических стран хлынули займы в обмен на
передачу контрольных пакетов акций важнейших германс-
ких компаний американским фирмам. Германские предпри-
ятия с начала 20-х годов перешли на выпуск танков, орудий
и другого вооружения, была создана новейшая авиационная
промышленность: заводы, находящиеся в Швеции, Испа-
нии, Дании и других странах, выпускали для рейха военные
самолеты. В 1929 году Германия по важнейшим видам про-
дукции обогнала Англию и вышла на второе место в мире. В
1931 г. по настоянию президента США Гувера Германия была
освобождена от выплаты репараций. Англия и Франция вслед
за США дали согласие на увеличение вдвое численности рей-
хсвера.

Гитлер — американская марионетка?

Вот основные положения статьи Константина Колонтае-
ва в журнале «Советник»:

Первая мировая война началась по инициативе европейс-
кого финансового капитала и прежде всего его руководяще-
го ядра в лице банковской семьи Ротшильдов. Целью войны
*«было коренное политическое переустройство Европы с целью
резкого улучшения возможностей дальнейшей эксплуатации*

европейских стран финансовым капиталом... Прежняя эксплуатация стран посредством монархических режимов и связанных с ними различных придворных клик вследствие их растущих аппетитов и численности привела к росту разного рода «накладных расходов», а, значит, к падению прибыли». Поэтому у банкиров возникла потребность сменить систему правления в странах-империях (Германия, Россия, Австро-Венгрия, Турция) и уменьшить их размеры для облегчения эксплуатации и повышения нормы прибыли. Эти цели были достигнуты. «Но при этом... произошёл и крайне неожиданный и неприятный для европейских банкиров, и прежде всего Ротшильдов, поворот событий. Их прежний младший партнёр или даже слуга — американский финансовый капитал и прежде всего финансовая группа Моргана — в ходе войны разбогатели гораздо больше, чем их прежние хозяева, и начали теснить их по всему миру, претендуя на мировое первенство. Если до Первой мировой войны США были должны Европе 6 млрд. долл., то к концу Первой мировой войны Европа должна была США 10 млрд. долл. (один доллар 1918 г. примерно равен 100 долл. 1999 г.).

Основная борьба между европейским и американским финансовым капиталом развернулась на Версальской мирной конференции 1919 г., где США выдвинули идею создания Лиги Наций, которая, по мысли лидеров американского финансового капитала, должна была стать мировым правительством, управляющим миром в его интересах. Лига Наций была создана, однако захватить в ней руководящую роль США не удалось. Англия и Франция воспротивились этому, после чего американцы покинули Лигу Наций, и она весь период своего существования (1919—1939 гг.) являлась наднациональным органом европейского финансового капитала.

Далее «американцы, пользуясь своим финансовым преимуществом, просто купили Японию у Англии... после чего Япония вошла в сферу влияния США».

В Италии после «Похода на Рим» 28—29 октября 1922 г., организованного итальянскими фашистами и проходившего под множеством антианглийских и антифранцузских лозунгов, к власти пришёл Муссолини, начавший проводить крайне недружественную по отношению к Англии и Франции политику в Средиземноморье и Африке.

Николай Стариков в своём труде «Кто заставил Гитлера напасть на СССР?» обратил внимание на те положения программной книги Гитлера «Майн кампф», которые не были замечены другими исследователями.

Реваншисты, которых в Германии тогда хватало, требовали возвращения отторгнутых от неё земель и возврата ей ко-

лоний в Африке, отобранных у неё победителями. В отличие от них, Гитлер делает главный вывод своей книги. Именно ради него она и была написана. Пока еще безвестный главарь маленькой местной баварской партии говорит о своем намерении «ликвидировать большевизм», «сбросить кандалы Версаля», установить диктатуру, создать сильное государство. И рассчитана книга не на немецкого читателя, которому по душе реваншисты, а совсем на другого, находящегося за пределами Германии. Но на кого же? Ответ очевиден: на того, кому понравится главная идея Гитлера: дружить надо с Англией и США, а воевать с Россией. И такие читатели нашлись.

Книгу Гитлера заметили разведки разных стран, особенно внимательно прочитали её в спецслужбах Англии и США. Но откуда взялись у Гитлера такие идеи, идущие вразрез с настроениями немецких реваншистов?

Тут следует обратить внимание на одно любопытное обстоятельство. В 1922 г. в окружении Гитлера появляется американский разведчик Эрнст Ганфштенгль. Он между делом внушает начинающему фюреру: «Если случится еще одна война, её неизбежно выиграет тот, на чьей стороне будет Америка. Единственно правильная политика, за которую вы должны ратовать, — это дружба с Соединенными Штатами. Если американцы окажутся на стороне противника, вы проиграете любую войну...» Именно Ганфштенгль в 1923 г. ведёт с Гитлером геополитические беседы, просвещает его, расширяет его кругозор, то есть последовательно и планомерно готовит для Германии будущего фюрера.

Но Ганфштенгль не ограничивался беседами. В марте 1923 г. он дал Гитлеру ссуду в тысячу долларов. По тем временам, когда в Германии свирепствовала гиперинфляция, даже один доллар — это целое состояние, а тысяча долларов — сумасшедшие деньги. На них нацисты купили для своей газеты «Фолькишер беобахтер» две новые печатные машины. Теперь гитлеровская газета не маленький листок — это газета привычного формата и выходит ежедневно!

Накануне своего «пивного путча» Гитлер едет за деньгами в Швейцарию, где издавна свили себе гнёзда разведки всех стран мира. Он привозит оттуда «чемодан денег» — не жалких немецких марок, а иностранной валюты. Не добрый ли друг его туда направил?

Однако путч провалился. Гитлер прибежал в дом Ганфштенглей. Он в отчаянии, решает немедленно застрелиться и приставляет револьвер к виску. Но супруга Ганфштенгля выбивает револьвер из руки Гитлера. Именно в этом доме он

и был арестован полицейскими и отправился в тюрьму, где начал систематизировать в виде книги мысли, подсказанные Ганфштенглем.

Гитлер в тюрьме диктует Гессу книгу «Майн кампф». И она выходит в свет. Получается очень интересно: в 1923 г. Ганфштенгль ведет с Гитлером геополитические беседы. А уже в 1924 году «ученик» пишет свою книгу, повторяя тезисы своего приятеля. Так кто же настоящий автор «Майн кампф»? Выходит — американский разведчик.

Неудивительно, что первым делом после выхода из тюрьмы фюрер поехал не к Герингу или Розенбергу, а в дом Ганфштенглей...

Ганфштенгль устраивает встречи Гитлера с крупнейшими германскими промышленниками и банкирами, а летом 1932 г. пытается устроить встречу с приехавшим в Германию с частным визитом Уинстоном Черчиллем. Черчилль побеседовал с представителем ему Ганфштенглем и на встречу согласился. Встреча не состоялась, зато Ганфштенгль много времени провёл в обществе Рендольфа, сына Черчилля. Ясно, что Черчилль приезжал в Германию, чтобы лично посмотреть на того, кто через шесть месяцев встанет во главе Германии.

Гитлер демонстрировал дружелюбие к США. В книге «Майн кампф» он писал, что население Соединенных Штатов состоит в основном из чистокровных «германских элементов», поэтому страна стала признанным «господином континента». (Интересно, что и Рузвельт в борьбе классов противопоставил объединение всех граждан США на базе общенациональных интересов. «Народ Соединенных Штатов, — с оттенком мессианства заявил Рузвельт, вступив в должность, — *требовал дисциплины и указания дороги вождём. Он сделал меня высшим орудием своей воли*». (Эту же цитату привёл в своей статье А. Санин.) Не раз отмечались многие черты сходства политики Рузвельта и Гитлера.

Осенью 1931 г. состоялось совещание крупнейших финансистов США. На нем было решено: пора передавать нацистам Германии власть. В Берлин был делегирован банкир Уорберг, где он встретился с Гитлером и Герингом. 27 января 1932 г. состоялось совещание Гитлера с представителями германского капитала. На совещании был отработан план совместных действий. Это предредило назначение Гитлера 30 января 1933 г. рейхсканцлером. Так был завершён первый и начат второй этап подготовки Соединенными Штатами Второй мировой войны, истребительной войны против СССР. Для дипломатической маскировки своих целей США официально объявили в это время о своем нейтралитете.

В 1933 г. Гитлер становится канцлером Германии, а в феврале 1934 года Ганфштенгль отправился к Бенито Муссолини, чтобы подтолкнуть дуче, который весьма скептически относился к Гитлеру, к нормализации отношений между двумя фашистскими государствами. Сделав так много для рейха, Ганфштенгль в марте 1937 г. вдруг покинул Германию и уехал в родную Америку. Там у него был один хороший товарищ, однокашник по Гарварду — президент США Франклин Делано Рузвельт! Во время Второй мировой войны Ганфштенгль будет работать... советником Рузвельта!

Едва только Гитлер был приведен к власти, как США тут же начали использовать его, как таран для подрыва позиций европейского финансового капитала. В октябре 1933 г. Германия выходит из Лиги Наций. В январе 1934 г. между Германией и Польшей заключается договор о ненападении, в результате которого Польша из сферы англо-французского влияния перешла в сферу германского, а значит, и американского влияния. В ответ начинаются попытки заигрывания европейского капитала с СССР. В 1935 г. заключается военно-политический союз между Францией, СССР и Чехословакией, направленный против Германии.

В ответ на это Германия, по приказу из США, в марте 1936 г. вводит войска в демилитаризованную Рейнскую область. Это не было личной инициативой Гитлера. Западный историк Б.Л. Гарт писал: *«Менее всего Гитлер хотел развязать еще одну мировую войну. Гитлер, несмотря на свою беспринципность, длительное время проявлял исключительную осторожность в осуществлении своих целей. Военные руководители проявляли ещё большую осторожность. Когда в марте 1936 г. Гитлер решил занять войсками Рейнскую демилитаризованную зону, его генералы были встревожены этим решением. В результате их протестов вначале в Рейнскую зону было направлено несколько символических подразделений»* (Бэзил Лиделл Гарт, «Важнейшие стратегические решения». В книге «От «Барбароссы» до «Терминала»». М., Политиздат, 1988, с. 15—16). Достаточно было бы Франции послать навстречу немецким подразделениям хотя бы одну дивизию, как вторгшиеся в демилитаризованную зону немцы быстро бы оттуда убрались (так это предусматривалось и приказом немецкого командования). Но именно США рекомендовали французам не противиться немцам.

И далее: в ответ на приход летом 1936 г. к власти правительства «Народного фронта» в Испании и Франции последовал организованный немецкой разведкой **по указанию из США** мятеж генерала Франко, а затем германо-итальянская

интервенция в Испании. И здесь Англия и Франция капитулировали перед Германией и США. Испания, вслед за Италией и Германией, стала ещё одним американским плацдармом в Европе. А в Африке фашистская Италия с целью подрыва английского влияния, опять-таки **по указанию из Вашингтона**, в 1935—1936 гг. оккупировала Эфиопию. На Дальнем Востоке с аналогичной целью в 1937 г. Япония начинает завоевание Китая.

С ноября 1937 г. европейский финансовый капитал ищет компромисса с США и Германией за счет СССР. Выражением этой политики стал Мюнхенский сговор, который был, по существу, пактом о ненападении между Германией и Италией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой. Но и он состоялся **по настоянию США**. По словам А. Санина, представитель Чехословакии на Нюрнбергском процессе спросил фельдмаршала Кейтеля: «Напала бы Германия на Чехословакию в 1938 г., если бы западные державы поддержали Прагу?» Кейтель ответил: «Конечно, нет. Мы не были достаточно сильны с военной точки зрения. Целью Мюнхена было вытеснить Россию из Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии». США благосклонно относились к капитулянтству Англии и Франции перед Германией, так как последняя была весьма слаба тогда в военном отношении. И поэтому мирный захват Австрии и, особенно, Чехии с её второй по объёму производства военной промышленности в Европе, были жизненно важны для Германии в целях подготовки к войне в Европе. В результате захвата Чехии Германия получила оружие, достаточное для вооружения 40 дивизий.

Но после того, как Германия к весне 1939 г. обрела необходимый военный потенциал, США начали стремительно развязывать Вторую мировую войну, и потому они стали не поощрять капитулянтскую позицию Англии и Франции по отношению к Германии, а проявлять твёрдость перед лицом немецкой угрозы. Ведь новую войну Германия должна была вести против Англии и Франции. США были заинтересованы если не в поражении, то в максимальном ослаблении этих двух стран с тем, чтобы американцы могли легко выкинуть их с рынков Латинской Америки и, в свою очередь, овладеть рынками их колоний. Вопрос о рынках для американцев к концу 30-х годов стоял очень остро. В 1937 г. США, занимая 7,1% территории и имея 6,5% населения мира, производили 41,4% мировой промышленной продукции и имели 62% мирового запаса золота на сумму 28 млрд. долл. (Ф. Михалевский, «Золото в период мировых войн», М., 1945, с. 192). Вполне естественно, что, обладая подобной мощью, США претендовали на мировое господство.

Помимо этого, еще целый ряд весомых причин заставлял США в 1939 г. спешить с началом новой мировой войны. «Новый курс» Рузвельта или, проще говоря, **американская разновидность «национал-социализма»**, так и не привёл к долговременной экономической стабилизации. В 1937 г. США вновь оказались в пучине кризиса, и в 1939 г. загрузка промышленных мощностей составляла 33% (в разгар кризиса 1929—1933 гг. — 19%). Один из ближайших советников Рузвельта — П. Тагуэлл отмечал следующее: *«В 1939 г. правительство не могло добиться никаких успехов... до того дня, когда в Польшу вторгся Гитлер. Туман мог развеять только могучий ветер войны. Любые другие меры, которые были во власти Рузвельта, не принесли бы никаких результатов»*. («История Второй мировой войны» в 12 томах, т.2, с.341).

И в 1939 г. США категорически отвергли настойчивые предложения Англии и Франции благословить второй Мюнхен, на этот раз за счет Польши. **США дали понять, что, если Англия и Франция не объявят войны Германии в случае её нападения на Польшу, то они лишатся всякой американской помощи**. Американский посол в Англии в 1938—1939 гг. Джо-зеф Кеннеди позднее так вспоминал об этом:

«Ни французы, ни англичане никогда бы не сделали Польшу причиной войны, если бы не постоянное подстрекательство из Вашингтона. Летом 1939 г. президент непрерывно предлагал мне подложить горячих углей под зад Чемберлену» (там же, т.2, с.345).

Американский историк Ч. Тэнзилл по этому поводу писал следующее: *«Президент вовсе не хотел, чтобы война, которая начнется в Европе, закончилась так быстро, что США не успели бы вмешаться. В сентябре 1938 г. против Гитлера могли выступить французская, английская, русская и чешская армии, которые раздавили бы его довольно быстро. К лету 1939 г. обстановка коренным образом изменилась. Россия заключила договор с Германией, чешская армия исчезла. Война, начавшаяся в 1939 г., могла тянуться до бесконечности»* (там же, с.345).

Сама же Германия вплоть до апреля 1939 г. совершенно не готовилась к войне с Польшей. *«Вначале Гитлер не собирался завоевывать Польшу. Он был готов какое-то время принять ее в качестве младшего партнера, при условии, что Польша вернет Германии принадлежащий ей выход к Балтийскому морю, и тем самым соединит с Германией по суше Восточную Пруссию»*. (Б.Л. Гарт, «От «Барбаросса» до «Терминала»», с. 20—21).

Генерал Манштейн указывал, что до марта 1939 г. в главном командовании сухопутных войск Германии не существовало плана стратегического развертывания войск для нападения на Польшу. Сам Гитлер в 1937 г. планировал начать

крупномасштабные завоевания в Европе только в 1943 г. (В. Пруссаков, «Оккультный мессия и его рейх», М., «Молодая гвардия», 1992, с. 59—60). Так что, как видим, надежды Сталина на то, что удастся оттянуть начало войны с Германией, были не лишены оснований. И то, что они не оправдались, зависело не столько от Гитлера, сколько от США. А ларчик открывался просто: далее германский нацизм стал орудием США в борьбе за мировое господство, на которое оставались два основных претендента — Соединенные Штаты Америки и Германия. Этих непримиримых врагов объединяла теперь главная цель: уничтожение СССР.

На пути войск вермахта к границам СССР оставалась лишь Польша. И «вдруг», «внезапно» Германия активизируется. В конце апреля 1939 г. Германия расторгает договор с Польшей о ненападении. Рейх предъявил ей свои претензии на Данциг, Польша их отклонила. На помощь Германии вновь пришли США. Их дипломаты разъясняли полякам: было бы желательно для демократических стран, чтобы там, на Востоке, дело дошло до разрешения спорных вопросов путём длительной и изнурительной войны между Германией и Россией.

Затем с германской стороны следует отказ соблюдать англо-германское морское соглашение 1935 г. и выдвигается требование возврата германских колоний, захваченных Англией и Францией в Первой мировой войне. И, наконец, 22 мая 1939 г. между Германией и Италией заключается военно-политический союз «Стальной пакт».

В свою очередь под давлением США в конце марта — начале апреля 1939 г. Англия и Франция взяли на себя обязательства быть гарантами независимости Польши, что означало автоматическое объявление войны Германии в случае её нападения на Польшу.

Одновременно с весны 1939 г. правящие круги США начали предпринимать энергичные попытки для обеспечения невмешательства СССР в предстоящую войну Германии с англо-французским блоком. С этой целью в мае 1939 г., с одной стороны, Германия начинает забрасывать СССР различными мирными предложениями, а с другой — на Дальнем Востоке, также в мае 1939 г., Япония **под давлением США** начинает в Монголии войну с СССР для того, очевидно, чтобы сделать германские мирные предложения более «привлекательными и весомыми».

Гениальный ход Сталина

Дальнейшее известно. Советско-германский договор о ненападении был заключен 23 августа 1939 г. за неделю до

нападения Германии на Польшу и за 10 дней до объявления Англией и Францией войны Германии.

Среди всяческих недомолвок и искажений, имеющих цель скрыть истинные цели британской политики, проскальзывают ценные признания одного из членов будущей «Большой Тройки» антигитлеровской коалиции. Особенно в отношении тех событий, к которым (как к Мюнхенскому договору) Черчилль формально непричастен, так как не был тогда членом кабинета. Касаясь обстановки в дни Мюнхена, он признавал, что имело смысл вступить в бой за Чехословакию в 1938 году, когда Германия едва могла выставить полдюжины обученных дивизий на Западном фронте, когда французы, располагая 60 — 70 дивизиями, несомненно, могли бы прорваться за Рейн или в Рур.

Черчилль признал также, что СССР не на словах, а на деле стремился в 1938—1939 годах организовать блок трёх держав для противодействия гитлеровской агрессии. Англия и Франция следовало принять предложение России и провозгласить тройственный союз между Англией, Францией и Россией. Такой союз вызвал бы серьёзную тревогу у Германии в 1939 году, и, возможно, война бы была предотвращена. Но даже здесь, под видом сожаления о несостоявшейся коалиции трёх держав против Гитлера, Черчилль не может скрыть, что эта коалиция в 1939 году была бы для него только формой вовлечения СССР в невыгодную для последнего войну.

Можно предположить, что, будь тогда Черчилль у власти, он бы действовал тоньше Чемберлена и постарался изящно провести комбинацию с достижением англо-франко-советского согласия, но всё с той же целью: столкнуть лбами Германию и СССР к вящей выгоде западных держав.

Это намерение британских политиков любого толка было всегда ясно Сталину как день.

Всё же Черчилль вынужден был признать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий. И политика СССР была в высокой степени реалистичной.

Совершенно очевидно, что, предоставляя гарантии Польше, западные державы рассчитывали втянуть её в заведомо проигрышную войну с Германией, что создало бы Гитлеру плацдарм для дальнейшей агрессии против СССР.

Британская геополитика заранее делала из Польши разменную монету для своих далеко идущих планов. Расчёт Запада был на то, как заметила Н.А. Нарочницкая, что Германия, никем не сдерживаемая, быстро истощая силы не гото-

вой к войне России, стремительно бы продвигалась к Волге, Уралу, Кавказу с его нефтью. Британия заперла бы Черноморские проливы и немножечко била бы Гитлера с запада, но именно так, чтобы он продвигался дальше на восток. Они бы дождались, пока Гитлер как можно дальше продвинулся бы в глубину нашей территории. США и Британия, конечно же, не позволили бы гитлеровской Германии стать госпожой Евразии. Но они никогда не позволили бы и нам вернуться на наши западные исторические рубежи. *«Этот негативный сценарий неизбежной войны как раз и был предотвращён Сталиным в августе 1939 г.. Не судьба Польши или Прибалтики, а только это по-настоящему не нравится в «накте Молотова—Риббентропа» современным идеологам «антисталинизма» (Столетие.RU. 22.08.09).*

Однако заключение этого договора стало одновременно и первым серьёзным сбоем в разработанном американцами сценарии Второй мировой войны. Япония, потерявшая серьёзное поражение в войне с СССР в мае—августе 1939 г., которую она вела по приказу США, и брошенная своей союзницей Германией, заключившей мирный договор с СССР опять-таки по приказу из США (что также стало известно японцам), была страшно возмущена американским вероломством. Осознав опасность дальнейшего следования в фарватере внешней политики США, она решила принять участие в начинающейся Второй мировой войне самостоятельно. Это объясняется тем, что, в отличие от германских банкиров и промышленников, их японские коллеги, хотя и были должны американцам, но являлись не только юридическими, но и фактическими собственниками своих банков и концернов.

Геополитическую ситуацию, сложившуюся к этому времени, отразил в своем дневнике начальник генерального штаба сухопутных войск рейха генерал Гальдер. Передам его мысли своими словами: надежда Англии — Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь своим следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии.

Гибель России была бы преддверием близкой гибели Великобритании и в перспективе — Соединенных Штатов. Захватив Европу, Азию и другие континенты, кроме американских, Германия, Япония и их многочисленные вассалы оказались бы значительно сильнее США. Для США и Англии Россия стала, таким образом, тем мечом, который единственно мог спасти их, с одной стороны, от вышедшей из повиновения Германии, с другой — от начавшей оккупацию Азии и Полинезии Японии.

Устранить смертельную опасность, нависшую над Англией и США, могла только тщательно подготовленная США война между Германией и СССР. А пока война будет рушить города и промышленные центры Европы, истреблять цвет их наций, Соединенные Штаты должны создать такие мощные и мобильные вооруженные силы, которые позволят им продиктовать обескровленному победителю свою волю и обеспечить свое безраздельное господство в мире.

В 1939 г. переговоры шли тайно между Германией и Англией. Их лично вели премьер Чемберлен и по поручению Гитлера — Геринг. Самолет Геринга уже был готов к вылету в Англию, когда Гитлер отменил полет: он получил от Риббентропа телеграмму о согласии СССР подписать с Германией Пакт о ненападении. Так неожиданно рухнули планы США и Англии развязать еще в 1939 г. войну против СССР.

Договор о ненападении между СССР и Германией сорвал план нападения на СССР еще в 1939 г. Когда войска Германии вторглись в Польшу, Англия и Франция объявили Германии войну. А. Санин приводит цитаты из воспоминаний немецкого генерала Вестфала: у военных специалистов Германии «становились волосы дыбом, когда они думали о вероятности французского наступления сразу же в начале войны». Английский историк Сьюард писал: *«Получив сообщение об объявлении ему войны Великобританией, Гитлер долгое время сидел молча, не двигаясь, затем, уставившись горящими глазами на своего пораженного министра иностранных дел Риббентропа, спросил: «Ну и что теперь?». А Геринг пробормотал: «Если мы проиграем эту войну, пусть Бог проявит к нам милосердие».*

Однако не Бог, а тайные союзники фашизма проявили к нему милосердие. Когда Советскому правительству стало ясно, что объявление Англией и Францией войны Германии — лишь дипломатическое прикрытие подготовки нападения на СССР, Красная Армия вошла в Польшу и отодвинула свои границы на запад. Выполни Англия и Франция свои союзнические обязательства перед Польшей, советско-германский договор остался бы лишь клочком бумаги — Советскому Союзу суверенная Польша нужна была как буфер от фашистской агрессии.

Разгромив затем за 42 дня Францию, Германия де-факто подчинила себе всю континентальную Европу, поставив себе на службу её огромные ресурсы.

И вот тут США оказались перед прямой угрозой прямого на них военного нападения. После того как пал «французский бастион», впервые в истории США окружающие конти-

нент океаны не только потеряли значительную долю своей защитной функции, но и могли служить плацдармом если не прямого вторжения в США, то в окружающие страны Западного полушария. По мнению ведущего американского стратега, начальника штаба американской армии генерала Маршалла, если французский флот будет присоединён к немецким и итальянским военно-морским силам, то «Германия сможет изменить ситуацию в Южной Америке в течение нескольких недель».

Но американцев спасли англичане. По приказу Черчилля английский флот совершил пиратский налёт на военно-морскую базу «союзной» Франции и уничтожил основную часть французского флота.

Остаётся отметить ещё одну более чем любопытную деталь.

Был ли Гитлер реальным фюрером Германии?

На основании документов, ставших известными лишь после окончания войны, исследователь Л. Н. Гаранин утверждает, что реальным руководителем нацистской Германии был председатель рейхсбанка и министр экономики Шахт. Его первым заместителем был Геринг. На долю же Гитлера были выделены представительско-пропагандистские функции: *«До прихода к власти Гитлер довольно долго жил на деньги Геринга, который вёл себя по отношению к нему довольно свободно, подсмеиваясь над его пуританством и вегетарианством.*

Геринг был доверенным лицом германских банкиров в НСДАП и сам занимался игрой на бирже. Геринг был инициатором и организатором поджога рейхстага. Он же, вопреки воле Гитлера, организовал 30 июня 1934 г. «ночь длинных ножей», в ходе которой были уничтожены Рём и другие члены НСДАП, верившие в антикапиталистическую демагогию нацизма. В марте 1938 г. Геринг руководит аншлюсом Австрии. Среди нацистского руководства Геринг наиболее негативно относился к СССР и постоянно подчеркивал свое отрицательное отношение к пакту о ненападении, начиная с момента его заключения в августе 1939 г.» (Л. Н. Гаранин, «Второй человек в рейхе». — «Вопросы истории» №1, 1992, с. 163—165).

Уже в начале 20-х годов Шахт был одним из крупнейших банкиров Германии. Одновременно он представлял в стране американскую финансовую корпорацию Моргана, закулисные связи с которой не порывал и во время Второй мировой войны.

В 1930 г. Шахт обеспечивал поддержку НСДАП немецкими монополистами, а через два года инициировал петицию

промышленников и банкиров Германии президенту Гинденбургу с требованием назначить Гитлера рейхсканцлером. Сразу после прихода к власти нацистов он занял пост президента Имперского банка и быстро установил полный контроль над кредитной системой страны. В 1934 г., возглавив министерство экономики, Шахт по своей инициативе взялся осуществлять «экономическую подготовку к войне» и год спустя с согласия фюрера стал генеральным уполномоченным по военной экономике. Заложив основы германской военной промышленности, он внезапно, за три года до начала войны в Европе, начал протестовать против военно-политических мероприятий нацистской партии, которые во многом сам вызвал к жизни. К январю 1942 г. Шахт был уволен со всех постов, а в июле 1944 г. арестован и содержался в концлагерях до конца войны. Взятый под стражу американцами в Австрии, он предстал перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге, был оправдан (!) и освобожден в сентябре 1948 года. До сих пор закрытые протоколы Трибунала союзников скрывают подробности этой истории, несомненно, подтверждающей участие международного пула банкиров в «заговоре против мира».

Под статью Шахту были другие крупные фигуры, финансировавшие войну: Виднейший германский монополист Фридрих Флик, барон Густав Крупп, крупный банкир Курт фон Шрёдер, директор Имперского банка Эмиль Пуль, промышленник Вильгельм Кеплер, владелец металлургического концерна Фриц Тиссен и др. Нажившиеся на трагедии своих соотечественников, они были осуждены международными судами после войны. Но вскоре все были освобождены и заняли высокие места в экономической иерархии ФРГ.

Лично Гитлер был приговорён мировым финансовым капиталом к смерти после того, как в десятках городов Германии в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. прошла «Хрустальная ночь», во время которой нацисты громили ювелирные и другие магазины, принадлежавшие евреям. За одну ночь, в основном гитлеровской молодёжью, был убит 91 еврей, сотни ранены и покалечены, тысячи подверглись унижениям и оскорблениям, около 3,5 тыс. арестованы и отправлены в концентрационные лагеря Заксенхаузен, Бухенвальд и Дахау. В эту же ночь были сожжены или разгромлены 267 синагог, 7,5 тыс. торговых и коммерческих предприятий, сотни жилых домов евреев. Общий ущерб составил 25 млн. рейхсмарок, из которых около 5 млн. пришлось на разбитые витрины (отсюда второе название «Хрустальной ночи» — «Ночь разбитых витрин»). Затраты на восстановление ущерба и разбор остатков разру-

шенных синагог были возложены нацистскими властями на еврейские общины. До сих пор идут споры, была ли эта акция проведена по личному указанию Гитлера или же без ведома фюрера. Возможно, это была провокация против фюрера, организованная его противниками в нацистской верхушке. Говорят, что Гитлер попенял Гиммлеру и Геббельсу за эту акцию, но публично её не осудил. И это в конце концов стоило ему жизни.

Итак, Вторая мировая...

Начало войны в Европе 1—3 сентября 1939 г. было встречено в высших сферах США и Англии с плохо скрытым ликованием. Влиятельная «Нью-Йорк таймс» 9 октября 1939 г. утверждала, что отныне «слово из Вашингтона будет играть решающую роль при установлении мира в Европе». Джон Форстер Даллес (в дальнейшем госсекретарь США) выступил в той же газете со статьёй, в которой предрекал, что после окончания войны в Европе руководство миром перейдет в руки США. Однако Англия и Франция, да и Германия тоже, всю осень и зиму 1939—1940 г. явно не желали воевать по настоящему и вели так называемую «странную войну». Это очень не понравилось США, которые устами своего тогдашнего госсекретаря Сэмнера Уоллеса сказали, что «конечная победа может быть обеспечена только длительной и отчаянной войной, которая приведёт Европу к полному экономическому и социальному крушению». В это же самое время газета «Нью-Йорк гералд трибюн» в номере от 19 марта 1940 г. прямо призывала правительство США «следить, чтобы для интересов США не было угрозы из-за появляющихся в определенных кругах Европы каких-либо мирных предложений».

В феврале 1940 г. госсекретарь Уоллес совершил поездку в Европу, посетив Англию, Францию и Германию. В Берлине он, очевидно, сделал германским правителям настолько серьезное внушение, что через несколько дней после его отъезда Гитлер срочно встретился с Муссолини и объявил ему о решении наступать на Западном фронте. Наступление завершилось в середине июня 1940 г. полным крушением Франции и созданием угрозы дальнейшему существованию Англии.

Таким образом, летом 1940 г. американские планы по отношению к Западной Европе были выполнены: Франция фактически исчезла с карты мира, Англия превратилась в страну, чьё дальнейшее существование определялось объёмами американской помощи.

США подписали договор с Канадой о совместной обороне, и эта самая крупная по территории британская полукOLONия переходит в сферу влияния США.

После этого единственной крупной державой в мире, находящейся вне сферы влияния США, оставался СССР. США замыслили вернуть СССР к реализации «плана Дауэса»: деиндустриализовать его, вернув на уровень 1925 г. В этом, собственно говоря, и заключалась суть германского плана «Барбаросса».

Решение о нападении Германии на СССР принималось не в Берлине, а в Нью-Йорке и Вашингтоне.

Если верить американским историкам С. Митчеллу и Д. Мюллеру, главнокомандующий вермахтом фельдмаршал Кейтель только в марте 1941 г. узнал о планах Гитлера напасть на СССР, т.е. за 3 месяца, что является немыслимо коротким сроком для подготовки операции такого уровня. Узнав, Кейтель не на шутку встревожился и стал возражать против этих планов. Со своим отрицательным отношением к планам войны с СССР выступили: фельдмаршалы Лееб и Бок и ряд других высокопоставленных военачальников. (С. Митчелл и Д. Мюллер. «Командиры Третьего рейха», Смоленск, 1997, с. 24, 47, 71, 82).

Гитлер, встретив довольно энергичные возражения подчинённых, не только не делает этого, но даже не принимает их собственных прошений об отставке, устраивая вместо этого истерику. Такое поведение Гитлера свидетельствует о том, что сам он, как минимум, ничего не мог сказать по существу против этих возражений, если даже в глубине души был согласен с ними. А это означает, что планы были выработаны не им, а сам он служил лишь передаточным звеном для их доведения до непосредственных исполнителей.

О нападении на Россию как своей цели ради завоевания «жизненного пространства для немцев» Гитлер говорил и писал с первых же шагов своей политической деятельности. Но о том, что **сам Гитлер не желал войны с СССР в 1941 г.**, понимая всю глубину последствий в этом случае для себя лично, свидетельствует его попытка избежать её, послав своего первого заместителя и доверенное лицо Гесса в Англию на переговоры. Причем сама форма его отправки свидетельствовала о чрезвычайности ситуации.

Полет Гесса 10 мая 1941 г. в Англию стал попыткой Гитлера избежать войны с СССР и выйти из-под контроля США путем заключения мира с Англией, создания на его основе англо-германского союза и затем на его базе своеобразной «Европейской империи» в противовес США. Но отказ английских правящих

кругов, находившихся к тому времени под полным контролем США, принять эти предложения заставил Гитлера смириться с той ролью, которую американцы приготовили ему (см. статью Ф. Д. Волкова «Неудавшийся прыжок Рудольфа Гесса» в журнале «Новая и Новейшая история» №6, 1968, с. 107—120).

Позиция США в войне между Германией и СССР

Германия напала на СССР 22 июня 1941 г. И как же повели себя США? Формально — заявили о готовности оказать СССР всю возможную помощь. А на деле — уже 23 июня Г. Трумэн, ставший затем президентом США, четко изложил геополитическую стратегию Вашингтона: *«Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помочь России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помочь Германии, и таким образом пусть убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах»* (Н. Н. Яковлев. «Гарри Трумэн: политический портрет» — «Новая и Новейшая история» №2, 1967, с. 51). Как говорится, что у Рузвельта на уме, то у Трумэна на языке.

И тут Гитлер в последний раз взбрыкнул. Осознание Гитлером последствий авантюры, в которую его втянули США, после происшедшего разгрома в декабре 1941 г. немецких войск под Москвой привело его в бессильную ярость, результатом чего стало объявление им войны США сразу же после японского удара по Пёрл-Харбору. А ведь его к этому никто не принуждал, по договору с Японией Германия должна была прийти ей на помощь лишь в случае нападения на Японию. А тут как раз Япония оказалась нападающей стороной. Да и реально вести войну с США Германия не имела никаких возможностей вплоть до высадки американских войск в Северной Африке летом 1942 г.

Если бы после первоначальных успехов в войне с СССР Германия начала терпеть поражение, американцы устроили бы военный переворот и устранили бы с политической арены Гитлера, Гимmlера и ряд других одиозных фигур, сформировали бы «демократическое» германское правительство и под этим предлогом потребовали, чтобы советские войска прекратили движение в направлении Восточной Европы. Реализацией этого варианта стало покушение на Гитлера 20 июля 1944 г.

Если бы Гитлер погиб в результате взрыва бомбы, военный переворот в Берлине был бы удачен, то к власти пришло бы коалиционное правительство из представителей социал-демократов, а также центристских и умеренно-правых партий, существовавших до прихода нацистов к власти. Это прави-

тельство сразу бы открыло Западный фронт американо-английским войскам во Франции и было бы признано западными союзниками. После этого Рузвельт призвал бы Сталина остановить войска Красной Армии на линии советско-германской и советско-румынской границы по состоянию на 1 января 1941 г. А новое германское правительство изъявило бы скорейшее желание вывести немецкие войска из оккупированных ими стран Восточной Европы и передать контроль над ними их бывшим правительствам, находящимся в лондонской эмиграции. А те уже готовились бы к посадке в самолеты. А если СССР продолжал бы продвижение, то США на самых законных основаниях могли бы, как минимум, объявить об оказании Германии широкомасштабных военных поставок для отражения «советской агрессии» против ставшей в одночасье демократической Европы во главе с Германией. Или, как максимум, объединить свои и германские войска в боевых действиях против Красной Армии. (Известно, что в 1945 г. подобную операцию под красноречивым названием «Немыслимое» предлагал Черчилль.)

Но Гитлер остался жив, а Красная Армия вошла в Восточную Европу и даже взяла Берлин. Англо-американские планы покорения СССР потерпели полный крах. Вместо одной сверхдержавы в послевоенном мире в лице США их оказалось две: США и СССР. Это обстоятельство и определяло в дальнейшем, в период 1946—1990 гг., агрессивный характер американской политики в мире.

Излагать послевоенную историю советско-американских отношений нет смысла, у старшего поколения наших соотечественников она протекала на глазах, да и младшее, если его не сбивать с толку преднамеренно, имеет о ней представление. СССР оставался неприступным бастионом, пока внутри его правящей элиты не возобладали капитулянтские силы, которым захотелось стать владельцами предприятий, несменяемыми «хозяевами жизни», зажить «по-человечески», то есть как западный буржуа. Но рассмотрение этого процесса останется за пределами настоящей работы.

Европа — злейший враг России

Киевская Русь была европейским государством. Православие она приняла ещё до раскола христианской церкви на католическую и православную. Поэтому древнерусские князья женились на принцессах — дочерях европейских монархов, своих дочерей выдавали за королей и вообще чувствовали себя в Европе как в своей среде.

Но вот в XII веке во Владимиро-Суздальской земле складывается великорусская народность, а усилиями святого благоверного великого князя Андрея Георгиевича (Юрьевича) Боголюбского создаётся **государство нового типа**, где великое княжество не делится на уделы, а все жители — от смерда до боярина и князя — становятся подданными государя. Так была заложена важнейшая основа русского государственного строя, впоследствии вылившегося в **православное самодержавие**. Сам Андрей, хотя и женатый на русской, на дочери боярина, ещё сохраняет тесные связи и с византийскими императорами, и со многими королями стран Западной Европы. Он завоёвывает и титул великого князя Киевского, однако уже не считает Киев центром Руси, каковым становится Владимир-на-Клязьме. Андрей отделяется от Киевской Руси и религиозной реформой, установив в своей земле праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Чтобы понять значение и смысл этого его шага, надо вспомнить, что праздник этот был установлен в Византии в честь чудесного избавления Константинополя от напавших варваров. А этими варварами были... киевские князья.

Трудно сказать, удалось ли бы Андрею осуществить свои замыслы до конца, но он погиб в результате боярского заговора, нацеленного на восстановление старых порядков. Ему наследовал брат Всеволод Большое Гнездо, при котором Владимиро-Суздальская Русь достигла вершины своего могущества. Но уже при детях Всеволода она будет разгромлена ордынцами (при этом его старший сын погибнет в битве) и надолго войдёт в состав улуса Джучи. Другой сын — Ярослав — станет побратимом хана Батыея и будет представлять его интересы на курултае, проходившем в далёком Каракоруме. А Александру Ярославичу уже придётся отбиваться от шведов и от немецких псов-рыцарей, как и от попыток папы римского добиться перехода Руси в католицизм.

Младший сын Александра Даниил получил в удел маленький городок Москву, а его потомки создали Московское государство или «империю Даниловичей», как его называют некоторые историки. И вот этому Русскому государству, а впоследствии Великой России приходилось непрерывно отражать нападения западных соседей, нередко выливавшиеся в оборонительные войны против объединённых сил ряда государств Западной Европы, неизменно вдохновляемых римскими папами.

Почти непрерывно идут войны Русского царства с Польшей и Литвой. Иван Грозный ведёт 25-летнюю, но неудачную, разорившую государство войну с тем же объеди-

нённым государством Польши и Литвы, с немецкими рыцарскими орденами, Швецией и Данией за возвращение Руси захваченных у неё земель, за обретение выхода к Балтийскому морю. После первоначальных успехов началась серия поражений, вражеские отряды разоряли рязанские и черниговские земли, доходили до Ярославля и верховьев Волги, жестоко расправляясь с мирными жителями. (За время Ливонской войны отряды крымского хана совершили 22 набега на Русь, во время одного из них была сожжена Москва, но затем русским войскам удалось нанести крымчанам сокрушительное поражение, после которого они навсегда забыли дорогу на Московию.)

Во время Смуты начала XVII века польско-литовские интервенты разорили значительную часть Русского царства и посадили на русский трон своего ставленника. Снова на Русь напали шведы, в грабежах участвовали и запорожские казаки.

То, что не удалось Ивану Грозному, совершил Пётр I в ходе Северной русско-шведской войны, длившейся 21 год. Потерпев сначала поражение под Нарвой, Россия разгромила под Полтавой самую сильную в Европе шведскую армию, вернула все ранее отторгнутые от неё земли и завоевала статус полноправной участницы клуба великих европейских держав.

При Елизавете Петровне Россия участвовала в общеевропейской Семилетней войне. Россия не преследовала тут какие-то свои важные национальные интересы, она больше выступала на стороне Франции, которая увязла в очередной войне с Англией. Русские войска разгромили армию «непобедимого» прусского короля Фридриха II и заняли столицу Пруссии Берлин. Однако после смерти Елизаветы вступивший на престол Пётр III, фанатичный поклонник прусского короля, вернул оному все завоёванные русскими земли.

При Екатерине II Россия ликвидировала очаг постоянной опасности на западной границе, приняв участие в трёх разделах Польши, которая как самостоятельное государство перестала существовать вплоть до окончания Первой мировой войны. Наступление русских войск на южном направлении, присоединение к России Новороссии и Крыма вызывали сильнейшие опасения в странах Запада.

Величайшим испытанием для России стала Отечественная война 1812 г. против Наполеона, который фактически вёл за собой объединённую армию всей континентальной Западной Европы. Русские войска не только вышвырнули жалкие остатки этого великого войска за пределы своей страны, но и, освободив европейские страны от вдруг ставшего для них «тираном» Наполеона, взяли Париж.

При Николае I Россия казалась столь могущественной, что европейские государи приезжали в Петербург чуть ли не так же, как когда-то русские князья ехали в Орду за ярлыком на княжение. К тому же Россия выступала как гарант стабильности в Европе и потому подавила восстание в Венгрии, и сама она казалась несокрушимым монолитом, когда по всему континенту бушевали революционные бури, в итоге которых фактическая власть переходила от монархов и аристократии к крупнейшим толстосумам. Такого унижения Запад простить России не мог и развязал против неё Восточную (Крымскую) войну, в которой «христианские» Англия, Франция и Сардиния объединились с мусульманской Турцией против христианской, но «варварской Московии». России пришлось пойти на унижительный мир, хотя, если бы новый царь решился обратиться к народу, могла бы состояться Вторая победоносная Отечественная война.

При Александре III Россия вела войну за освобождение балканских славян от османского ига и добилась столь внушительных военных побед, что русские войска могли бы взять Стамбул (Константинополь), это было мечтой российских царей со времён Алексея Михайловича. Но угроза войны с блоком европейских государств во главе с Англией заставила Россию отказаться от большей части плодов своих побед.

С тех пор Россия вступила в полосу военных неудач. В 1904 — 1905 гг. она проиграла войну с Японией, а в действительности со всем Западом, потому что за спиной Токио стояли Англия и США, ему сочувствовали и Франция, и Германия, и Австро-Венгрия.

Наконец, Россия подверглась нашествию немцев в Первой и Второй мировых войнах, о подоплёках которых было рассказано выше и которые (особенно Вторая) были, по сути, войнами всего Запада против нашей страны. А в промежутках между этими двумя войнами России, уже Советской, пришлось воевать не только с внутренними врагами, но и с интервентами из 14 государств Запада, не считая бесчисленных инспирированных Западом заговоров и вооружённых провокаций, шпионажа и диверсий. Ненависть Запада к России в советский период нашей истории достигла своего апогея.

Но не следует думать, будто всё это осталось в прошлом. Хотя в период «перестройки» и «демократических реформ» Россия была разграблена до основания и настолько обессилела, что Западу стало казаться, будто и дальнейший грабёж наших богатств не потребует вооружённой поддержки. Тем не менее и США, и ЕС наращивали свою военную мощь, чтобы в

любой момент могли погрозить России, если бы она вдруг заупрямилась и попыталась отстаивать свои национальные интересы, бронированным кулаком и всеуничтожающими ракетно-ядерными стрелами. И это не пустые угрозы. НАТО по-прежнему рассматривает Россию как врага номер один. Вот маленький штришок в подтверждение этого тезиса:

«После распада СССР эксперты НАТО решили, что Россия уже не представляет для Запада опасности. В соответствии с данной доктриной Альянс долгие годы не разрабатывал планов возможного военного противостояния с Москвой. Однако как сообщил престижный еженедельник «The Economist», эти времена подошли к концу.

В рабочей версии новой оборонительной стратегии НАТО на 2010—2020 годы... предусматривается возможность нападения России на восточноевропейских членов НАТО и совместной обороны этой территории» («На случай войны с Россией». — ИноСМИ от 03.08.2010).

Конечно, о нападении России на своих соседей на Западе говорится для красного словца. При нынешнем состоянии России её армии мысль об этом может прийти в голову только самоубийце. И Запад лишь ждёт момента, когда можно будет «окончательно решить русский вопрос», то есть оттеснить Россию за Урал, а ещё лучше — стереть её вообще с карты мира. А пока он стремится всячески пугать Россию и требовать от неё уступок вроде следующих:

«ЕС призывает Россию «смириться» и «не мешать» на Каспии и в Средней Азии». «Брюссель советует Москве не пытаться с помощью «дорогого газопровода» «Южный поток» помешать проекту NABUCCO — части системы «Южный коридор», которая обеспечивает ЕС доступ к Прикаспийскому региону и Центральной Азии, где хранятся самые большие в мире запасы природного газа, превышающие даже российские... Таким образом, ЕС демонстрирует намерение прямо вмешаться в вопрос определения статуса Каспийского моря, который в настоящее время лежит в компетенции стран бассейна — России, Азербайджана, Ирана, Туркмении и Казахстана».

Запад давно ставит вопрос об «интернационализации» природных ресурсов России, поскольку «Бог не мог дать такие богатства одной стране». ЕС требует, чтобы Россия ратифицировала Энергетическую хартию, то есть предоставила бы ему свои трубопроводы. А лиссабонский саммит НАТО провозгласил, что попытка помешать снабжению ЕС энергоносителями будет рассматриваться как нападение на блок. Вот вам уже готовые поводы для развязывания войны против России.

А пока ЕС строит разные мелкие пакости, призванные уронить престиж России в мире, вроде следующей: *«Депутаты Европарламента приняли скандальную для нашей страны резолюцию «О верховенстве закона в России». Документ, в частности, выражает озабоченность «сообщениями о политических мотивированных судах, несправедливых разбирательствах и неспособности расследовать серьезные преступления в России, такие как убийства, запугивания или другие виды насилия»* («МК», 18.02.2011).

Лучше бы эти парламентарии позаботились о соблюдении прав сербов или ливийцев, которые стали жертвами бомбардировок авиацией НАТО.

В июле 2009 года Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию, в которой сталинизм и нацизм осуждаются как режимы, равно ответственные за развязывание Второй мировой войны, как идеологии, несущие угрозу геноцида и преступлений против человечности. Предложено на всем европейском пространстве учредить День памяти жертв сталинизма и нацизма, привязав его к юбилейным датам пакта Молотова—Риббентропа. Этой рекомендации уже последовали парламенты Эстонии и Латвии. Кто будет следующим?

И кто принимает такую резолюцию? Как сказал российский историк и политолог Олег Неменский, **«если бы Гитлер победил СССР, современная Европа считала бы его великим спасителем».**

Да, так оно и есть. Ныне ЕС продолжает, пока ещё мирными средствами и политическим давлением, то дело, которое не удалось совершить Гитлеру. То, что выше сказано об отношении гитлеровцев к русским, ныне культивируется в Европе. Лозунг гитлеровцев «Русские должны умереть, чтобы мы жили» — это ныне девиз европейцев.

Мы привычно говорим: Запад, НАТО, и главным потенциальным врагом, по инерции со времён «холодной войны» считаем США. Между тем США могут быть врагом, а могут быть и союзником России, например, они могут рассчитывать на неё, чтобы её природные богатства не достались Китаю. А вот Европа — это злейший и непримиримый враг России, который не успокоится до тех пор, пока или сама не сойдёт с исторической арены, или окончательно не решит русский вопрос.

Дело здесь в том, что Россию и Европу разделяют не только несогласия по экономическим, социальным, политическим или военным вопросам. Русские неприемлемы для европейцев по своему миропониманию, мировоззрению, по смыслу и образу жизни. Европейцы искренне говорят русским:

мы бы вас понимали, если бы вы были людьми другого цвета кожи, узкоглазые, великаны или карлики. Но вы внешне — совсем такие же, как и мы, и вы для нас более непонятны, чем инопланетяне.

Западные европейцы, в первую очередь англичане, — это жестокие колонизаторы, индивидуалисты, ревнители «прав человека» и частного образа жизни, самые упорные сторонники частной собственности и рынка, носители духа стяжательства. Для них «права человека» — это их права, включая право навязывать своё понимание мира всему остальному человечеству. Только они, европейцы, живут правильно, а все те, кто иначе понимает смысл и желательный образ жизни, — это дикари, которых надо «цивилизовать». И в первую очередь это относится к русским.

Русский человек ощущает своё единство с общностью — семьёй, коллективом, народом, человечеством, и потому способен поставить общие интересы выше личных. Но европейцы ставят интересы личности выше интересов общества, государства, живут «по закону джунглей». Значит, — это люди, впавшие в состояние одичания, потому именно их, так кичащихся своей «цивилизованностью», с гораздо большим основанием можно именовать «недочеловеками».

О нравственности европейцев можно судить по крайнему выражению их цивилизации — гитлеровскому нацизму. Зверства нацистов на оккупированных территориях СССР невозможно понять, если исходить из того, что их жертвами были люди. Но для немцев-арийцев славяне были низшими существами, не-людьми. Подобных зверств над европейцами, скажем, французами, а тем более англичанами (пленными, например) нацисты себе не позволяли.

До Второй мировой войны ведущие страны Западной Европы — Великобритания, Франция, Бельгия, Голландия, Италия, Испания и Португалия — представляли собой колониальные империи. Более половины мира находились под их управлением.

Все колониальные империи распались, хотя колониализм не исчез, а принял форму неоколониализма, когда страны, называемые «развитыми» и вступающие в постиндустриальную фазу, эксплуатируют как «развивающиеся» (находящиеся на доиндустриальной стадии), так и индустриальные страны посредством неэквивалентного обмена. Эти нации в целом превратились в эксплуататоров, потому что европейский пролетарий — в душе такой же собственник, как и европейский буржуа, о чём писал ещё Достоевский. Только буржуа — удачливый собственник, а пролетарий — собствен-

ник-неудачник. Теперь и буржуа, и пролетарий европейских стран совместно эксплуатируют страны «третьего мира», хотя наряду с этим и внутри страны оставалась эксплуатация пролетариата буржуазией. И даже то, что во многих из них у власти оказались социалисты, сути дела не меняет. **Европейские страны превратились в государства-корпорации, ставшие орудиями эксплуатации других народов, государствами-паразитами.**

И вот сегодня в объединённой Европе образуется гремучая смесь идей превосходства над прочими людьми. Франция уповает на своё многовековое культурное превосходство, немцы — на расовое, Англия — на колонизаторский опыт. К тому же именно Европа склонна выступить как «колыбель христианства» (хотя в действительности такой колыбелью была Палестина, другое дело, что христианство, не привившееся «на родине», послужило одной из основ европейской культуры). **И объединённая Европа становится опорой «консервативной революции», то есть главной ударной силой мировой контрреволюции.**

Ну а если главной движущей силой прогресса, как движения к наведению порядка в мире, был СССР и станет снова Россия, то разве не ясно, что объединённая Европа будет представлять собой самую серьёзную угрозу именно для нашей страны? Тем более, что так уж сложилась история.

А о том, какие представления о России бытуют даже среди высших руководителей европейских государств, можно судить по следующему эпизоду: президент Швейцарии Дорис Лойтхард, прибыв в Сочи на встречу с Дмитрием Медведевым, откровенно призналась: «А я думала, Россия — это тундра». Если так думает президент, то что же говорить о рядовых обывателях Европы?

Конечно, и в Европе есть люди, любящие русскую культуру, есть даже с симпатией относящиеся к России, но их немного и не они определяют политику и настрой общества.

Мне кажется уместным закончить этот раздел личными впечатлениями Олега Платонова от знакомства с европейцами. По его словам, великие произведения искусства, которыми он восхищался в музеях Западной Европы, имеют такое же отношение к современным европейцам, как египетские пирамиды к нынешним жителям Египта. Нет связи, нет преемственности, другой менталитет. Особенно это ощущается в Италии. Эта страна поражает величием своего древнего искусства и одновременно пошлостью и ничтожеством современной жизни. Средний итальянец — энтузиаст в потреблении и любитель зрелищ и попсовой музыки, величие древнего искусства существует для него только в денежном выражении.

Предубеждение к Германии Олег, наверное, получил от отца, который, как и большинство фронтовиков, не любил эту страну, а фашизм считал частью психологии немцев, особенно их высокомерие, самодовольство, почти американское стремление к «халяве». Первая короткая поездка в Германию из Швейцарии в конце 80-х годов укрепила его предубеждение. В одном из маленьких городков машина с русскими путешественниками случайно проехала на красный свет. Полиции рядом не было, но через несколько километров машину остановили. Оказывается, один из горожан проявил бдительность и «настучал» на нарушителей в полицию. Второй раз путешественников оштрафовали, когда они оставили пустую бутылку под лавкой в парке (урны рядом не было) — и в этом случае нашёлся добровольный помощник полиции. Как широко в немецком обществе развито доносительство, Олег понял, работая в Особом архиве с материалами берлинской криминальной полиции за 1920—1930 гг. Доносили на своих родственников, друзей, знакомых, причем в большинстве случаев не за деньги, а как бы по обычаю. Учительница немецкого языка из деревни под Новгородом, попавшая студенткой в оккупацию в 1942 г., рассказывала о немецких офицерах, поочерёдно стоявших в их доме: «Их объединяла общая страсть к доносам и мародерству. Я иногда заглядывала в их бумаги, лежавшие на столе (они не знали, что я понимаю по-немецки). Там довольно часто лежали донесения на своих сослуживцев и подчинённых. Первый наш постоялец-офицер забрал единственное наше богатство — швейную машину, другой — вытащил из шкафа подаренный мне женихом отрез на пальто, третий, настоящий варвар, решил забрать старинные иконы, но без деревянной основы, только красочный слой на тонкой наволочке. Сдирая этот слой, он иконы погубил...» Одну из этих икон, испорченных немецким варваром, старая учительница подарила Олегу. Она до сих пор хранится у него.

Многие из тех немцев, с которыми Олегу приходилось общаться, имеют как бы двухэтажное сознание. На первом этаже качества, которые вызывали у него симпатию — вежливость и внешняя предупредительность, бережливость, стремление к порядку, желание «разложить всё по полочкам». Но на втором этаже «живут» качества, которые подавляют всё, что ему было симпатично. Прежде всего, довольно примитивно выражаемое чувство превосходства, карикатурное самодовольство и развязность.

Объявляя немцев «высшей расой», Гитлер, конечно, использовал эти немецкие качества «второго этажа». Прежде

всего, чисто немецкую черту превосходства над другими, стремление никому не уступать даже в мелочах, даже в мелочах превосходить других, и самодовольство, присущее многим немцам, особенно среднего и старшего возраста. Для немца очень важно, чтобы все видели, что он удовлетворен жизнью, прочностью положения, своей состоятельностью, респектабельностью. Такого самодовольного немца легко узнаешь на улице, его не перепутаешь с иностранцем, не обладающим подобными манерами, особенно с «гастарбайтером», с ними «настоящий немец» держит себя свысока. В немецком самодовольстве существует особая иерархия в зависимости от положения немца на социальной лестнице. По отношению к вышестоящим «самодовольный немец» на глазах превращается в «бедного родственника» и начинает униженно заискивать.

Исходя из национальной формулы своего «превосходства», многие немцы пренебрежительно относятся к другим национальностям, из западных народов особенно к французам и итальянцам, из славянских — к русским и полякам. О русских они рассказывают анекдоты, какие у нас рассказывают о чукчах. Вот, например, анекдот, который Олегу рассказали в Гамбурге: «Ты не знаешь, почему русский пришёл на работу, весь исцарапанный?» — спрашивает один немец другого. — «Ну как же! Он впервые решил воспользоваться ножом и вилкой...»

Не любят немцы и евреев, но неуважительные анекдоты о них рассказывают только в узком кругу. Для немецких же политиков еврейская тема является запретной, о евреях, как о покойниках, можно говорить либо хорошо, либо ничего. Огромное еврейское влияние в Германии, временно остановленное в 1930-е годы, после Второй мировой войны приобрело ещё большие масштабы. Экономика и политика этой страны полностью контролируется международными финансовыми еврейскими кругами. Все главные вопросы внутренней и внешней политики этой страны решаются в Израиле и США.

Друзья Олега из США рассказывали ему о прошедшей в 2003 году международной конференции по вопросам борьбы с антисемитизмом. На этой конференции самый униженный характер пресмыкательства перед международным еврейством носила речь министра иностранных дел Германии Йошка Фишера, который заверил Израиль, что немцы будут постоянно выплачивать возмещение «жертвам холокоста». «Израиль, — заявил Фишер, — является ключевым фактором внешней политики Германии» и добавил, что «в Берлине Израиль рассматривается как второй по значимости и степени доверительности взаимоотношений союзник после США».

Немецкие коллеги рассказывали Олегу, что правые организации проводили анонимные опросы в нескольких немецких землях и в Австрии по вопросу об отношении немцев к евреям. По их сведениям, 63% немцев не доверяют евреям, а более 50% считают, что именно евреи оказывают решающее влияние на немецкую политику. Тем не менее, большинство немцев продолжают голосовать за партии, которые проводят еврейскую политику. Русские эмигранты, долго живущие в Германии, рассказывали, что в этом сказывается осторожность немецких бюргеров, которые, несмотря на свое высокомерие и самодовольство, чаще всего ведут себя трусливо, а часть из них боится новой оккупации, которой может закончиться «восстание против евреев». Есть и такие, которые признали в удачливом еврейском банкире своего господина и готовы ему верно служить.

Подавляющая часть немцев (более 70%) не верят в холокост, считают его измышлением, имеющим целью поставить на колени немецкий народ. Но никто об этом открыто не скажет. Для «свободной» Германии вера в холокост так же обязательна, как в СССР была вера в коммунизм. Попробуй усомниться — начнутся «репрессии», конец карьеры и благополучия, а для государственного деятеля — политическая смерть. Немецкие государственные деятели позволяют себе усомниться в холокосте, когда уходят из политики. Так, например, это недавно сделал бывший канцлер Шрёдер, сразу же за это подвергнутый остракизму со стороны своих прежних коллег. В декабре 2003 г. депутат Мартин Хоман выступил на заседании бундестага, подвергнув критике миф о холокосте. За эту критику он был немедленно исключен из партии и лишился депутатского поста.

Германия является самой типичной западноевропейской страной, а немецкий народ самым ярким выразителем западноевропейского менталитета. В немецком народе наиболее характерно, а подчас карикатурно и утрированно присутствуют черты, общие для многих европейцев. Это, прежде всего, все черты, которые были перечислены выше.

Конечно, каждый европейский народ внес что-то особенное в строительство западноевропейского менталитета. Французы, например, в свое «двухэтажное сознание», на первый этаж, наряду с галантностью, бережливостью, переходящей в скупость, внесли и миф о свободе, равенстве и братстве. Но, как показали опросы, большинство французов в этот миф не верят.

Средний француз учится «искусству жизни» у евреев, дружит с ними, но при случае любит «блеснуть» своим антисе-

митизмом. Об этих склонностях французов рассказывали несколько русских эмигрантов, почти всю жизнь проживших во Франции. Сталкивался с этим и сам Олег. За разговорами о свободе, равенстве и братстве стоит жёсткая социальная кастовость, отсутствие веры в справедливость и права личности. Большинство французов с особым придыханием произносят слова «президент», «министр», «банкир», «граф», «барон» и т.п., вкладывая в них особое почтение как к людям, «права имеющим».

Впервые эту французскую идеологию озвучил Вольтер, который сказал, что «в этом несчастном мире необходимо, чтобы люди, живущие в обществе, делились на два класса: угнетателей и угнетенных». Обосновывая это разделение, Вольтер заявляет, что обычно угнетенные, задавленные постоянным трудом, не имеют возможности осознать положение, в котором они находятся. А когда начинают понимать его, поднимают войну против угнетателей, но эти войны рано или поздно заканчиваются полным порабощением, так как власть принадлежит тем, кто имеет деньги. «Деньги — полный хозяин государства». В этом суть западноевропейской «демократии». На фоне этого лозунга все остальные рассуждения о политической свободе, веротерпимости — простое дуновение ветра. Бедным не следует давать политических прав. Те, кто не владеет ни землей, ни домом, не должны иметь права голоса «точно так же, как приказчику, состоящему на жалованье у купцов, не дано право руководить их торговлей».

«Культовое» событие западноевропейской истории — Французская революция XVIII века — дало жизнь первой французской конституции, которая разделила граждан на активных (имеющих права) и пассивных (не имеющих их). Менялись времена и конституции, но суть дела не менялась. Через два столетия ту же самую программу представил Западной Европе глава Европейского банка реконструкции и развития французский еврей Жак Аттали. Новый мировой порядок или, как его называл Аттали, торговый порядок, воцарится в Европе и мире после 2000 года.

Аттали раскрывает три уровня попыток мировой закулисы господствовать над человечеством, говорит о трёх типах порядка, «О трёх способах организации насилия»: «О мировом порядке сакрального, о мировом порядке силы, о мировом порядке денег».

Сегодняшний этап развития Западной Европы он называет торговым порядком. При этом порядке всё продается и покупается, а главной, универсальной ценностью, в том числе и в духовной сфере, являются деньги.

Новый торгово-денежный мировой порядок «постоянно стремится к организации единой универсальной форме мирового масштаба». При этом порядке власть измеряется «количеством контролируемых денег, вначале посредством силы, потом посредством закона».

Космополитизация человечества — одна из главных целей мировой закулисы. Как пишет тот же Аттали, «кочевничество будет высшей формой нового общества... определит образ жизни, культурный стиль и форму потребления к 2000 году. Каждый будет носить с собой свою собственную идентичность».

Под кочевничеством Аттали понимает общество людей, лишённых чувства Родины, почвы, веры предков и живущих только интересами потребления и зрелищ, которые им несёт теле- и видеозэкран. «Кочевники» будут регулироваться через компьютерные сети в глобальном масштабе. Каждый кочевник будет иметь специальную карточку со всеми данными о нём и прежде всего о наличии у него денег. И горе тому, кто «оказывается лишённым денег и кто угрожает мировому порядку, оспаривая его способ распределения!».

Всем, кто противостоит мировому порядку денег и лидерам этого порядка — международным еврейским банкирам, не будет пощады. Выступления против сионизма и «мудрости Талмуда» должны пресекаться беспощадно. «Все антисемиты — враги человечества». Вот такие «цветочки» выросли в современной Франции. И это не есть нечто только привнесённое извне, всё это коренится в самом характере европейцев.

Изучая Западную Европу, Олег больше всего разочаровался в Англии. Образ этой страны создан самыми могущественными масонскими ложами еще в XVIII—XIX веках, намного опередив современные пиар-кампании. Образ консервативной, добродетельной и свободной Англии — миф. Консерватизм для Англии — защитный зонтик, с помощью которого британские власти пытаются оправдать несамостоятельную политику и рабскую зависимость от международных еврейских кругов.

Несколько раз Олегу приходилось беседовать с корреспондентами Би-би-си, и каждый раз он пытался задавать им контрвопросы о государственной политике Англии. «Свободные» корреспонденты «свободной» страны что-то уклончиво блеяли, каждый раз меняя свою позицию в зависимости от последней установки Форин Офис и мнения правительства Израиля. Особое замешательство у «свободных» корреспондентов вызывал вопрос, почему Израилю можно иметь ядерное оружие, а Ираку или Ирану нельзя. Рассуждения о ка-

ком-то особенном национальном своеобразии англичан — миф. Истинное своеобразие англичан осталось за чертой XVII века. После казни короля реальной властью в Британии постепенно становится еврейская. С XVIII века еврейские ростовщики и банкиры входят в состав парламента и активно влияют на его политику, а в XIX веке — уже формируют и возглавляют правительство.

Как исследователя и писателя Олега Платонова в Западной Европе больше всего пугает невозможность свободной интеллектуальной жизни, отсутствие свободы выражения своих взглядов, наличие запрещенных для обсуждения тем. Он не понимает, почему в западноевропейских странах нельзя свободно писать о влиянии евреев на политику и культуру этих стран, почему нельзя свободно обсуждать преступления, творимые Израилем в арабском мире, почему в тюрьмах европейских стран множество людей отбывает срок только за то, что они не верят в миф о холокосте.

Закат Европы — в предсказаниях и на деле

Сбылось предвидение Освальда Шпенглера: закат Европы стал неоспоримым фактом. В книге «От лжекапитализма — к тоталитаризму!» я приводил факты, позволяющие сделать такой вывод. Разбирать подробно процесс разложения и умирания Европы — всё равно, что исследовать разложившийся труп, предоставим это занятие криминалистам. В данной работе приведу лишь несколько интересных суждений на этот счёт, появившихся в прессе в последнее время.

Вот что пишет о закате Европы итальянский журналист Антонио Мартино в статье под красноречивым названием «Европа знает о своем близком конце и уже даже не защищается» (ИноСМИ, 08.12.2009):

«До 1914 г. европейцы были убеждены, что лишь они живут в цивилизованном мире. Остальную часть планеты они считали малоцивилизованной и маловажной». Но после Первой мировой войны в России к власти пришли коммунисты, в Италии фашисты, в Германии — нацисты. И характер международных отношений радикально изменился. Вторая мировая война нанесла новый удар по евроцентризму. США стали наиболее важным центром силы. Европа же, которая была центром всего мира, стала «самым ценным недвижимым имуществом на земле». «Мало того, что Европа не в состоянии сама себя защитить, так она ещё убеждена, что сможет найти выход из любого сложного положения благодаря болтовне, то есть диалогу.. Мы надеемся, что США будут

продолжать нас защищать, несмотря на то, что мы часто считаем американские внешнеполитические решения односторонними и делаем все, чтобы им противостоять. Из этого следует неопровержимый вывод: всего в течение столет Старый Свет прошел путь от мирового центра до политического образования, обреченного на исчезновение. Мы уже подошли к красной черте».

Публицист Андрей Бунич опубликовал в «ЛГ» (2010, №29) статью «Евротруба». Перескажу её содержание.

Шпенглер связывал закат Европы с культурной завершённостью и идейной исчерпанностью. Действительно, Европа уже давно деградирует, и никакие временные успехи отдельных стран и даже создание зоны евро не могут скрыть этот факт. Причин здесь несколько.

Во-первых, Европа заимствовала модель развития США (потребительское общество и американская модель экономического роста) и пытается соревноваться с этой страной на том поле, на котором американцам нет и не может быть равных.

Во-вторых, геополитически Европа как стратегический союзник США исчерпала свой ресурс со времён падения СССР. В глазах США Европа перестаёт быть фасадом капитализма, необходимым для демонстрации его возможностей. Отсюда глубочайший кризис европейского «государства всеобщего благосостояния». А также конец европейского «среднего класса» в результате глобализации.

В-третьих, безусловное старение населения лишает Европу пассионарного заряда и фактически ведёт к образованию старческих государств, наций пенсионеров. Откуда здесь взяться предпринимательскому духу и принятию риска?

В-четвёртых, ни военно-политической силы, ни влияния на глобальные технологические тренды или финансовые рынки у Европы нет.

В-пятых, здесь, как и во всём мире, к власти приходят безответственные политики. Они легко принимают на себя колоссальные долги частного сектора, так как отвечать не им, а выгоду от этого они получают уже сегодня. Политики ничего не смыслят в экономике уже давно, и крупнейшие финансовые структуры этим пользуются. Политикам главное — продержаться до следующих выборов, и не важно, какие последствия повлекут их решения в долгосрочной перспективе, в будущем. В США речь идёт о разборках в рамках одного государства, в котором за 200 лет все привыкли к подобного рода явлениям. А вот в Европе одни страны могут не захотеть платить за другие. Ведь если это ударит, к примеру, по карма-

ну немецкого или французского обывателя, то граждане этих стран просто переизберут своих лидеров. Но и те страны, которые активно нарушают Маастрихтские соглашения, тоже могут возмутиться: они ведь шли в Евросоюз как на банкет, а им предлагают строгую диету: хлеб и минералку.

Кроме того, надо учитывать разность менталитета южных и северных стран Европы. Даже во Франции приоритетом для населения считается свободное время. А в Германии привыкли работать много и отдыху уделяют меньше внимания. Что уж говорить про более южные страны, такие, как Испания, Португалия, Греция?! Их жизненный уклад не приемлет того, что им предписывает Еврокомиссия.

А в финансах? Занимать на мировом рынке придётся уже более надёжным заёмщикам, то есть Германии и Франции. В итоге скоро и долг этих государств станет таким же большим, как и у проблемных стран — участниц Евросоюза. А значит, придётся перекрывать и этот скрытый канал поддержки.

В общем, куда ни кинь, всюду клин, и дело Европы — труба.

Ещё три момента всё же следует дополнительно отметить.

Во-первых, Западная и Центральная Европа — это совокупность государств, образовавшихся на месте завоёванной германскими племенами Римской империи. Культ силы, идея господства завоевателей над завоёванным быдлом стали основой миропонимания европейцев и легли в основу разного рода расовых теорий. Европейцы с молоком матери впитывают представление о европейцах как единственных настоящих людях, самой судьбой поставленных над прочими «недочеловеками». Отсюда, в частности, страшная жестокость в их отношении к народам, ставшим жертвами их колониальных захватов. Отсюда же культ ничем не ограниченной свободы личности и так называемых «прав человека», под которыми понимаются права именно европейского человека. Естественно, это рождает ответную нелюбовь и подчас даже ненависть к европейцам за пределами «континента диких цивилизаторов».

Во-вторых, Европа настолько обленилась и выродилась, что не может даже воспроизводить своё собственное население и вынуждена завозить всё больше мигрантов, преимущественно из стран мусульманского мира, для выполнения различных грязных и непрестижных работ. При этом европейцы в своём высокомерии полагали, что «понаехавшие» мигранты либо безропотно примут уготованную им участь современных рабов, либо ассимилируются и примут европейские ценности. Но они забыли изученную ещё Гегелем диалектику взаимоотношений рабовладельца и раба. Да, раб

зависит от рабовладельца, который может его продать, нака-
зать и даже убить. Но и рабовладелец зависит от раба, без
которого он не может ни вести хозяйство, ни даже обслужить
сам себя. Древние римляне определяли себя как «народ, оде-
тый в тогу», а даже облачиться в тогу без помощи раба невоз-
можно. Теперь Европа не может обойтись без мигрантов-му-
сульман, которых становится на континенте всё больше. Но
мусульмане не хотят ассимилироваться и перенимать нынеш-
ние западноевропейские ценности.

Тогда Евросоюз стал пытаться отгородиться стеной от не-
легальных мигрантов, он уже не в силах выдержать их на-
плыв. Например, греческие власти намерены возвести «ве-
ликую греческую стену» протяженностью 200 километров на
границе с Турцией, а также модернизировать береговую ох-
рану и на сухопутных границах создать заграждения. Затея
эта дорогостоящая, и выглядит сомнительно. Ведь Греция уже
длительное время балансирует на грани дефолта, угрожая
затянуть с собой в бездну финансового краха всю еврозону.

Намерение Греции жестко пресекать нелегальную миграцию
одобрила Франция, но раскритиковали правозащитники.

Именно через Грецию в страны ЕС ежегодно проникают
десятки и сотни тысяч нелегалов из азиатских и африканс-
ких стран. Греция намерена оставить в стране только тех миг-
рантов, которые имеют право на международную защиту или
право на убежище. Все же остальные нелегалы должны быть
высланы. Пока же каждый день сухопутную границу с Тур-
цией, несмотря на наличие вооружённой охраны и минных
полей, преодолевают не менее 200 человек. В действительности
нелегалов в несколько раз больше.

А сотни и тысячи мигрантов приняли участие в антипра-
вительственных акциях в самой Греции, требуя для себя раз-
ного рода пособий и вида на жительство. Они объединились
с левыми радикалами и заняли Афинский университет, ко-
торый стал своего рода штабом для оппозиции. Кое-кто из
них пытается работать на законном основании, другие же
делать этого абсолютно не хотят, мечтая о сытой дармовой
жизни. В центре Афин представители этнических преступ-
ных группировок продают прямо на улице наркотики. Афи-
ны наводнены проститутками из стран третьего мира, глав-
ным образом негритянками. За счет их заработка живут мно-
гочисленные представители криминальных сообществ. От
наплыва албанцев особенно страдают северные районы стра-
ны. Коренные греки жалуются на то, что те их вытесняют, а
албанская наркомафия активно наращивает на греческой
территории продажу наркотиков.

Однако способна ли стена остановить тех, кому нипочем даже минные поля? Нелегалы проникают в Европу вообще и в Грецию в частности зачастую по морю, а береговая охрана просто не в состоянии перехватить все лодки и шхуны. И даже если их перехватывали, задержанных обычно доставляли в приемники-распределители, откуда те нередко сбежали. Процедура же депортации обходится дорого.

В Европу нелегалы попадают и через Испанию, и через Италию. Никакие стены не смогут остановить вал беженцев из перенаселённых Пакистана, Индии, Бангладеш, а также страдающих от войн и засух африканских стран. Как не остановила стена миллионы латиноамериканских мигрантов на границе США и Мексики.

Уменьшить поток нелегалов могут лишь более радикальные меры. Но пойдет ли на них Евросоюз, в котором права и жизнь человека поставлены превыше всего? Вероятно, рано или поздно это случится. В противном случае европейские страны рискуют получить азиатские и африканские проблемы на своей территории.

Почему мигранты не ассимилируются? Хотя бы потому, что современная Европа практически не имеет отношения к тем ценностям, которые когда-то составляли ядро европейской культуры. Ныне европейцы впали в совершенное безумие, особенно в «гендерное безумие». Их отличают безудержная свобода личности, культ вседозволенности, жажда наслаждений, в том числе таких, которые на протяжении всей истории строжайше запрещались религией и моралью.

Так, в Европе получил массовое распространение гомосексуализм: дескать, «наступает новая эпоха, а потому нужна новая мораль». При этом культивируется гомосексуализм агрессивный, который фактически перерастает в гонение на лиц традиционной сексуальной ориентации. Быть гомосексуалистом стало престижно. Хотя гомосексуалисты пока ещё составляют сексуальное меньшинство, они благодаря своей сплочённости и мощной поддержке со стороны сильных мира сего всё более явно навязывают свою волю большинству. Гомосексуалисты становятся как бы аристократией современной Европы. Многие государственные и общественные деятели не просто открыто признаются в гомосексуализме, но и гордятся своей нетрадиционной ориентацией. Во многих европейских странах узаконены однополые браки.

Вот ещё несколько сообщений из СМИ наших дней: «Премьер-министр Исландии Йоханна Сигурдардоттир вступила в брак со своей подругой, писательницей и журналисткой Йониной Леосдоттир... Официальное оформление однопо-

лого союза стало возможным после того, как в Исландии вступил в силу закон, разрешающий геям и лесбиянкам вступать в брак» (Lenta.ru, 26.04.2009).

Узаконены однополые браки и с правом усыновления детей. Легко представить себе, что ожидает этих осчастливленных детишек. Неудивительно, что один читатель, возмущённый засилием гомосексуалистов в Европе, в ответ на какое-то поучение в европейской прессе в адрес России выразился коротко, но ёмко: «И эта мразь нас учит!»

В Европе уже происходит отказ от понятий «отец» и «мать» (вместо них законом устанавливаются наименования «родитель №1» и «родитель №2»). Герой поэмы Лермонтова «Мцыри» горевал по поводу того, что он «никому не мог сказать священных слов «отец» и «мать», и вот нашлись «цивилизованные» люди, которые добровольно отказываются от этих святых. Изгоняются понятия «мальчик» и «девочка», вместо местоимений «он» и «она» рекомендуется местоимение «оно». Всё больше становится трансвеститов, допускается отнесение человека к существам «третьего пола» и прочие извращения. Но ведь это — добровольное расчеловечивание человека!

Прежде на страже моральных ценностей плохо-бедно, но всё же стояла Церковь. Светлана Погорельская в своей статье в «ЛГ» (2010, №39) отмечает, что в последние годы политики стран Евросоюза вспоминают о «христианских корнях» Европы. Либеральные ценности оказались настолько универсальны, что даже ислам в Европе использует их в борьбе против либерализма. Кроме того, Европа устала от непрерывного расширения и решила установить его пределы.

Да, внешнеполитически Европа вспоминает о своих «христианских корнях», однако внутривнутриполитически она старается с ними расстаться. Жёстко расправляются со своими христианскими церквями СМИ так называемого европейского ядра. Особенно отличились немцы. «Моральная летаргия церкви», «Несостоятельность церкви», «Что станет с церковью?» — такие заголовки пестрят в немецких СМИ. Казалось, что общественность в последнее время только и делает, что отворачивается от Церкви, а число верующих, покидающих её лоно, всё растёт. Хотя на самом деле это не совсем так.

Верно, что в Германии, как и в ряде других стран «старой Европы», всё меньше активных («воцерковленных») христиан, а ислам всё сильнее. Церкви закрываются, а новых мечетей всё больше и больше.

Раньше в крепких, многодетных семьях среднего сословия в небольших немецких городах и деревнях вырастали дети, убеждённые, что семью можно основать, лишь достиг-

нужды стабильного имущественного положения. А современный капитализм предпочитает нанимать молодых людей лишь на временные контракты, не дающие ни крепких социальных связей, ни профессиональной перспективы, ни долгосрочной стабильности. И молодые семьи из «среднего сословия» по большей части остаются бездетными или же ограничиваются одним ребёнком, составляя слой маргиналов.

Воцерковленных христиан среди них очень мало, их отношение к Церкви чисто потребительское: берут бесплатную одежду или мебель от церковной общины. В панельных, «спальных» районах крупных городов, где у телевизоров, игровых компьютеров и пивных стоек прочно осел «нижний слой», активная жизнь Церкви практически не чувствуется.

Молодые немцы всё чаще принимают ислам, более того, становятся сторонниками радикальных исламистов. Они выросли в проблематичных районах крупных городов. Они не отвернулись от христианской церкви — они просто не знали её.

Однако в благополучных городках католического юга, в деревнях протестантского севера повседневная жизнь по-прежнему группируется по большей части вокруг местных церковных общин. Здесь верующие не только справляют религиозные обряды, но и организуют досуг: работают группы для малышей и отряды христианских скаутов для детей постарше, собирается взрослый хор, группируются местные добровольные организации вроде помощи пожарной охране, организуются путешествия. Выигрывают от интеграции в церковную общину — дети. В условиях, когда бесплатный детский досуг уже не организуется государством, а «социальные проекты» финансируются из остаточных средств и закрываются, церкви стараются организовать досуг хотя бы для детей.

И в то же время именно из-за детей немецкие СМИ ополчились на свою церковь, выпячивая тему педофильного застоя в церковных стенах. И общественность начала воспринимать церковь преимущественно через призму «насилий и злоупотреблений».

Педофилия может встретиться везде, где взрослые работают с детьми. Однако Церковь несёт особую моральную нагрузку — поэтому спрос с неё строже.

В Германии с конца 60-х годов сложился слой левoliberalных интеллектуалов, использующих факты педофилии для обоснования собственных свободных воззрений на вопросы сексуальной морали, да и не только их. В своё время Церковь выступала против сексуальной свободы — теперь на основании новой информации её обвиняют в лицемерии,

разврате и насилии. Даже в христианско-демократической партии существует «рабочий круг гомосексуалистов и лесбиянок». Либералы призывают «модернизировать» Церковь, «приблизить её к современности», то есть открыть для нетрадиционных ориентаций. А паства молчит — после потока вылитого на неё негатива Церковь во многом потеряла свой престиж в светском обществе.

О своих «христианских корнях» современная Европа вспоминает прежде всего во внешней политике, когда размышляет о том, кого можно принять в ЕС, а кого — лучше бы не надо. Однако в глобализирующемся мире можно потеряться и в собственных странах — среди исламских общин, агрессивных сект, прогрессивных атеистов и безродной масскультуры.

В других странах ЕС положение не лучше. Вот пример. Итальянская гражданка финского происхождения побывала в школе, где учились её двое детей. Увидев на стенах классов христианские распятия, закоренелая атеистка возмутилась. И потребовала снять их под тем предлогом, что они якобы нарушают принцип независимости государства от церкви, а также её родительское право воспитывать детей в светском духе. Суд принял её заявление к рассмотрению. А в некоторых районах Англии начались открытые гонения на христиан.

Какими бы добрыми делами ни занималась Церковь, организуя досуг детей и пр., всё это имеет мало общего с учением Христа. Может ли такая церковь противостоять натиску извращенцев, пользующихся поддержкой многих из числа власть имущих?

Добавлю, что Евросоюз практически открыто отрёкся от христианства, отклонив предложение Ватикана упомянуть в конституции Союза, что именно христианство лежит в основе европейской культуры.

Но ведь такие явления не могли появиться вдруг, внезапно, очевидно, у них были глубокие корни в истории, и лишь в последнее время они могли открыто проявиться. Вот почему надо рассмотреть глубинные основы европейского миропонимания в историческом разрезе. Этому посвящается следующая глава.

Где всё решает меч, там правда ни при чем.
Когда в бою рука становится десницей,
Прощают и казнят единственно — мечом
И брат мой дорогой, и отрок бледнолицый.

А что не меч — то страх, а что не страх — то меч,
Все остальное — тлен, сгоревшее, пустое...
Нам нечего сказать, нам некого беречь —
Последняя звезда сгорела в травостое.

Но дух превыше звезд, превыше плоти — дух,
Превыше высоты и вечного молчания.
С ним видит, кто не зряч, с ним слышит тот, кто глух,
С ним кается, кто век не верил в покаянье.

Пусть всё вокруг — не то, пусть мы давно не те,
Пусть слышим сквозь века лишь окрики и стоны,
Чей дух в себе несем, пока не на кресте?
Чью робкую мечту?... Чей образ просветленный?..

* * *

Темнеет к полудню... Какой там еще звездопад...
Всё в рытвинах небо, а в нем — будто бездна клокочет.
Себя вопрошаешь... С собой говоришь невпопад...
И кто-то под окнами воет, ревет и хохочет.

По стылой Отчизне давно уж гуляет сквозняк,
И люди лихие гуляют давно по Отчизне.
Емелину печь на кирпичики Ванька-дурак
По пьянке разнес... И сегодня рыдает на тризне.

И хочется в детство. Туда, где горланит петух,
Где тополь дарит тебе желто-багряные длани,
Где чей-то фонарик в ночи помигал и потух...
И хочется к маме... Как, Господи, хочется к маме!

Чтоб молвила мама: «Вновь встретились наши пути.
Ты нынче не весел... Не думай о всяческой дряни.
Все видит Всевышний!.. Чуток посидишь — и иди,
Но съешь на дорожку вот этот горяченький драник...»

Пойду.. И услышав, как сосны скрипят на ветру,
Как ломится сиверко в окна, сгибая раструбы,
Я прежде, чем с хрипом средь бешеной вьюги умру,
Страну поцелую в давно посиневшие губы.

* * *

Гудок. Погода ржавая.
Темно совсем.
«Не спи, вставай, кудрявая...»
Динамик. Семь.

Глазунья. Сени темные.
Сальца не трожь.
«Вставай, страна огромная...»
И ты встаешь.

В любую непогодину
Вперед, за дверь.
«Была бы только Родина...»
А что теперь?

Былая жизнь с невзгодами
В смурной дали.
«Ходили мы походами...»
К чему пришли?

И помыслы греховные,
И в душах тлен.
«Среди долины ровныя...»
Не встать с колен...

* * *

О, Родина, ты мой нательный крест,
Мой крест сосновый в горькую годину.
И первая любовь... И благовест...
И поздний взлет... И ранние седины...

О, как же ты мучительно-добра
К тем, для кого ты — главное на свете:
Здесь дыбы, пытки, плети, топора
Достойны только любящие дети.

А кто тебя насилдовал и жег,
Те значатся в названьях улиц наших,
Как будто нет Руси, а есть чертог,
Где вместо «русский» — лающее «рашен».

Как будто бы из всех родимых мест
Родимый дух ушел в слепые дали.
Как будто бы с груди нательный крест
Лихие люди в бешенстве сорвали...

Юрий КУКСОВ

РОДНЫЕ ДОРОГИ

* * *

Как мы, в сущности, одиноки!
Кто я есть? Голова да ноги,
Да еще, говорят, душа,
Что живет во мне, чуть дыша.
Оживает она, когда
Залепечет у ног вода
Разговорчивым родничком.
А когда упаду ничком
В травы пряные, в клевера,
Будь, надежда, ко мне добра,
Чтобы я дожил до утра...

НА РОДИНЕ

Там, за разошедшей божницей,
Мешочек с волглой сушеницей,
«Кошачьи лапки» и тимьян.
И причитанья древней бабки,
И дед, что вечно в зимней шапке,
От немощи с наперстка пьян.
— Ты, паря, чей? — ко мне с вопросом.
А знал, поди, как я по росам
На речку бегал босиком.
Забыл... И как тут не забудешь!
Да и кого теперь осудишь
За то, что духом сенокосным
Уже не бредит старый дом.
Держать коровку не по силам,
Но если вспомнить, как косил он!
Его бы удаль сыновьям!
Но сын один пропал без вести,
Другого схоронили в Бресте,
С тех пор с бессонницею вместе
Дед ближе к звездам и к репьям.

* * *

Ночью поезда идут на Ливны.
Каждой веткой вздрагивает сад.

С веток облетающие ливни
Над взопревшей пашнею висят.
Распахни окошко в ночь и слушай
Маем продиктованный прогноз:
С берегов Хопра идет на сушу
Океан тысячевольтных гроз.
В Талдоме черемуха томится,
На Двине последний ледоход...
Этой ночью никому не спится
На земле, сырой от непогод.

* * *

Утро. Тянет холодом с болота.
Бабка шутит: «Рано помирать».
Нынче у нее одна забота —
На болоте клюкву собирать.

«Вот уж, — скажет, — не было несчастья,
Что и смерть не в силах отлучить!»
И глядишь — такую прорву тащит,
Что и мужику не утащить.

* * *

Через лес, от кустика до кустика —
Кланялся то клюкве, то грибу.
И текла в легенду речка Грустинка,
Словно в чью-то грустную судьбу.
По сырым нехоженным ольшаникам,
Весь пропахший дымом от костров,
Я на пару с верным другом Шариком
Шарил по кустам тетеревов.
Без запинки вызубрил все просеки,
Журавлям смотрел подолгу вслед.
И от этой неоглядной просини
До сих пор в глазах стоит рассвет.
Рябчикам подсвистывая запросто,
Маялся мелодией без слов.
И томил прощальной грустью августа
Дальний дым неведомых костров.

* * *

Шел март, похрустывая корочкой
Уже последнего ледка.

Мороз покалывал иголочкой,
Но боль была уже сладка.
А в полдень солнце вдоль обочины
С ручьем сбежало под уклон.
И через поле озабоченно
Шагал к деревне почтальон.
Наст под ногою не выдерживал.
И грач расхаживал в полях.
А возле школы класс развешивал
Скворечники на тополях.

Алла ЛИНЁВА

ГОРИТ ЛИЛОВОЕ РАЗДОЛЬЕ

* * *

Что закат прекраснее рассвета,
Это я недавно поняла:
Разглядела только этим летом,
Сколько в красках мягкого тепла.
Как горит лиловое раздолье,
Как дымят густые облака!
И душа ликует поневоле,
Позабыв, что ночь уже близка...

* * *

Чужого не желать,
К чужому не стремиться,
Не плакать, не рыдать,
Лишь верить и молиться.
И в пасмурный рассвет,
И в розовом закате
Не забывать Завет
И думать о возврате.

* * *

И когда я в смятенье жила,
И кружила пурга у порога,

Нерадивая мать и жена,
Я просила защиты у Бога.
Я кричала: «Всевышний, прости,
Я посеяла много несчастий,
И смиренность мне трудно нести,
Разрывается сердце на части!..»
Я глядела в глаза образам,
Я искала тепла и участия,
И разверзлись во тьме небеса...
И на плечи упал лучик счастья.
Я к нему прикоснулась рукой...
Я его ощутила дыханье...
О, Господь, милосердный такой,
Ты утешил меня... в наказанье...

* * *

Сама себя тоскою извожу..
Зачем, зачем? Ведь счастливо живу.
Послушны дети, ласковы друзья,
И верен муж (насколько знаю я).
Богатства столько — и не сосчитать:
Столы, и стулья, и диван-кровать,
В окно моё глядеть — не наглядеться:
Вся улица видна, берёза по соседству,
А ночью — фонари, и облако, и даже
Горит в окне звезда одна и та же!
Зачем же я так тягостно грешу —
Сама себя тоскою извожу?..

* * *

Здесь русский дух. И так же Русью пахнет:
Ромашками, и клевером, и мятой...
И так же птица кружит над гнездом.
И здесь, как прежде, мой родимый дом.
Он в памяти моей такой весёлый...
Пусть изменились города и сёла,
И новый век сулит иную Русь.
Здесь русский дух — я за него молюсь.

* * *

Всё в мире просто —
Тополь и берёза,
Незримый ветер,

Синь и облака,
Всё в мире просто —
Свадьбы и погосты...
Настолько рядом,
Что дрожит рука...

* * *

Сгущается сумрак в осеннем лесу.
Тяжёлую ношу я в сердце несу.
Луна из-за тучи тревожно глядит,
И листик кленовый в ладони летит.
И дом мой ещё далеко-далеко.
И страшно идти, и не встретит никто.
Ты только, пожалуйста, сердце, крепись,
Ведь ноша твоя называется — жизнь.

ВДОВА

Негами рассвет её не баловал:
Просыпалась — за дела!
Огород да детки малые —
Вон их сколько родила!
Всё подшучивать любила,
Всё мурлыкала под нос...
И далёко слышно было,
Как закатится до слёз.

* * *

Холодная ясная осень.
Прозрачные светлые дни.
Рябины тяжёлые гроздьи
На ветках остались одни.
Ещё и мороза не знают,
И серых дождей ещё нет...
Сияют, сияют, сияют
Весёлому путнику вслед.

* * *

Туманные ночи, туманные дни...
И что-то пророчат слепые огни.

И шепчет о чём-то сырая листва...
Но мне не слышны, непонятны слова.
И внемлет лишь сердце тревоге земной:
Как страшно, как жутко остаться одной...
Туманные зори, холодный рассвет.
Озябшие плечи закутаны в плед.
Как грустно, как тяжело, и сон не идёт,
И мысли, как пламя, и сердце, как лёд.

* * *

Река дохнула мне в лицо прохладой нежной,
И я забыла обо всём, я стала прежней.
Бежали блёстки по воде. Играло солнце.
Но кто же знал, что и ко мне оно вернётся?
И так легко растает лёд, сковавший в зимы,
И будет жарко и светло невыносимо...
И будут лилии цвести судьбе на милость.
А там...
О, Господи, прости, что б ни случилось...

Анна ТОКАРЕВА

РОДНОЙ ПРОСЕЛОК

ОДУВАНЧИКИ

Проснувшись во двориках зябких,
Близ яблонь, заборов и стен,
Они золотистые шляпки
Надели, поднявшись с колен.

Немедля — вперед, за ворота!
Луга и поля полонив,
Покрыли они позолотой
Пространства невспаханных нив.

Незыблема связь поколений,
Незыблема к жизни любовь.
До буйства душистой сирени
Цвети одуванчикам вновь.

Представьте — всё это бывало:
Как я, на простор убежав,
Славянка веночек свивала
Пыльцою испачкав рукав.

КУЛИЧ

Тесто мяли и месили
Кулаком и пятернею,
По бокам его лупили —
И оставили в покое.

Возле печки, в теплом месте,
Принакрытому тряпицей,
Что-то скучно стало тесту
В одиночку пузыриться.

В темноте, в плену посуды,
От ванили задыхаясь,
Тесто думало о чуде,
Любопытно поднимаясь.

Было тесту томно, сладко,
Ведь изюмными глазами
Оно видело лампадку
На стене под образами.

Тесто замерло в смиренье,
Когда в печь его сажали,
Чтоб в Христово Воскресенье
Куличом его назвали!

ОТТЕПЕЛЬ

Взгляни вокруг, бровей не хмурь:
Сугробы — белыми стогами,
И наста хрупкая глазурь
Хрустит под нашими ногами.

Капель, сосульки, снеговик,
И гололеда бледный глянец...

Всё это — оттепели лик,
Ее веселый, легкий танец.

И пусть испорчена лыжня,
Зато ласкает солнце кожу.
Весна и оттепель — родня.
Пусть отдаленная, но всё же...

* * *

Хочу туда, где тропки узки,
И необъятен небосвод,
Где так приветливо, по-русски,
Березка встретит у ворот;

Где росы дремлют на манжетках,
Мохнатый клевер лиловат,
И где под крыльями наседки
Пригрелся выводок цыплят;

Где кошка, рыжая Авдотка,
Приходит в гости, как домой,
Где на шести садовых сотках —
Весь мир. И сложный, и простой.

* * *

Неделю, всего лишь неделю
Струился цветов аромат,
И жалость моя неподдельна,
Что вянет сиреневый сад.

Кудрявые бурые кисти
Коснулись моей головы:
«Ты тоже заложница истин,
Законов природы, увы».

«Нельзя надыхаться сиренью
На долгие месяцы впрок», —
Шепнул, призывая к смиренью,
Упавший в ладонь лепесток.

В сиреневых сумерках мая
На сердце смирения нет,

Когда я к лицу прижимаю
Прощальный сирени букет.

* * *

Мне нравятся названия
Певучих трав, цветов:
Вечерница, журавельник,
Купырь, черноголов...

Трава благоуханная,
Тобой не надышусь —
И я не безымянная:
Анютою зовусь.

Одно нас греет солнышко,
Озябших поутру,
Мы клонимся без колышка
На яростном ветру.

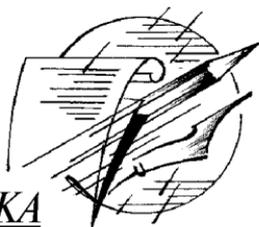
Топчите — нас не вытоптать,
Косите — отрастем,
Пытайте-ка — не выпытать,
Где силу мы берем.

Спроси козлобородника —
Молчание в ответ.
Россия — наша Родина,
И в этом весь секрет.

УДАР В КОЛОКОЛ

Разразившийся мировой кризис обострил интерес к футурологии. Что будет с нами, что будет с миром? Те предостережения, над которыми обыватель смеялся, а чиновник старался убрать с глаз долой, вдруг оказались верными, а если так, то катастрофические прогнозы тех же футурологов, говорящих, что самые мощные государства в ближайшие два-три десятилетия могут быть разрушены, требуют пристального внимания.

В издательстве «Книжный мир» вышло в свет русское издание книги американца Томаса Читтама «Вторая гражданская война. Грядущий распад Соединенных Штатов Америки». Томас Читтам не был заметен на фоне американских аналитиков, предпочитавших говорить о миссии Штатов, несущих свободу всем людям во всех уголках Земли. Но теперь его книга стала невероятно актуальна. США, возможно, придется решать проблемы «столкновения цивилизаций» не в операциях по «принуждению к миру» и «гуманитарных интервенциях» за пределами своих границ, а на собственной территории. Тем не менее подобные прогно-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ные сценарии вызывают у американского официоза крайнее раздражение. Именно поэтому книга Читтама, написанная более десятилетия назад, была позабыта. И о ней пострадают не вспоминать. Зато американские публицисты обрушились на российского политолога Игоря Панарина, который опубликовал статью о грядущем распаде США, повторяя свои прежние тезисы, которые прозвучали также около десятилетия назад. Конечно, предсказание распада США выглядит слишком экстравагантно, но и за два года до краха СССР мало кто мог его предсказать.

Российского читателя, безусловно, интересует не только судьба США, сколько судьба России, которая также поставлена под вопрос. В прогнозах, касающихся американцев, мы как в зеркале видим свои собственные проблемы и угадываем предвестие возможного распада нашей страны. Будет ли любить Родину поколение, которое за нее не сражалось? Ответ очевиден. Возможно, именно поэтому история больших народов, оказавших существенное влияние на мировую цивилизацию, происходит таким образом, что каждое поколение участвует в своей большой войне. Война неотвратима, она «отец всего» (Геродот).

Американцы давно не воевали за свою страну — с 1945 года. Они воевали во Вьетнаме, в Афганистане, в Ираке... Не за свою страну, а за интересы интриганов, пытающихся стать мировым правительством. Русские тоже не воевали за свою страну с 1945 года. Когда русские солдаты сражались в Афганистане и в Чечне, народ смотрел на эти войны со стороны.

Из великих народов без войн выветривается воинский дух. И они попадают под власть ростовщиков и спекулянтов — прорныр с глобальными амбициями. Именно поэтому США и Российской Федерации придется пройти не только через мировой кризис, но и через жесточайшие внутренние конфликты, которые изменят границы, устройство власти, установят новые основополагающие законы. Иначе наши народы умрут, как это не раз бывало с другими народами.

Книга Томаса Читтама — это не строгая аналитика. Это удар в колокол. Мы знаем и другие предупреждения, которые бывали более обоснованы результатами исследований и разнообразной фактурой. Но книга о будущей гражданской войне в США — это прямое указание на возможность самого жестокого сценария будущего, к которому никто не готовится, а значит, не ставит преград такому сценарию. Чем меньше американцы озабочены грядущей катастрофой, тем она вероятнее.

Российские аналитики также прогнозируют распад США, базируясь на информации и авторитетных мнениях самих американцев. Почти одновременно с Читтамом гипотезу о

грядущем распаде США высказал И.Н. Панарин. Он указал на три фактора: моральное разложение, экономическую несостоятельность и растущее неприятие американского доминирования в мире.

Один из проектов расчленения США — предлагаемый сепаратистами. Отделение южных штатов близко к гипотезе Читтама — мексиканский Юг и афроамериканский Юго-Восток.

Моральный надлом в США выразился в невиданной волне преступности и распаде семьи. По данным ФБР, 25% девочек до 12 лет подвергается изнасилованию. Около 25% американских мужчин являются гомосексуалистами. Ежегодно около 200 тысяч гомосексуалистов устраивают шествия в Лос-Анджелесе. В Вашингтоне, убивают в 17 раз больше (в расчете на 100 тысяч человек), чем в европейских столицах. «Война культур» разъедает американское общество подобно коррозии. Представители различных рас и национальностей в США просто «не смешиваются». Чуждая ментальность, чуждая культура вызывают неприятие, раздражение. Внешний долг США составляет около 8 триллионов долларов (в 1998 году — 2,2 триллиона долларов), внутренний долг — более 20 триллионов долларов. Ежегодно внутренний долг увеличивается на 500 миллиардов долларов.

Хотя во второй половине 90-х в США наблюдался существенный спад преступности, но в целом его уровень говорит о чудовищных противоречиях, которые могут разорвать США. Наблюдатели отмечали, что в США происходит почти в 20 раз больше вооруженных ограблений, чем в Канаде, Германии, Великобритании, Австралии, Швейцарии, Швеции, Австрии, Японии и Новой Зеландии вместе взятых (2004 год). В США на 100 тыс. американцев приходится 726 заключенных, в России (второе место в мире) 638. Тяжкие преступления демонстрируют очевидный расовый конфликт: по данным ФБР, за 2005 год белые совершили 5452 убийства, а черные — 6379. При этом белые составляли 68% населения Америки, а черные — 12,5%.

Русскому читателю хорошо известна книга Патрика Бьюкенена «Смерть Запада», где приводятся многочисленные примеры того, что государственность США находится на грани краха. Менее известна книга Френсиса Фукуямы «Великий Разрыв». Быть может, потому, что в ней аналогичные факторы преподносятся в мягкой форме, а общий вывод о том, что Америка все же «выкрутится», дан без веских оснований. В книге широко известного в России Самюэля Хантингтона «Кто мы?» говорится о тяжелом кризисе идентичности среди американцев: в их сознание вошли такие концепции, как глобализация, мультикультурализм, космопо-

литизм, иммиграция, субнационализм и антйнационализм. Книга Томаса Читтама стоит в ряду этих публикаций.

Да, Читтам не так сведущ в политической теории, как другие американские футурологи. Он не обладает достаточными историческими знаниями, во многом его представления зависят от пропаганды, рабами которой стали многие американцы. Но опыт солдата и гражданина позволил ему увидеть главную опасность — опасность гражданской войны и распада государства. Увы, такой же опасности не видели руководители и граждане СССР. За это была заплачена огромная цена. Прежде всего государствообразующим русским народом, который в отпавших государствах всюду стал изгоем, да и в своем родовом государстве — России — вынужден терпеть русофобию власти и средств массовой информации. То же самое грозит теперь американцам.

Глупец не способен учиться на чужих ошибках. Иногда не способен осмыслить и свои собственные. Вряд ли американцы умнее русских, чтобы понять, что система, в которой они живут, ценности, которые они исповедуют, приведут их к столь же тяжелой расплате. Поэтому прогноз расовой войны в США является вполне реальным.

Если мы, русские, не считаем себя глупее американцев, мы должны понять очевидные аналогии между теми угрозами, которые существуют и для американцев, и для нас. Никто не обещал России вечного существования. И нам не защититься от будущего заклинаниями о своей тысячелетней истории (которой не могут похвастаться американцы).

Читтам не касается экономики, но чутьем угадывает, кто стремится нажиться на грядущей резне — транснациональные корпорации и банки. В перевернутой системе изжившего себя капитализма тайный монополист использует государство как инструмент получения сверхприбылей. Нация, у которой отнимают труд и превращают в сообщество рантье, живет только до момента, когда монополист станет сильнее государства. И сможет отменить его. Ведущие политические теоретики Запада уже так и сделали: они отменили государство в теории. Теперь дело за практикой.

Если ростовщик и спекулянт будут стоять над производителем — мастером, творцом, управленцем, крах нации неизбежен. Считавшие себя защищенными от кризиса и уже ничем не связанные с собственной нацией бизнесмены грубо просчитались. Они стали банкротами всего за несколько месяцев 2008 года. В мировой игре ценами на нефть и биржевыми индексами крупные акулы пожирают тех, кто добровольно оторвался от народной почвы и стал «гражданином мира».

В США, конечно, внешнее управление чувствуется гораздо меньше, чем в России. Ведь только в России провозглашалась предельная открытость экономики и проводилась политика отказа от каких бы то ни было признаков суверенитета, кроме сугубо декларативных. В России нет ни дееспособной армии, ни самообеспеченности продовольствием. В США есть и то, и другое. В России до недавнего времени высшие чиновники без стыда заявляли, что «у нас нет идеологических противоречий с Западом», показывая тем самым, что у нас и идеологии-то своей, национальной, нет. В США, напротив, есть идеологический догмат, который навязывается всему миру с целью устранить все истинные и мнимые противоречия этому догмату. То есть идеологическое противоречие не только фиксируется, но ведется настоящая идеологическая война против всех других доктрин. И все же Штаты ослабевают — в них вянет чувство патриотизма, теряются черты мирового лидера, происходит сдача национальных интересов в пользу глобальной «элиты» — секты сверхбогачей, предпочитающих учредить в мире новое рабовладение, но не дать народам того качества жизни, которое складывается в развитии национальных традиций.

Читтам плохо понимает различие между империей и национальным государством, достаточно примитивно судит о том и другом. Для него империя — обязательно нестабильна, а национальное государство (которое он считает «государством одного народа») — некий идеал. Противоречая самому себе, Читтам приводит список государств, в которых назрели или уже ведутся гражданские войны. Среди них нет ни одной империи. Если обратиться к истории, то как раз империи оказывались самыми стабильными образованиями. Моноэтнические государства либо превращались в империи, либо попадали под власть империй. Или же выпадали из истории, оказываясь на обочине — неопасными, но и никому не нужными.

Да, империи всегда многонародны и всегда распадались. Но они существовали многие столетия и даже тысячелетия. А распадались только когда утрачивали то, что позволяло им завоевывать огромные пространства — внутреннюю национальную солидарность и цивилизующую миссию. Империи рушатся, когда власть теряет способность вести нацию, а нация перестает вести за собой союзные и подчиненные народы. Как раз попытка превратить империю в национальное государство (общее гражданство для всех жителей) убивает ее наверняка. Потому что общий и равный статус означает распад национальной солидарности ведущего народа и подкрепление этим статусом скрытой этнической солидарности

союзных и подчиненных народов. Тогда власть перестает быть национальной, армия перестает быть национальной, культура утрачивает национальные черты. И наступает коллапс государственности — либо под ударами внешнего врага, либо в результате гражданской войны. А чаще — и того, и другого.

Читтам и сам замечает, что США, будучи империей, имеют черты национального государства, поскольку все еще сохраняется господство англоговорящих европейцев. В России — то же самое. Если не господство, то бесспорное численное доминирование русских сохраняет в нашей стране признаки национального бытия, а значит — национального суверенитета. Россия так же остается империей, как и США. Пока лидерство ведущих наций не исчерпано, империи имеют шанс возродиться.

Ясно, что империя — высшее достижение нации. Не надо снимать свою государственность, чтобы стабилизировать ее. Напротив, такое сжатие как раз и свидетельствует, что национальный дух подорван. Уступки территории — всегда проявление слабости национального самосознания. Русское самосознание старательно уничтожалось коммунистической бюрократией, теперь — уничтожается бюрократией либеральной. И новые территориальные потери, сопряженные с новой гражданской войной, будут свидетельствовать, что необъявленный альянс коммунистов и либералов все еще успешен, а национальный дух все еще подавлен. Сжавшись до «национального государства», мы просто отойдем на периферию истории. Сколько нам оставят земли и исторической славы другие народы, заселяющие наши вотчины, зависит только от их энергии и готовности идти на уступки. Напротив, вновь став полноценной империей, мы возьмем на себя ответственность за мир на огромных пространствах и восстановим историческую миссию русской цивилизации.

Мы, русские, не проявляем достаточной солидарности, чтобы сохранить государство — удержать границы и вернуть своё. Но и американцы, как пишет Читтам, страдают тем же пороком — они готовы распределиться по расовым сектам. И на этом распад может не остановиться, как на некоторое время остановился у нас, когда союзные республики были «отпущены на свободу» и, не став полноценными государствами, превратились в этнократии. Далее могут последовать разделения по прочим «культурным» основаниям. Так из Канады выделяется Квебек. Так бунтуют католики в Олстере, обособляются баски в Испании, так идут кровавые гражданские войны в Африке, религиозные конфликты в

Азии. Если расовый конфликт не исчерпал энергию противостояния, то энергия найдет себе выход. Поэтому прогноз Читтама о том, что США распадутся на мексиканский Юго-Запад, негритянский Юг и «белый» Север, еще не так жесток. Политическое легкомыслие народа в сочетании с алчностью бюрократии может повести процесс дробления и далее. Либеральный догмат предполагает безбрежный «федерализм» — объединение в общины самого разного толка. Если солидарность этих общин будет выше, чем национальная, то распад неизбежен. Государство превращается в фикцию и «война всех против всех» (либеральная антиутопия) становится реальностью.

Научный метод и чутье ответственного гражданина позволяют видеть исторический процесс на несколько лет вперед. Бюрократия, напротив, закрывает глаза на будущее. Не только свои. Она отгораживает народ от собственного будущего системой тотальной пропаганды, скабрзностями масс-культуры, фиктивными авторитетами и репрессиями против любых политических альтернатив. Бюрократия знает, что для неё самой спасение нации означает гибель. Если начальником будет кто-то другой, то бюрократ готов пожертвовать таким будущим и заменить его всем, чем угодно — изменой, войной, разрухой. Поэтому главное противоречие эпохи, проявившееся в европейском человечестве (включая США и Россию), состоит в несовместимости национальных интересов и интересов либеральной бюрократии — ставленницы транснациональных корпораций и местных монополий ростовщиков и спекулянтов. На одной чаше весов — народы с их традициями, культурой, историей, на другой — Золотой Телец. Если вторая чаша перетянет, то мы переживем крах, подобный краху Античности. Произойдет не только закат Европы, не только смерть Запада, не только Великий Разрыв, но и крах всей христианской цивилизации, всех ее государств и народов.

Не нужно быть профессиональным демографом, чтобы провести элементарную экстраполяцию данных, указывающих на фундаментальное нарушение этнодемографических балансов в США, в России, в Европе. Эти процессы говорят о том, что исторические нации в европейском человечестве в ближайшие десятилетия утратят большинство. Многие территории уже стали для коренных наций чужими. Чужаки не ассимилируются, стремятся к политической власти и требуют привилегий. Все это они получают от либеральных правительств как откуп от надвигающегося агрессора. Так пала Византия.

Мнимая стабильность подспудно уже лишилась оснований — подмыта этническими сектами во власти и бизнесе. В

США весь Юг, а также целые кварталы крупных городов стали для европейцев враждебными и опасными. Для русских в России неприемлемы для проживания все бывшие союзные республики Азии и Закавказья, крайнюю русофобскую позицию заняло также руководство Украины. И в самой России русским приходится бежать с Северного Кавказа и напряженно следить за умножающимися группами агрессивной кавказской молодежи и азиатских гастарбайтеров в русских городах. Эти проблемы безвольно отдаются на откуп бюрократии, но она отказывается разрешать проблему демографических балансов и вступать в конфликты с этническими и расовыми сектами. Тем самым потенциал будущей гражданской войны и межэтнической резни накапливается, пока у закипающего котла не сорвет крышку. Когда это произойдет, исторические нации окажутся в крайне неблагоприятном положении — национальный дух унижен, историческая память ослаблена, национальная солидарность подавлена. Все это — результат альянса бюрократии с национальными и расовыми меньшинствами, формирующими единый фронт, интернациональную федерацию разного рода сект, направленную против современной цивилизации и традиционных культурных ценностей.

В России никогда не было расизма. Однако бездумно копируя западное «общество равных возможностей», российская бюрократия установила также и режим «расизма наоборот». Это Читтам может без обиняков писать про «расизм наоборот», у нас же такое явление подобно наведенной радиации: мы сами никакого расизма не «излучаем». Зато нас «облучили» тупиковыми либеральными концепциями, в которых никак не обойтись без расизма, который «прогрессивная общественность» должна находить и преследовать. Как и в других странах, следующих либеральной парадигме, России предписано найти расизм в стержневой нации и установить режим «расизма наоборот». Российские власти выполнили этот запрос в полной мере. Это дало им обоснование репрессий для русской оппозиции и широкой раздачи льгот этническим сектам. Как в США, в России правовой статус определяется теперь не гражданством, а принадлежностью к этническому или расовому меньшинству. Сходным образом продвигаются и «гендерные проблемы». С одной стороны — навязывание представительства женщин во власти, с другой — потворство «сексуальным меньшинствам». Русским вживляют в тело те же вирусы, которыми больны американцы.

Равенство для неравных с античности определялось как несправедливость. По пути несправедливости ведут свои

народы американская и российская бюрократии. «Расизм наоборот» направляется против белых американцев в Америке и против русских (и славян вообще) в России. Причем в обоих случаях дополнительные возможности власть предоставляет не индивидам, а уже сложившимся этническим сектам. Бюрократия своими руками создает армии будущей гражданской войны.

Политика этносепаартизма просматривается Читтамом в мексиканской «реконкисте». Последняя как две капли воды похожа на происходящее в российских «внутренних республиках»: обязанность для госслужащих владеть местным языком, снижение требований к владению государственным языком, введение обязательного изучения местного языка в школах, этнизация полицейских сил, этнизация власти... В России все это — не от численного доминирования «титального» этноса в той или иной республике (зачастую «титальный» этнос занимает по численности даже не второе место — как, например, в Башкирии, Карачаево-Черкесии, Якутии и др.), а в том, что вся власть передана московской бюрократией в распоряжение этнического клана. Практически все республики в России похожи не на прообразы национальных государств, а на оккупированные территории. В этом Россия продвинулась к гражданской войне гораздо дальше США.

В действиях российских властей мы видим то же, о чем пишет Читтам в отношении американских. Аналогия настолько глубока, что совпадает даже в такой детали, как разоружение народа. Если в США это лишь попытки пресечь давнюю традицию, закрепленную в Билле о правах, то в России, в начале 2009 года внезапно были введены новые правила использования такого оружия, которые делают его совершенно бесполезным для обороняющегося и безопасным для преступника. Другая аналогия — «уроки чуткости» в США и «программы толерантности» для школьников России. У них — уличные банды из трущоб, у нас — уличные банды из свежесозданных инородческих гетто в крупнейших городах, прежде всего в Москве. У них — продвижение расового меньшинства до поста министра обороны (Колин Пауэлл), госсекретаря (Кондолиза Райс), президента (Барак Обама), у нас — «моноэтническое правительство» (Гайдар, Козырев, Уринсон, Лифшиц, Чубайс и др.), этнизация милиции вплоть до министра внутренних дел (Нургалиев) и т.д. У нас и у них продолжается процесс узурпации власти через произвольные решения судов. При этом судьями становятся назначаемые бюрократией чиновники, окупившиеся в профессиональную корпорацию со своими собственными корпоративными интересами, отличными от общенациональных.

Полностью аналогичным американскому является российский «расизм наоборот», о котором говорилось выше. Он реализуется не только в программах по «воспитанию толерантности», но и в репрессивных действиях и прямого полицейском насилии, проводимом под видом «борьбы с экстремизмом». Симптоматично решение российских властей избавиться от коллегий присяжных, когда ведутся дела об «экстремизме». Народ удаляется из зала суда, а вместе с народом оттуда изгоняются и народные представления о справедливости. Мы идем по тому же пути, что и американцы, — к гибели нации.

Читтам пишет: «Американцы, особенно белые американцы из правящей верхушки, съеживаются от страха, когда кто-нибудь говорит о возможности расовой войны в Америке. Отчасти они делают это из абсурдного представления, что любой, кто затрагивает эту тему, — расист, желающий такого конфликта. По этой логике абсурда, метеорологи должны как-то вызывать ураганы, которые они предсказывают».

В России образовался сговор верхушки чиновничества с русофобской журналистикой и русофобами, действующими под прикрытием правозащитных проектов. Обвинение в расизме стало средством расправы над активистами патриотического движения, а также над офицерами, воевавшими в Чечне против этнических банд. Образовался целый слой политических заключенных — русских националистов, осужденных за «возбуждение межнациональной розни». Чеченские боевики в массе своей избежали преследований или попали под амнистию, а этническая преступность со стороны меньшинств захлестнула крупные города и отдельные малые поселения, где группировки выходцев с Кавказа или из Азии пытаются запугать местное население (Кондопога, Сальск, Харагун, Карагай, Белореченск, Сагра и др.).

Национальная политика большевиков первых лет советской власти, направленная против русского большинства и прямо декларировавшая ущемление прав русских в порядке «компенсации» за прежнее, якобы имевшее место угнетение других народов Империи, нашла на удивление прямое отражение в документах ООН. С целью установления «равенства возможностей» государствам теперь предписывается устранять любые условия, которые могут «увечивать дискриминацию». Под этим понимается установление льгот для определенных категорий населения — расовых, этнических, «гендерных». Эти льготы распространяются на порядок расходования государственного бюджета, на продвижение по службе, на медицинское обеспечение, на образование и т.д. При чем

речь идет не о некоем минимальном представительстве во власти, не о минимальном соцобеспечении, которое меньшинства не могут себе обеспечить, а о тотально вводимых преимуществах меньшинств в сравнении с большинством. Разница между государствами лишь в том, что «обратная дискриминация» в США введена в действие решениями Верховного суда, а в России создание этнических кланов — повсеместная и никем не оспоренная и не осужденная морально практика.

Исторический процесс многим хочется видеть как борьбу идей или классов. Но самым явным образом он материализуется в демографических процессах. Одни народы исчезают с лица земли, другие утверждаются и создают новые государства. Численность народа и скорость его приращения (или исчезновения) позволяют самым надежным образом прогнозировать будущее.

Американские власти оказались настолько привержены либеральной догматике в сфере иммиграции, что многие годы не реагировали на изменение расовых и этнических балансов, связанных с эмиграцией и разным уровнем рождаемости у стержневой части нации и этнических меньшинств, которые в ближайшем будущем станут интернациональным большинством. Массовое проникновение в США небелых работников, не говорящих по-английски, заставило правительство разве что объявить об абсурдном плане строительства стены вдоль всей американо-мексиканской границы. Тем не менее стена — это, по крайней мере, реальное действие в отличие от потока слов российских чиновников, которые продолжают снабжать олигархию миллионами рабов-гастарбайтеров. Иммиграционные амнистии в США, с одной стороны, легализовали множество переселенцев, с другой — ввели их в правовое поле и поставили под контроль, оставив при этом жесткое разграничение между статусом нелегала и статусом гражданина. В Россию такое разграничение фактически отсутствует. А заявленная программа переселения в России соотечественников в 2008 году охватила лишь около восьми тысяч человек. Да и то власти стесняются рассказать, сколько среди них русских семей.

Российские демографы указывают на катастрофические процессы в области народонаселения уже с середины и даже с начала 90-х годов XX века. Российское общество говорит об опасности неконтролируемых миграционных потоков с 2003 года. Российская власть до недавнего времени была глуха к этим предупреждениям и, напротив, проводила политику «замещающей миграции». Народ, отказавшийся размножаться в неволе, предполагалось заменить более покладис-

тыми азиатами и кавказцами, которым не нужен ни социальный пакет, ни нормальные условия труда, ни (до поры до времени) политические права. И только связанная с экономическим кризисом широкомасштабная криминализация нелегальных и легальных иммигрантов (российская власть приняла такие миграционные законы, которые фактически легализовали всю иммиграцию) заставила власти в конце концов буквально повторить многие тезисы русских националистов.

В книге Читтама рисуется страшная картина будущего, собранная как мозаика из событий войны во Вьетнаме и Югославии, а также отдельных фрагментов войны в Чечне. Увы, автор осведомлен только по поводу событий и условий вьетнамской войны — как её непосредственный участник. А в остальных случаях повторяет пропагандистские штампы. Впрочем, эти ошибки подтверждают достоверность доводов автора: он вовсе не является каким-то тайным другом России, намеренным доказать ничтожность Америки. Нет, Читтам настроен явно не пророссийски. Он считает русских узурпаторами, которые контролируют каждый вздох власти в Грузии, в Молдавии, в Прибалтике, на Украине. Он считает сербов варварами, уличенными в страшных зверствах. И формирует свои суждения по публикациям американской прессы. Тем не менее, даже этот сырой материал, переработанный сознанием наивного патриота, говорит о том, что США ожидает катастрофа. Патриот своей страны, он менее наивен, чем обыватель, который поверит в ужасы гражданской войны лишь тогда, когда все они внезапно свалятся на его голову. Патриот говорит о том, что бюрократия пытается скрыть от нации.

Американский писатель может не знать об изгнании албанских беженцев из Италии, о выселении вьетнамских торговцев из Чехии, о турецкой диаспоре в Германии, об этнополитическом расколе Украины, о русских «негражданах» в Эстонии, о преследовании русских в Латвии. Но общие тенденции Читтам улавливает совершенно правильно. Он показывает, что уровень этнической разнородности прямо определяет уровень насилия в обществе. Америка находится в зоне нестабильности, и только финансовые инструменты, выкачивающие ресурсы из остального мира, позволяют ей удерживать относительно благополучную обстановку. Но мировой кризис, крах Золотого Тельца превращают США в «большие Балканы». Россия уже прошла это испытание. Впереди испытание для американцев, которым придется платить по счетам — за наивность и равнодушие обывателей, за глупость бюрократии, за подлость играющих в деньги оли-

гархов. Злорадство по этому поводу неуместно. Ужасы распада государства приведут к невинным жертвам, а виновники распада могут уйти от суда человеческого, как это произошло в России, испытавшей распад в 1991 году и до сих пор не пришедшей в себя — не сменившей власть либеральной бюрократии на национальную власть.

К сожалению, Читтам не имеет никакой позитивной программы предотвращения гражданской войны. И даже видит в этой войне позитив: после нее на территории США возникнут монорасовые национальные государства, сообщества граждан, сформированные по всё той же либеральной догме.

Наши интеллектуальные усилия направлены к тому, чтобы не допустить в России гражданской войны, отстранить от власти коррумпированные этнические кланы, установить общую для всех законность, жестоко наказывать за русофобский расизм, восстановить Россию как Империю русской нации. Веками отработывавшиеся Россией имперские социальные технологии должны послужить установлению мира и спокойствия и не только не допустить новых территориальных утрат, но и вернуть в единое государство наши исконные земли. Это подразумевает преодоление вздорных либеральных мифов, бытующих в области государственного и общественного строительства, переход от «общечеловеческих» законов к национальному праву.

Позитивная программа русского национализма состоит в том, что жить и работать в России могут только те, кто душой и телом связан с нею — говорит на русском языке, имеет родовые и семейные связи с коренными жителями, лоялен к русскому большинству и его культурным традициям, лоялен к российскому государству. Тот же, кто не желает подчиниться этим простым правилам, может приезжать в Россию только туристом или жить в этнографических заповедниках с особым порядком местного самоуправления.

Читтам, написавший свою книгу более десяти лет назад, сегодня отчаянно провозглашает: «Глупость — единственная вещь, которая объединяет так называемых американцев». С тех пор не заметно, чтобы американцы поумнели. Угроза распада приблизилась к США вплотную. Но ведь то же самое мы, русские, можем с прискорбием сказать о себе! Первый распад страны нас ничему не научил. Поэтому второй распад не за горами.

Ярлык формального гражданства мало чего стоит. А глупость предопределяет будущее — общие страдания, которые вместе с глупцами придется перенести и умным футурологам, и ответственным гражданами, и наивным патриотам. Мы, русские, уже не можем переиграть проигранную гражданскую войну, в

которой мы отдали ранее завоеванные и освоенные территории. Отдали выращенным собственными руками этнократиям, дав опьянить себя зельем коммунизма и социалистическими иллюзиями. Мы уже не спасем 25 миллионов соотечественников, которых так и не научились считать «своими». Мы так много потеряли, что нынешнее поколение русских будет проклято потомками (если у нас вообще будут потомки). И единственное, чем мы можем оправдаться перед будущим, — не допустить второго витка гражданской войны, второго расчленения России, которое грозит нам не в меньшей степени, чем американцам грозит развал США. Межплеменную войну в России организуют бюрократия и либеральные СМИ.

Кто-то из русских читателей может позлорадствовать: Америку раздирают расовые конфликты, а в России такого быть не может. Это ложное утешение. Если русские согласились на расчленение своего народа и государства коммунистической этнобюрократией, то где те силы, которые остановят второе расчленение — силами бюрократии либеральной, глобалистской? Если в США расовый конфликт порождает надежды на расовую солидарность тех, против кого направлена расистская агрессия, то в России мы не видим ничего подобного. У нас «нет расизма», «нет расового конфликта». И даже этнический конфликт (прежде всего, русско-кавказский) не становится для русских надежным фактором самоидентификации и национальной солидарности. Нас, как и американцев, в последние годы плотно обволакивают патриотической риторикой, которая «прошита» либеральной догматикой. Тем самым настоящий патриотизм сковывается, и остается только лояльность к власти — во всем чуждой народу, во всем лживой и алчной. И совершенно не способной к тому, чтобы прогнозировать будущее нации и выбирать адекватные государственные стратегии. Мировой кризис, который на России сказывается самым фатальным образом, обещает народу жестокое разочарование в своей власти. Если это разочарование будет помножено на глупость, закрепленную в либеральных и социалистических догмах, то второе расчленение страны неизбежно. Наш дом будет вновь разрушен и разграблен.

Если мы не слышим набатных колоколов в собственной стране, быть может, мы услышим их из-за океана?

РАССКАЗЫ

ЧАСЫ С КУКУШКОЙ

Виктор смотрел в окно, точно не мог наглядеться на кусты сирени, на угол покосившегося сарая, на одряхлевшие яблоны, которые дотягивались листвой до окна и при слабом ветре шуршали по стеклу, оставляя на нем пыльные бороздки.

В комнате было тихо. Часы-ходики стояли. Вот уже с неделю как поломались, тусклый маятник покривился на сторону.

— Сколько сейчас времени? — Виктор машинально, по привычке, приподнял левый рукав пиджака, но часов на руке не было; он вспомнил, что продал их по дешевке в далеком уральском городе, потому что не хватало денег на билет.

— Остановились часики, — отозвался старик, — тикали-тикали, и капут им пришел. Жалко!

— Я тебе новые пришлю, электронные, — сказал Виктор, не отрывая взора от крапивы в палисаднике. — Это тебе не какие-нибудь ходики с кукушкой. Вставишь батарейку — и целый год будут шпарить без всякого завода.

— Я и без часов привык. — Старик равнодушно махнул рукой. —

ПРОЗА

По поездкам время определяю. Утром, в девять, елецкий идет, вечером, в шесть, — московский. Елецкий точно ходит, больше чем на полчаса не опаздывает. Ну а московский и час, и полтора может прихватить. Ему не прикажешь — столица!.. О, слышь, загудел? Елецкий... Значит, сейчас девять часов или около того. С часами, конечно, веселее было. Знай себе тикают. Ночью проснусь, слышу — стучат. Значит, и я пока живой... Перед тем как сломаться, попискивать стали, потрескивать. Хрипело что-то в ихнем нутре, железное сердечко постанывало. Ковырнул я колесико шилом — оно и хрястнуло... Без часов тихо, скучно, как при покойнике. Проснешься ночью и не знаешь — то ли живой, то ли уже в могиле. Тоска!..

— Естественное человеческое состояние, — наставительно произнес Виктор. — Человек — существо одинокое! Это еще из древней философии известно. Гиппократ, кажется, сказал или Петрарка.

— Где же ты философию изучал? — поинтересовался отец, улыбнулся. — Ты, помнится, восьмилетку с грехом пополам закончил.

— Я жизненные университеты прошел. Книжки кое-какие на досуге почитывал. Помню, в одной из них был вопрос: «Что такое человек — частица природы или бессмертная душа?»

Плохо выбритое, тронутое морщинами лицо Виктора излучало самодовольство. Дескать, и мы не лыком шиты, тоже кое-что знаем...

— Ну, батя, отвечай. Что же такое человек?

— Человек он и есть человек, ежели, конечно, он не скотина.

Старик протянул руку, взял графинчик с водкой, наполнил стаканы. На стекло попал солнечный луч, по комнате заиграли блики, яркими пятнами забегали по лицу старика. В маленькой комнате стало светлее, праздничнее. Утренние сумерки окончательно растаяли; виден был замызганный шкафчик для посуды, рукомойник, стоящий неподалеку от двери. В середине комнаты размещалась большая печь, занавешенная на лето куском пестрой материи. Над единственной, кое-как убранной кроватью висели в большой раме под стеклом многочисленные фотографии.

— Давай, сынок, еще по одной...

Они выпили, подошли к фотографиям. Филипп Иванович начал объяснять, где кто отснят, точно Виктор сам не знал.

— Вот ты, Витек, совсем кроха, на руках у матери, у покойницы. Маленький, прямо сверточек, одна мордашка торчит... А вот опять ты, на бревне с ребятишками сидишь. По-

мнишь, как звали ребят? Ну, то-то... Венька Голышев уже помер... Остальные, вроде тебя, разъехались по разным краям, работают где-то, ни слуху про них, ни духу... А на этой карточке ты вышел очень похожий. От горшка два вершка, а глаза разбойничьи, цыганистые! Так бы он вскочил, так бы и побежал из дома родительского...

Старик улыбнулся, погрозил на фотографию пальцем, словно забыл, что рядом стоит тот же самый, только взрослый, Виктор.

— А на этой карточке ты уже сурьезный. На боку сумка матерчатая — из школы пришел. Лицо усталое, лобик наморщенный. И неудивительно: до школы семь километров. Протопай-ка туда-сюда... А на этой карточке совсем большой. В ту пору, кажется, на тракторе подрабатывал.

— Помню, — кивнул головой Виктор, — областной фотограф снимал. Для газеты. Я в то время ударником был, меня часто фотографировали.

— Почему же не стал на тракторе работать?

— Не стал, и все тут. И не жалею. Поездил по белу свету, повидал много всего.

— Каждый из нас видел кое-что на этом свете. Что же тут удивительного? Тебе, сынок, и годков порядочно. Тридцать восемь лет — серьезный возраст для мужчины. За то время много делов можно наворочать. А ты семью оставил, сын у тебя, внук мой, Генка... Как они там — ни слухов, ни весточки...

— Генке уже шестнадцать, школу заканчивает. Галя, жена, давно замуж вышла... — Лицо Виктора как-то сморщилось, словно он собирался заплакать. Тем не менее он обернулся и снисходительно посмотрел на отца, положил ему на плечо руку. — А ведь ты старый, отец. — Большая рука Виктора дрогнула, опустилась. — Извини, сколько годков тебе стукнуло? Пожалуй, уже за семьдесят?

— Эх, Витя, Витя, — укоризненно покачал головой Филипп Иванович, — даже года мои забыл.

— Прости, отец, но, честное слово, запамятовал. Помню, что тебе больше семидесяти, а дальше память заклинило.

— Так вот знай: семьдесят восемь лет в прошлом месяце стукнуло.

— Ого! Дата! — Виктор оживился, потер ладони, начал кругами ходить вокруг стола, поглядывая на графинчик. — Был бы ты, отец, академиком или другой важной персоной, тебя бы с днем рождения через газеты поздравили, цветы бы прислали на дом.

— Цветы? Зачем они мне, старому?

— Так полагается.

— На кой дьявол эти цветы нужны?

— Не понимаешь, отец... Это как знак уважения, символ красоты, вечной молодости!.. А еще бы торт приволокли здоровенный, размером с этот стол.

— Неужто такой большой?! Рехнуться надо, чтобы такой выпекать. Кто же будет есть его? Засохнет, заплесневеет, придется поросенку отдавать. А хотя... Ежели пригласить всех деревенских ребятишек да чаю побольше наготовить, глядишь, пирог и разойдется.

— Темный ты, батя, человек, но, хотя ты не академик и не министр, я все равно люблю тебя больше всех!

Он заглянул в выцветшие отцовские глаза, вздохнул и вновь принялся расхаживать взад-вперед по комнате. Виктору было тесно в маленькой хате — он поглядывал то в окно, затемненное кустарниками, то на дверь.

— Ты в отпуск или как? — спросил отец.

— Сейчас я пока нигде не работаю, кризис, но большую денгу, в принципе, везде заколотить можно. Я тебя об одном деле хотел спросить...

— Кризис... Неужто сейчас никаких работ нету? — удивился Филипп Иванович. — Я думаю, рабочие везде требуются, только назовись... Или, может, у тебя специальности нету?

— У меня? Специальности?! — Перестав расхаживать, Виктор изумленно обернулся, затем оглядел себя, точно желая удостовериться, на месте ли у него руки и ноги. — Специальности... Да у меня их тысяча: я и электрик, и бульдозерист, и слесарь, и монтажник, и компрессорщик, и бетонщик, и сантехник. Я все могу! Нет такого дела, с которым я не мог бы справиться. Я — рабочий! Везде меня ждут, везде встречают с распростертыми объятиями. У меня права шофера второго класса! При всем этом я вольный как птица. Куда хочу, туда и еду, где хочу, там и работаю. Испытывал ли ты, отец, когда-нибудь радость такой полной свободы?

Филипп Иванович равнодушно пожал плечами.

— Великая вещь — воля! — продолжал Виктор. — Приходилось ли тебе летней ночью ехать на крыше товарного поезда? Когда стоишь на самом верху и, раскинув руки точно крылья, мчишься сквозь ночную тьму! Колеса стучат, вагон дрожит, качается; вот въезжаем на железный мост, перекинутый через глубокую пропасть, и колеса грохочут над речным пространством! Все стальное, мощное, звенит! И жизнь тоже кажется звонкой, радостной и огромной! Еду на какую-нибудь стройку по объявлению и новым человеком себя чувствую. Будто освобождаешься от всех старых грехов и становлюсь каким-то... ну, как бы это выразиться, гордым, что

ли... И хочется прожить свой век в полете, в мечте! Без всяких там баб, сплетен, вырезвителей... Вот наймусь к какому-нибудь миллионеру строить особняк, глядишь, и на автомобиль заработаю... Уф! Даже в горле пересохло от волнения. Кваску дай, отец!

— Нет кваса, только молоко... Скажи, Витя, какое дело тебе больше всего по душе? Чем нравится заниматься? Какую специальность одобряешь?

— Никакую. Все осточертели.

— Зря. Одно дело нужно выбирать. Чтобы не в тягость было. Да не мотаться по разным краям, а прибиваться к месту. Оставайся здесь, в деревне! А? Колхоза нет, но хозяин объявился, инквестор какой-то, мужикам-трактористам хорошие зарплаты назначил...

Виктор глядел в пол, узнавая на досках трещины и сучки, знакомые с детства.

— Знаешь, отец, я недавно подрался с одним подонком. В кафе дело было: лысый один хлебом вилку протирал... Да! Взял кусок и трет, трет вилку, очищает ее от пыли. Он трет, а я смотрю! Он мусолит хлебом об вилку, а я гляжу на это дело, и в груди у меня все закипает. Ну если бы он быстро протер, может, и обошлось... А он вилку вытер, за ложку принялся. Зашумело у меня в голове от такой подлости. Не мог я, бывший деревенский житель, стерпеть издевательства над хлебом. Здорово меня это заело, подхожу к нему... Крутой он или просто наголо стриженный, дьявол его знает... Подхожу, беру тарелку с картофельным пюре и — бац ему в рыло! Так и вцепил! Лысый-то со стула брыкнулся. Тут, разумеется, шум, гам. Меня скрутили — хулиган! В милицию потащили, пять суток дали. Улицу подметал.

— Мало, — сказал Филипп Иванович, — надо бы все пятнадцать.

— Я же за хлеб заступился! — растерянно пробормотал Виктор, ожидавший, что отец одобрит его поступок, — мне за это спасибо сказал один человек.

— Кто?

— Сержант милиции. Он говорит: «Я бы тебя совсем отпустил, да свидетелей много, а власти мало». Морщинистый такой сержант, добрый, раза два мне в камеру передачки носил. «Я, — говорит, — душой хлебороб, в город попал по случайности, и жизнь как-то мимоходом прошла-проехала». Мечтает после выхода на пенсию в деревне поселиться. Чудак!

— Отчего же? Хорошему человеку везде рады.

— Отец, ты мне вот что скажи: всю жизнь ты на ферме, летом в пастухах. Доволен ли ты такой жизнью? Ведь за все

годы ты не видел ничего нового, никаких богатств не накопил, дальше Ельца нигде не был.

— Почему? — Старик начал волноваться и сердиться. Я в Москву ездил с колхозной делегацией, Кремль видел, Ленина в Мавзолее, на ВДНХ побывал...

— Подумаешь, ВДНХ, я в Польше был и в Прибалтике, когда «челноком» работал... Я, батя, всю страну исколесил, сотни профессий сменил. Четырежды женат был!.. А сколько я всего знаю! Столько повидал всего, что если рассказать, — ни в одну энциклопедию не влезет.

— Что ж, сынок, я тебе не судья. Ты давно уже взрослый, сам за себя отвечаешь, у тебя виски уже белые... Тоже помаленьку стареешь, а про меня и говорить нечего — совсем старый стал. Но была бы сила в руках, выпорол бы! Зажал бы меж колен и выдрал.

Виктор засмеялся, укоризненно покачал головой:

— Ну, батя... Ты никогда не дрался.

Филипп Иванович подошел к окну, поглядел на обветшалый забор, на застарелые, сохнувшие кусты смородины.

— Оставайся, Витя, дома жить. Скучно мне одному.

— Отвык я от деревенской жизни, — ответил серьезно Виктор, потрогал рукой низкий провисший потолок. — Предложи мне сейчас копать землю или пасти корову — откажусь! Ни за какие деньги не соглашусь. А прикажи развалить стену, согнуть рельсу в бараний рог, построить дворец для олигарха — так это по мне, потому что я рабочий, специалист... Душно у тебя в хате, отворил бы окно.

— Не открывается, рама присохла.

В окно виднелась светлая, переливающаяся на солнце полоска. Маленькая речка Семенёк. Виктор, увидев ее, почувствовал неодолимое желание побежать к воде, как в детстве, на ходу раздеваясь, прыгнуть в воду прямо с крутого берега.

— Плянь, отец, — речка!..

— Ну и что? Течет себе, что ей делается.

— Любил я когда-то здесь плавать, плескаться. А в прошлом году я в Амуре купался.

— Сколько же дней погостить у меня думаешь?

— Не знаю... Я, вообще-то, по делу приехал. — Виктор нахмурился, взгляд его скользнул мимо реки, вдаль. — Видишь ли, я последние два месяца завскладом работал, и недостача у меня обнаружилась — пятьдесят тысяч, а заплатить нечем. Требуют погасить в срочном порядке. Хотел на новое место ехать, а меня не отпускают, судом грозят.

— Как же ты попал в завсклады? Ты всегда был рабочим человеком.

— А заведовать складом, по-твоему, не работа? Там мебели — море! Но погорел не на шкафах и креслах, а на импортных дверных замках.

— Неужто украли?

— Нет, если бы воры... Тогда бы на них всё и списали. До сих пор не могу понять, куда подевались пять ящиков с замками. По ведомости числятся пятьсот замков, а фактически их нет, словно испарились.

— Зачем полез не в свое дело? — Филипп Иванович в упор глядел на сына. — Ты в арифметике, помнится, всегда плоховат был. Эх, пустая голова! Что делать-то думаешь?

— Что делать... Не вешаться же из-за этих проклятых замков! Приехал вот к тебе... — Виктор шагнул к столу, потянулся к графинчику.

— Нет, хватит пить. — Старик шустро забежал вперед, схватил графин, отнес в шкаф. Прикрыв дверцы, задумчиво взялся за ручку самого нижнего ящика, робко приоткрыл его. — Есть у меня записка. Берегу на свои похороны. Как помру, придет сосед Василь Порфирыч, возьмет эти деньги и распорядится, как положено. Так у нас с ним договорено. Вот двадцать тысяч у меня тут..

Виктор обиженно взглянул на отца:

— А меня ты, наверное, и за родственника не считаешь? Почему какой-то Василь Порфирыч, а не твой единственный сын? Неужто я тебя не похороню?.. Слушай, отец, дай мне эти деньги, а я их тебе когда-нибудь верну.

— Откуда же ты их возьмешь, чтобы вернуть?

— Я?! — Виктор прижал ладонь к груди, изумленно огляделся по сторонам, как бы отыскивая свидетелей для подтверждения своих слов. — Да если я начну вкалывать, то... вообще!

— Велик ли твой заработок?

— О, господи, да я же сантехник! Захочу — и денег у меня будет как у дурака махорки. Не волнуйся, отец. Если вдруг помрешь, похороню, как положено, со всеми почестями. Я сказал, похороню, значит, похороню.

— Ладно, сынок, дам тебе денег. И с книжки завтра сыму всё, что есть, тыщ сорок пять тебе наберу... И тут, в шкапе... Аось, в случае чего, и колхоз похоронит, хотя теперь он не колхоз называется, а какое-то ООО. Гроб плотники сделают — они на это горазды. Василь Порфирыч самогонки выгонит. Так и обойдемся.

— Выше, батя, голову. Жизнь дается человеку для полета, как сказал один композитор, а ты все о смерти думаешь.

Филипп Иванович взглянул в окно, всплеснул руками:

— Опять петухи дерутся! Надо разнять. — Он выбежал, и слышно было, как во дворе кудахчут куры, недовольные тем, что хозяин разогнал их кавалеров.

Была у Виктора мечта — заработать побольше денег и приехать домой на собственной иномарке. Даже во сне видел легковую машину яркого, непременно апельсинового цвета. И не сбылось — со станции два километра топал пешком. Хотел появиться разодетым в пух и прах, а появился в поношенном свитере, купленном с рук в пивной. И когда приближался к родной деревне, шел не большаком, где все ходят, а пробирался к дому старыми полузабытыми тропинками.

В комнату вошел Филипп Иванович, вытер рукавом пот со лба.

«Ослабел старик, — подумал Виктор, — немного посуетился — и сразу устал».

Филипп Иванович подошел к шкафчику, выдвинул нижний ящик, достал пачку денег, перевязанную бечевкой.

— На... — сказал он, протягивая деньги сыну.

— Спасибо! — Виктор торопливо потянулся за свертком, зацепился за табурет, едва не упал. — Выручил ты меня, батя!.. Слушай, чем это пахнет, керосином, что ли?

— Да, — Филипп Иванович досадливо поморщился, — побежал разнимать петухов, споткнулся о керосинку, будь она неладна.

— Сгоришь ты когда-нибудь с этой керосинкой. Газ в дом пора проводить.

— Да я теперь уже не доживу до газа... Похоронишь меня, дом продашь, я его на тебя подписал...

— Ладно, отец, не горюй. Все будет о'кей!

Филипп Иванович задумчиво глядел на повеселевшего сына.

— Давай, Витя, я тебе рукав зашью, а то дырка в свитере.

— Неужто порвался? Вот те на! Недавно купил, а уже нитки из него лезут. — Виктор поддернул рукав свитера и убедился, что прореха существует. — Когда я работал на приисках, у меня было семь костюмов, красную икру ложками ел...

Отец достал катушку ниток, поржавевшую иголку:

— Вдень, сынок, нитку.

— Знаешь, батя, за что я тебя люблю? — Виктор положил пачку денег на стол, взволнованной, слегка подрагивающей рукой взял у отца иголку. — За то, что ты добрый, за то, что во всех делах настоящий труженик. Небось, на Доске почета и твой портрет висит?

— Висел, а теперича Доски почета у нас нет — капиталистические времена настали!

— А мое фото никогда на Досках почета не висело. И не потому, что я плохо вкалываю, а из-за того, что непостоянный работник. Между прочим, я вот что заметил: чем больше живет человек на свете, тем сильнее хочется ему почета и внимания. Уважения он требует. Хочется быть заслуженным, авторитетным! Да и медалька какая-нибудь не помешает...

Виктор надел свитер, и они с отцом вышли на улицу, потому что в комнате сидеть надоело, захотелось подышать свежим воздухом.

На улице было хорошо, не очень жарко. Лето набирало силу. Пахло молодой травой, смородиной, цветущей липой. Сели на лавочку под березой. Дерево было большое, с толстым стволом. Длинные ветки шелестели, убаюкивали.

— А береза-то старая стала! — сказал задумчиво Виктор, потрогал корявый ствол. — Верхние сучья засыхают... Это ведь моя береза.

— Твоя. Как ты родился, так я и посадил. Когда маленькая была, поливал. Один раз теленок ее затоптал, обгрыз, но ничего — поднялась, большая выросла.

— Неужто и эту березу спилят когда-нибудь на дрова? — Виктор с тоской глянул вверх, обнял ствол обеими руками.

— Зачем об этом думать, сынок? Эта береза будет жить еще долго.

Но Виктор размышлял уже о другом: куда можно будет податься после того, как он рассчитается с долгами.

Ночью Виктор никак не мог заснуть, то и дело выходил на улицу, сидел на лавочке, смотрел на звезды, вздыхал. Думал о разном, но почему-то было горько от посещения родного дома.

Отец его в это время крепко спал на лавке, укрывшись овчинным тулупом, сохранившимся с давних его пастушеских времен.

ЗМЕЙ-ИСКУСИТЕЛЬ

— Коль! А Коль! — раздается в гулкой комнате звонкий мальчишеский голос. В приоткрытую дверь робко заглядывает соседский мальчик Женька. На голове у него самодельная шапка из газеты, пуговицы на рубашке расстегнуты.

— Какой он тебе Коля? — выходит из-за кухонной перегородки Валентина, жена тракториста Николая Курбатова. В руке у нее мокрая блестящая тарелка, через локоть перекинута полотенце. — Никакой он тебе не Коля, а Николай Тихонович. Ясно? Тоже мне — ровесника нашел!

Валентина не сердится. Она работает в сельсовете бухгалтером и привыкла разговаривать с посетителями спокойно и уве-

ренно. Ее рабочий день кончился в пять вечера. Полчаса назад она не спеша шла домой в синем модном платье, а теперь наде- ла халат и сразу у нее появилась уйма дел: надо отнести поро- сенку месиво, посыпать зерна курам, приготовить ужин.

Женькина голова исчезает, потом вновь появляется.

— Ну а Николай Тихонович? Где он? Обещал змея сделать.

— Какого еще змея? — отмахивается Валентина. — Только ему и делов, что с тобой возиться.

— Змея надо сделать, который летает. Из бумаги. С неделю Колька обещает и все никак: то некогда, то уморился.

— Нет его. С работы еще не приходил. А ну, посторонись, я месиво несу, запачкаю... Николай свеклу культивирует, и дома дел по горло, а ты с какой-то ерундой... Веранду никак не доделает, перегородку в сарае надо чинить... Змея! Только этого ему недоставало... Иди, иди, Женя, бегай с ребятами, а Николай тебе не товарищ!

Женька выходит через сени на веранду, в которой нет кры- ши и стекол в рамах. Некоторое время он размышляет. Кар- маны его оттопыриваются от катушек с нитками. За пазу- хой, холодя кожу, перекачивается пузырек с клеем. В левой руке он держит тонкие деревянные планочки — для каркаса будущего змея.

Женька идет на выгон, куда с разных сторон выходят че- тыре дороги. Здесь он будет поджидать Николая.

«Дурак, что не спросил, где он пашет, — ругает себя Жень- ка, — а то сбегал бы к нему в поле, он бы не прогнал».

Ждать пришлось недолго. Около семи часов на вечернюю улицу усталой походкой вышел невысокий курносый парень в замасленной кепке.

— Колька! — кинулся ему навстречу Женька. — Я дранку нашел! Вот такая, смотри! Пойдет?

Николай взял черными, грязными руками одну палочку, молча подбросил ее на ладони, определяя вес.

— Тяжеловата... Не пойдет. Я тебе что говорил? Забыл? От старой фанеры отдирай дранку, от фанеры! А ты, наверное, возле стройки подобрал?

Женька огорченно закусил губу.

— Ладно, — успокаивает Николай, — я знаю, здесь в од- ном месте можно отломить... Пойдем.

Не доходя до дома, они заворачивают к соседскому сараю и отдирают несколько легких планочек от рассохшегося куска фанеры, прибитого к стене. Затем присаживаются на выгоне.

— Покажу, как делать, и пойду, — говорил Николай, огля- дываясь на дом. — Запомянай, как вязать каркас. Давай нитки...

На пороге недостроенной веранды показалась Валентина.
— Коля! — кричит она. — Что ты там делаешь? Иди ужинать!
— А, погоди ты... Сейчас приду, — отмахивается Николай.
— Что ты возишься с разной мелкотой? — не унимается жена. — Иди веранду делай.

— Веранду, веранду... Успеется! — бормочет Николай, отмахиваясь рукой как от мухи.

Женька на всякий случай пытается укрыться за широкой спиной Николая, но Валентина видит его рыжий вихор.

— Ну, погоди! — грозит она Женьке пальцем. — Приди еще, шалопаи. Я тебя крапивой угощу...

Постояв на пороге, она уходит в дом.

— Дела, дела, — ворчит Николай, доставая из кармана мятую сигарету, — этим делам ни конца, ни края нет. Дышать человеку некогда. Веранда, забор... Тьфу.. И вы, пацаны, тоже мне!.. Змея сделать не можете! — Некоторое время он сосредоточенно работает, связывая нитками каркас. — Клей, бумага есть? — спрашивает он. — Отлично. Запоминай... Клеим бумагу, делаем поводок из трех нитей: одна от середины, две по бокам...

Валентина пьет чай, смотрит на них в окно. «Колька ну прямо как маленький, — думает она. — Хоть бы поел, а уж потом возился бы».

Змей готов. Николай торопится: хочется скорее запустить.

— Главное хвост! — поучает он Женьку. — Нужно, чтобы он был и не легкий и не тяжелый, и не длинный и не короткий, а такой, какой надо.

Постепенно к ним собираются ребяташки. Их уже человек десять. Они окружили Женьку и Николая, прилаживающего хвост. Некоторые мальчишки пытаются давать советы, но Николай сердито их обрывает.

— Что ж сам-то не сделал, умелец? — ехидно спрашивает он непрошеного советчика. — Что, слабо?

На пороге вновь показывается Валентина.

— Коль, пойдем стиральную машинку принесем из сеней. Стирать буду.

— Погоди, сейчас начнем запускать!

— Без тебя запустят.

— Как без меня?.. Да я быстро, Валь, ну что ты в самом деле? Ну, десять минут, не больше!

Валентина со злостью отшвыривает в сторону тряпку, которую держит в руке, и уходит, хлопнув дверью так, что звук раскатывается по всему выгону.

Николай, послунявив палец, поднимает его вверх, определяя направление ветра.

— Эх, слабоват ветер! — сокрушенно говорит он, глядя на покачивающиеся верхушки деревьев. — Ну, ничего, хвост облегчим, может, и взлетит... Женька, держи змея, а я буду тянуть за нитку... Ну, побежали... Бросай! Бросай же!

Николай бежит. Ноги его в тяжелых, пахнущих соляной сапогах гремят по земле, спотыкаются в колдобинах.

Змей медленно ползет вверх, вяло помахивает хвостом. За ним бегут ребяташки.

— Упадет! Упадет! — кричат они.

Николай и сам понимает, что змей не поднимется, однако, стиснув зубы, упрямо бежит через выгон. От небольшого домика, почти не видного за деревьями, отделяется худощавая фигура колхозного учетчика Малахина. Лысая голова его задрана вверх — он смотрит на опускающегося змея.

На Малахине старые синие галифе, выцветшая майка и калоши на босу ногу. На глазах очки с пыльными стеклами: учетчик тоже только что вернулся с поля.

— Хвост! Хвост! — шумит он, размахивая худыми жилистыми руками. — Хвост укоротите — тяжелый хвост!

Змей опустился. Николай хмуро взглянул на Малахина.

— Сам знаю, — сказал он. — Женька, оторви кусок хвоста.

— Еще, еще рви! — командует Малахин. — Ишь, повешали сто пудов!

— Ты меня не учи! — раздраженно ворчит Николай. — Я этих змеев, знаешь, сколько переделал? На десять катушек запускали...

— А я? Я, думаешь, меньше? — возмущается Малахин. — Каких только не делал: и «попиков», и простых, и фигурных... Да еще раскрашивал, бывало.

Николай морщит лоб, пытаясь на глазок прикинуть длину хвоста.

— Тут не запустим, — деловито чешет затылок Малахин. — И думать нечего. Ветер слаб. Надо идти за деревню. На Яркин бугор. Мы, бывалча, там пускали. Там всегда дует. Особенно, ежели с севера. На бугре ветер всегда натужный, плотный...

— Пойдем. На Яркин бугор так на Яркин бугор, — скрепя сердце, соглашается Николай. Ему не хочется, чтобы запуском змея распорядился Малахин.

Пошли за околицу деревни. В пути к ним присоединились еще несколько мальчишек. Николай нес змея, Женька подерживал хвост, волочащийся по земле. Малахин шел рядом. Он разглядывал устройство змея и бормотал себе под нос, замечая в конструкции змея недостатки.

— Однако, этот змей полетит, — шевелил он толстыми губами, — как ни грубо сделан, а полетит.

Женька поддерживал тряпичный хвост и гордо поглядывал вокруг — это он затеял такую кутерьму.

Раздался треск. Семилетний Эдик, ехавший на взрослом велосипеде под рамку, нечаянно наехал колесом на хвост змея и оторвал его.

— Ты что? — завопил Малахин так, словно ему поездом отдавили ногу. — Ослеп, что ли? Щас как шугану, загремишь отсюда вместе с лисапетом!

Испуганный Эдик ненадолго приотстал.

— Ничего, дело поправимое, — успокоил его Николай. — Сейчас привяжем.

Вскоре процессия вышла на Яркин бугор, где дул ровный, свежий ветер.

— Во! Здесь пойдет! — блестя глазами, воскликнул Малахин, подставляя лицо ветру.

Он отобрал у Николая катушку с нитками и, размотав ее, отошел метров на двадцать вперед.

— Здесь-то, конечно, полетит, — поддакнул Николай, направляя змею хвост. — Здесь обязательно.

— Ну что мне, бечь? — азартно спросил Малахин. — Ты готов?

— Давай! — выдохнул Николай.

И оба побежали по кочковатому лугу.

— Отпускай! — хрипло скомандовал Малахин.

Он спотыкался на кочках и одну за другой потерял обе свои калоши. Оставшись босым, Малахин побежал с неестественной для его возраста быстротой.

Николай тоже бежал в куче ребятни. Задрав голову вверх, он следил за змеем.

— Скорость, скорость прибавь! — громко, как в рупор, кричал он Малахину. — Ага! Пошел! Идет! Идет, собака!

Змей медленно, но верно набирал высоту. Вот он попал в поток ветра, на мгновение остановился, крутнул хвостом, дернул нить и плавно пошел ввысь.

Николай, засмотревшись на него, упал. Но никто не засмеялся, да и сам он не придал этому значения. Машинально изругавшись, Николай встал и помчался дальше, обгоняя мальчишек.

Босой Малахин, широко расставив ноги в галифе, стоял на холодной, росистой траве. Лицо его словно окаменело. Остатки волос на голове встали дыбом. В жилистом большом кулаке он держал катушку и, не спеша, отпускал нить.

— Колька! Нитки какие? — спросил он, не отрывая глаз от змея.

— Десятка.

— Сам вижу, что десятка. Новые они или старые? В нашем сельмаге и гнилых могут подсунуть.

— Не знаю. Женькины нитки. Сейчас спрошу.

— Ладно, чего там, давай вторую катушку... Ух, пошел, чертяка, ты смотри!

Змей круто поднимался. В закатных лучах солнца он ярко светился, лениво пошевеливал хвостом.

— Молодец, Колюха! Хороший змей сделал! — похвалил Малахин.

— Да ну, вы уж скажете, Иван Иванович... Все кое-как, на прилепочках, — смущенно отозвался Николай. — Я уж думал, и не полетит... Женька попросил — я и сделал. Спешил... А так мне сегодня веранду доделывать, забор...

— Все-таки хвост длиннее надо бы, — заметил Малахин. — Ишь, как мотает его! Во-во! Опять повело.

— Это ветер нынче такой чудной, — ответил Николай, — то нет его совсем, а то как закрутит... Дай поддержку, Иван Иванович, а ты покури...

— На, только не упусти.

— Да ну. Что я — маленький?

Змея запустили на шесть катушек. Эдик на велосипеде ездил смотреть, где он стоит. Змей стоял над другим краем обширного поля. Нитку по очереди держали ребяташки. У самого маленького мальчика катушка вырвалась из рук, и Николай догонял ее. Догнал, а то бы упал змей.

Потом Николай и Малахин сидели на траве, курили.

— Пора мне идти, — вздохнул Николай, вспомнив о Валентине, — веранду надо делать, будь она неладна. Успею сейчас несколько досок обстругать — пусть жена успокоится.

— И мне надо курей заперать. Небось уж на нашест сели... — Малахин печально оглянулся в сторону своего дома, где жил совершенно одиноким.

Оба встали и пошли.

В сумеречном небе далекой точкой висел змей.

КОТ НАШЕЛСЯ

Загрели миски, кастрюли, жалобно звякнул алюминиевый половник. В тишине выстуженной комнаты эти звуки показались спящему адским грохотом.

Тимофей Павлович откинул одеяло, сонно жмурясь, осмотрел комнату. В полутьме он разглядел единственное живое существо — кота. Пушистый и толстый, он виновато глядел на хозяина. Зеленые глазищи его не моргали.

— Паразит. Замучил, гад! — пробурчал Тимофей Павлович. Он решил, что сейчас встанет и примется за дела по хозяйству. Потом, вспомнив про безобразника кота, тихо выругался, перегнулся набок, поднял с пола валенок и слабой, размякшей со сна рукой, швырнул его в сторону печки. Валенок упал на стол, смахнул пару стаканов и лег поверх миски квашеной капусты.

Тимофей Павлович, увидев это, застонал и вновь укрылся с головой. Он с осени не вставил в окна вторые рамы и теперь замерзал по утрам. В это время его охватывала тоска одиночества. Обычно она приходила к нему длинными вечерами, а теперь стала беспокоить в начале дня — когда человек должен просыпаться бодрым.

Он заворочался, стараясь заткнуть отдушины между одеялом и матрацем, из которых шли струйки холодного воздуха. Тимофею Павловичу казалось, что он не только защищается от холода, но и закрывается от пустой комнаты.

У койки, подняв хвост трубой и мурлыкая, расхаживал кот. Он давно хотел есть и приглашал хозяина подниматься. Кот негромко хриловато мяукал, словно извиняясь за шум и кавардак.

— Что, морда? Лапки отмерзли? — спросил Тимофей Павлович, высовывая голову из-под одеяла.

Кот жалобно и беззвучно приоткрыл красный рот, как бы подтверждая его слова.

— Прыгай сюда, бедолага. Авось согреемся, — пожалел его Тимофей Павлович.

Кот вспрыгнул на одеяло и, приминая его своей тяжестью, пошел по груди хозяина, словно по узкому островку.

— Ах ты, бродяга! — ласково произнес Тимофей Павлович, поглаживая кота за ушами. — Опять безобразничаешь... Сейчас встанем, печку затопим, будем греть завтрак.

Кот вопросительно моргал, хитро щурил глаза, делая вид, что понимает хозяина.

— Тяжелый ты, брат, и толстый. Кормлю тебя от всей души, а пользы ни на грамм. Шельмец ты и ворюга. Норовишь съестное украсть, мышей не ловишь... Ну что мне с тобой делать?

Полежав немного с котом, примостившимся поверх одеяла, Тимофей Павлович встал. На часах была половина седьмого. Он зябко передернул плечами — за ночь комната сильно выстыла. Накинув на постель одеяло, кряхтя, оделся, взял половинку сломанной гребенки, подошел к зеркалу. Из деревянной рамы с отшелушившейся рамой на него удивленно глядел мужчина лет пятидесяти, с большим сизым носом, с

ранними морщинами на лице, с наполовину лысым черепом. Бесцветные водянистые глаза его жалобно моргали, наполняясь грустью.

— Неужели это я? — тоскливо произнес он.

Умывшись и наскоро поскоблив седоватую щетину бритвой, он занялся уборкой: притер на полу щип, разлитые котом.

— Ишь, ты, паразит, — усмехнулся Тимофей Павлович, когда управился, — хотел раньше меня щец похлебать. Лишаю тебя, негодяй, за этот поступок премии — не получишь куска колбасы, который покупаю тебе с каждой получки. И, кроме того, сегодня весь день не дам жрать.

Впрочем, такая кара показалась Тимофею Павловичу слишком суровой, и он мысленно отменил ее.

На завтрак он поел немного мяса, до которого кот этой ночью безуспешно добирался, попил чаю. Пока хозяин ел, кот прыгал возле ног, мяукал и просил свою долю. Тимофей Павлович отрезал мясо небольшими кусками и швырял ему на пол. Кот ел быстро, и, казалось, никогда не наестся. Если бы положить на весы съеденное котом и хозяином, то оказалось бы, что кот съел больше тщедушного Тимофея Павловича.

В печке горели дрова. Они краснелись, пылали жаром. Можно было засыпать уголь. Возле печки грелся позавтракавший кот. Глаза его довольно жмурились, в гладкой шерсти отражались отблески пламени.

— Ну, кот, сиди дома, а я пошел на работу, — сказал Тимофей Павлович. — И не открывай лапой дверь, а то опять выстудишь комнату.

Выйдя в сени, он постоял, подумал и подпер дверную ручку лопатой.

Подергал — дверь была закрыта надежно.

Начинался бледный январский рассвет. За ночь на тропинки нанесло вязкого, сыпучего, как песок, снега. Пока Тимофей Павлович дошел до райпо, где работал грузчиком, уморился месить валенками снежное крошево.

Вот уже пятый год Тимофей Павлович живет один. Когда-то он здорово запивал и жена от него ушла — уехала на родину, в Смоленскую область. Взяла с собой и сына, которому было тогда тринадцать лет. «Посмотреть бы, какой он теперь, — думает Тимофей Павлович, — наверное, уже взрослый?»

Тимофей Павлович никогда не забудет того дня, когда месяца три назад они с мужиками выпивали в темной кладовой. В тот момент, когда Тимофей Павлович подносил ко рту стакан с водкой, в дверях, заслонив свет, возникла длинная фигура паренька.

— Что надо? — прикрикнул на него Тимофей Павлович. — А ну, мотай отсюда!

Парень ушел, компания спокойно допила бутылку, но в ту же ночь Тимофей Павлович проснулся, разбуженный пронзительной мыслью: «А вдруг это сынок был, Гена? Я, дурак, прогнал его — надо бы рассмотреть, расспросить...»

Теперь Тимофей Павлович жил с затаенным злом на себя и со смутной радостью оттого, что где-то живет сын. Хорошо, если бы он увидел отца, запомнил его угловатую фигуру, морщины возле поблекших глаз.

Возвращаясь вечерами с работы, Тимофей Павлович идет по освещенной фонарями улице. Окна горят желтыми огнями, манят к себе уютом разноцветных штор, голубым мерцанием телевизионных экранов. И только дом Тимофея Павловича холоден и пуст. Свет зимней луны отражается от темных заледенелых стекол, ни огонька внутри. Одному скучно жить в таком доме. Телевизор сломался, а сдавать в починку рано, еще получку не давали... Только кот и остался у него. Маленькое животное, а все утешение. Есть на кого поругаться, с кем поговорить, на кого прикрикнуть или, наоборот, приласкать. Приятно сознавать, что рядом живет мелкая тварь, которая тебя любит, для которой ты лучше всех.

Думая об этом, Тимофей Павлович горько усмехается, сокрушенно качает головой.

Однажды, вернувшись с работы, он не увидел бегущего навстречу кота, которому так и не удалось дать кличку — просто Кот... Никто в этот вечер не мяукал, не просил есть.

«Ушел куда-нибудь, — подумал Тимофей Павлович, — небось по соседским кладовкам шарит, воруя».

Но кота не было ни на второй, ни на третий день, ни к концу недели.

— Убили! — горестно решил Тимофей Павлович. — Бедный мой кот. Жирный, неуклюжий, доверчивый. Приняли его за бродячего, да и подстрелили. Ах, черт, вот ведь жизнь какая! Когда есть кто-нибудь рядом, то и ладно, вроде так и надо. А как исчезнет существо — тут и начинаешь думать о нем и горевать. Вот и кот — я даже имени ему не дал, все паразитом звал.

Тимофей Павлович сварил в этот вечер большой кусок мяса, надеясь, что кот все-таки вернется, но он не пришел, а одному есть не хотелось. Тимофей Павлович ощущал, что устал сегодня сверх меры, во всем теле была слабость.

Его одиночество развеял сосед, здоровенный малый по фамилии Сундукин, тоже грузчик, с которым они вместе работали. Гость принес четвертинку водки и привычно расселся на табурете.

— Грустишь, Палыч? — обратился он к хозяину.

— Да так, что-то нет настроения. И кот куда-то запропастился...

— Пропал, ну и слава богу. Радоваться должен. Обжора был и лентяй.

— Жалко все равно.

— Да полно тебе, Палыч! — Сундукин шелкнул пальцем по четвертинке. — Достань лучше чем загрызнуть.

Тимофей Павлович сполоснул два больших граненых стакана, вынул из стола пару луковиц и полбуханки хлеба, положил на сковороду весь кусок мяса, от которого исходил наваристый дух.

— С таким закусоном не пришлось бы за второй чекушкой бежать, — посмотрел на хозяина Сундукин.

— Нет, Коля, не надо... Выпью с тобой из уважения, мне сегодня ничего не хочется. Всего меня словно разламывает...

— Ерунда, пройдет, — бодрым голосом отозвался Сундукин, поднимая свой стакан, — сейчас малость подлечимся. А насчет кота не волнуйся, я тебе, если хочешь, кошку принесу. Они, кошки, шустрые, мышей ловят, польза от них... Ну, поехали...

Выпив, Тимофей Павлович поморщился, брезгливо передернул плечами — после всех невзгод, свалившихся на него, он решил совсем бросить пить, но все иногда выпивал — помалу и неохотно.

— Нет, Коля, мне мой кот нужен, — вздохнул Тимофей Павлович, и, поставив на стол опорожненный стакан, закусьвать не спешил. — Привык я к нему. Пусто без него в доме, спасибо, хоть ты пришел.

Сидели около часа, а разговор не клеился. Сундукин порывался сбегать еще за одной четвертинкой, Тимофей Павлович все время останавливал его.

С каждой минутой Тимофея Павловича все сильнее одолевали озноб и усталость. Тянуло полежать.

— Коля, что-то знобит меня, я, пожалуй, полежу, — сказал он Сундукину, который монотонно рассказывал, как недавно поругался с товароведом Нинкой.

— А? — отвлекся от рассказа Сундукин. — Ну ладно, отдохай, Палыч. Ты, знать, простыл вчера, когда мы вагон с консервами разгружали. Помнишь, ты разгорячился от работы и разделся? А я все говорил, одень фуфайку, одень — этакий сквознячище! Не послушался... Ну, полежи. Глядишь, и полегчает.

Сундукин ушел. Тимофей Павлович лег на койку. Сердце глухо шумело, суставы ломили. От выпитых сто граммов сохло в горле, по телу ходил озноб.

За окном бушевал ветер, острые снежинки били по стеклам. Из плохо промазанных щелей в рамах шли волны холодного воздуха. Они выстукали избу, касались лица Тимофея Павловича.

На улице мелькнула голубая вспышка — где-то соприкоснулись высоковольтные провода, и свет в доме погас.

«Пропал совсем кот!» — думал Тимофей Павлович. Он представил, как окоченевшее тельце кота заносит снежной крупой, и сам замерз еще сильнее. Но вскоре забылся и очнулся в полночь от холода и от жажды. Встать Тимофей Павлович не мог — силы покинули его. Он приоткрыл глаза, тяжело повернул голову. Ему почудилось, что за неприбранным столом в слабом ночном свете он видит большую фигуру Сундукина.

— Сундукин, Коля! Дай пить... — слабо позвал Тимофей Павлович.

Напрягшись так, что зазвенело в голове, он приподнялся, и увидел, что в комнате никого нет. С тихим стоном Тимофей Павлович упал на подушку и заснул.

Рано утром за ним зашел Сундукин, чтобы вместе пойти на работу.

Сундукина удивил холод в комнате. Выдыхаемый воздух казался густым паром. Сундукин поежился, приблизился к Тимофею Павловичу, лежащему на постели в одежде, испуганно приложил руку к его лбу. Тимофей Павлович был в жару и слабо дышал.

«Плохо дело!» — подумал Сундукин и, не мешкая, отправился в больницу.

Вскоре к дому подъехала «Скорая помощь», и женщина-фельдшер, осмотрев Тимофея Павловича, обнаружила у него воспаление легких.

— Кто родственники? — спросила она.

— Нет родственников, — ответил Сундукин, — а вообще-то я сосед.

— Придется забрать больного с собой, — пояснила женщина, — положим в стационар.

Сундукин неопределенно пожал плечами: вам, мол, виднее.

Тимофея Павловича увезли, а Сундукин, замыкая дом, дернул своей ручищей и оторвал чопку. Он вначале расстроился, хотел идти домой за гвоздями и молотком, потом приткнул замок кое-как — лишь бы висел для виду. «Кто сюда полезет?» — решил он.

Тимофей Павлович выздоравливал тяжело. Однако через две недели начал уже вставать с постели. Как раз в это время его пришел навестить Сундукин. Тимофей Павлович, бледный, в длинном больничном халате, несказанно обрадовался приходу товарища.

— Коля! Здравствуй! — Он бледной, чуть дрожащей рукой пожал красную с мороза руку Сундукина. — Как дела, как ребята?

— Ничего, работаем. Привет тебе передавали. Очень хотели тебя проведать, но не пускали — ты еще слабый был. Сегодня я позвонил — оказывается, ты уже ходишь! Завтра с мужиками зайдем... В первый день, когда ты заболел и был совсем плох, мы всей бригадой зашли сюда после работы. Вызываем врача и говорим — так, мол, и так: у нас товарищ в тяжелом состоянии, может, кровь нужна? А врач отвечает, что не нужно никакой крови, так, дескать, вылечим... Да, чуть не забыл, — держу в руках и не отдам — вот гостинцы тебе...

Сундукин передал Тимофею Павловичу пакет, в котором стояли бутылки с лимонадом и молоком, банки с домашним вареньем, пачки печенья и шоколад, апельсины и яблоки.

— Спасибо, Коля, спасибо товарищам. Я без вас скучаю.

— А у меня сюрприз для тебя, Палыч. Хочу удивить...

Тимофей Павлович только сейчас обратил внимание, что телогрейка на груди Сундукина оттопыривается. Сундукин весело подмигнул и расстегнул пуговицу. В образовавшуюся отдушину тотчас выглянула лохматая кошачья голова.

— Кот?! Нашелся, паразит! — радостно воскликнул Тимофей Павлович. — Где отыскал, Коля?

— Около дома бродил, сам заявился. Нынче иду с работы, слышу, кто-то мяучит, да так жалостливо. Ну, я и подобрал его. Пойдем, говорю, хозяина проведем.

— Ах ты, кот мой, котофей, — ласково приговаривал Тимофей Павлович, глядя его за ушами. — Плохо тебе, небось, без меня было? Я и вижу — похудел.

Кот, узнавая костлявые руки хозяина, довольно урчал, жмурил зеленые глаза.

Свидание друзей прекратила сердитая нянечка. Она сказала, что находиться в больничной палате с животными, а тем более с кошками, нельзя.

БОМЖАРА

РАССКАЗ

I

Убийство произошло как-то буднично, даже вроде привычно, будто ничего и не произошло. Накрапывал мелкий дождик, от которого никто не прятался, ковырялись в песочнице дети, на разболтанной скамейке сидели присматривающие за ними старушки, по соседней дороге, сразу за домом, проносились с шинным шорохом машины. Приближался вечер, и окна уже отблескивали красноватым закатом.

Подъехал на своем «Форде» Федя Агапов с третьего этажа — стремительный, поджарый, вечно куда-то опаздывающий. Бросив за собой дверцу машины, он на ходу, не останавливаясь, махнул старушкам рукой и быстро прошел к своему подъезду, взбежал по ступенькам. Кстати, с этих ступенек старушек уже не было видно, их закрывал обломанный кустарник. Так вот, в тот самый момент, когда Агапов уже готов был рвануть дверь на себя, его окликнул непонятно откуда возникший человек в легком коротковатом плаще.

ПРОЗА

— А, это ты, — проговорил Агапов и, отпустив дверь, шагнул со ступенек навстречу этому человеку.

— Неужели узнал? — спросил тот.

— Как не узнать...

— Тогда все в порядке. — И, откинув полу плаща, убийца поднял руку с пистолетом. Кармана в плаще не было, была только щель для кармана, поэтому ему легко было стрелять из пистолета с глушителем. Убийца выстрелил трижды и ни разу не промахнулся. Да и невозможно было промахнуться с двух метров — Агапов уже шел ему навстречу, протянув для приветствия руку.

Упал он молча, прямо на ступеньки, на ступеньках и замер. Выстрелов никто не слышал, раздалось лишь сухие щелчки, которые можно было принять за что угодно — кто-то, может быть, палкой по забору ударил или бутылку из окна выбросил, на пластмассовый стакан наступил... Убийца быстро прошел мимо крыльца, свернул за угол, не оборачиваясь, проскользнул сквозь редкий кустарник и, оказавшись на дороге у машины, тут же отъехал.

И все.

Жизнь продолжалась — ковырялись в песке дети, неспешно судачили старушки, где-то в глубине двора колотили по столу доминошники — и за удары костяшек по фанере можно было принять почти неслышные выстрелы.

Капитан Зайцев сидел на деревянной скамейке, выкрашенной в синий цвет, и с тоской смотрел на ступеньки, на которых совсем недавно лежал несчастный Агапов. Труп сфотографировали и увезли, оперативники обшарили двор, нашли все три гильзы. Но радости от этого было мало — гильзы могли заговорить, когда будет найден пистолет, задержан убийца...

— Угости сигаретой, капитан, — услышал Зайцев. Механически достав пачку из кармана, он встряхнул ее и протянул человеку, который опустился на скамейку рядом с ним.

— Кури, — сказал он и только после этого посмотрел, кого угощает. И тут же невольно отодвинулся. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять — рядом расположился не просто бомж, а самый настоящий бомжара. Седовато-рыжая щетина, подбитый глаз, ботинки без шнурков на босу ногу, рубашка без воротника, затертый пиджак с коротковатыми рукавами.

— Спасибо, капитан, — невозмутимо проговорил бомжара и потянулся сигареткой к зайцевской, чтобы прикурить. Капитан вынул зажигалку и молча протянул бомжу. Тот

спокойно взял зажигалку, не торопясь, прикурил. Жест капитана, который, сам того не заметив, отшатнулся от бомжа, похоже, того нисколько не задел.

— Что старушки?

— Какие старушки? — не понял Зайцев.

— С которыми ты так долго и проникновенно беседовал... У песочницы. Видели что-нибудь?

— Ни фиги они не видели и не слышали, — в сердцах сказал Зайцев, и тут же спохватился: а чего это он рассказывает следственные подробности? — А вы, собственно, кто?

— Ваня.

— Что значит — Ваня?

— Этого достаточно. Меня все здесь знают как Ваню.

— А отчество? Фамилия? — требовательно спросил Зайцев.

— Да ладно тебе... Живу я здесь. В подвале. Иногда на поверхность поднимаюсь... Случается, сигареткой добрый человек угостит, вот как ты, например. Из невидимок я.

— Надо же!

— Есть, капитан, люди-невидимки, не сомневайся. Тебе бы с ними поговорить.

— Как же я с ними поговорю, если они невидимки? — Зайцева начал забавлять этот разговор.

— Я вот невидимка. — Ваня взмахнул рукой и замер в позе, в которой обычно изображают греческих богов — величественность и утомленность от бестолковости человечества. — Вроде я есть, а вроде меня и нет. Вон в тех кустах между гаражами у меня подстилка. Дневная. А ночью я в подвал спускаюсь. Пока меня здесь терпят. Почтальон опять же...

— Что почтальон? — с легким раздражением спросил Зайцев.

— Невидимка. Вот прошел он по двору, заглянул в каждый подъезд, а никто его не видел... Почтальон. — И бомж опять замер, вскинув правую руку чуть вверх и назад, точь-в-точь, как это делали когда-то греческие боги. — Возьми дворника... Он на глазах у всего дома. Приходит, уходит, исполняет какие-то свои обязанности — другими словами, пользу приносит. Но его никто не видит, в упор не видит. Мы вроде как урны, мусорные ящики... Он на машине уехал.

— Кто? — резко повернулся Зайцев к бомжу, чутко уловив в его последних словах тот смысл, который ему был нужен.

— Убийца.

— Так, — крикнул Зайцев.

— Парик чуть не потерял. Так что длинноволосого тебе искать не надо. Пустое.

— Не понял!

— Когда он через кусты проходил, руку на голове держал... Боялся, что парик веткой сорвет.

— Так. Да ты, я смотрю...

— Дождь тогда шел, — перебил бомж невозмутимо. — Со-
всем небольшой дождь. Даже зонтик не было надобности рас-
крывать.

— А одет? Во что он был одет?

— Неважно одет... Какой-то плащик, без карманов опять же...

— Слушай, Ваня. Говори толком! Что значит — без карма-
нов? Не бывает плащей без карманов!

— Бывают, — тяжело вздохнул бомж и поднялся со скамейки,
видимо, устал от непонятливости капитана. — Срезал он кар-
маны, срезал. Чтоб удобнее пистолет под плащом держать, чтоб
глушитель не мешал... Усек? Сигареткой-то еще угости, а?

Но Зайцев, увлеченный открывшимися перед ним возмож-
ностями, даже не услышал этой негромкой просьбы. Сорвав-
шись с места, он помчался в свои следственные коридоры
отдавать приказы, составлять планы перехвата и производ-
ить другие важные следственные мероприятия.

— Ну-ну, — сказал, глядя ему вслед, Ваня и тяжелой нето-
ропливой походкой направился к железным гаражам, между
которыми он и втиснул свой тюфяк, подобранный как-то у
мусорных ящиков.

На следующее утро капитан Зайцев примчался во двор, не
скрывая своего нетерпения. Он тут же бросился к гаражам,
но в знакомой щели бомжа не было. В беспомощности огля-
нулся по сторонам — старушки были на месте, у песочницы.

— Где Ваня? — спросил он, подходя.

— Ваня? — удивились старушки.

— Ну, бомж! Бомжара ваш родной! Где он?

— Неужто натворил чего? — опасливо спросила старушка
побойчее.

— Пока нет, только собирается. Так где же он?

— Может, в подвале?

— А как попасть в подвал?

— Это только Ваня знает, — рассудительно заметила ста-
рушка. — У него туда свой ход, свой выход... Вряд ли кто вам
подскажет. Дождаться надо.

Бомжа Ваню Зайцев нашел возле продуктового магазина.
Тот сидел в сторонке на траве, не решаясь расположиться на
скамейке, будто заранее признав, что скамейка не для него —
скамейка для людей порядочных и законопослушных. Ваня
пил молоко из надорванного пакета и закусывал булкой, от-
рывая от нее ломти и не торопясь отправляя их в рот.

— А, капитан! — сказал он улыбочиво. — Присаживайся! —
И гостеприимно похлопал ладошкой по траве. Зайцеву ни-
чего не оставалось, как присесть рядом.

— Как успехи? — спросил Ваня. — Поймал?
— Кого?
— Убийцу.
— Нет. — Зайцев помолчал. — А ведь ты не все мне вчера сказал.
— Ты так торопился, капитан... Угощайся. — Бомж протянул Зайцеву пакет с надорванным уголком.
— Спасибо. Сыт.
— Как знаешь. — Запрокинув голову, Ваня влил в себя большой глоток молока. Потом как-то неожиданно перестал жевать и задумался, уставившись в пространство. — Законы мести, — произнес он странные слова и опять все свое внимание обратил на пакет с молоком и растерзанную булку.
— Продолжай, Ваня, — терпеливо сказал Зайцев.
— Есть, капитан, законы мести... Человек подчиняется этим законам, даже не зная об их существовании. Они выше нашего понимания. Они сильнее нас. И справедливее, хотя, как мне кажется, не все со мной согласятся. — Бомж взмахнул рукой с зажатой в кулаке булкой и замер на какое-то время в позе греческого бога.
— Вчера ты что-то говорил про дождь, — напомнил Зайцев.
— Дождь — это очень важно, — кивнул бомж, — может быть, это самое важное обстоятельство... Хотя и не все одобряют ход моих мыслей. Да я, собственно, к этому и не стремлюсь.
— К чему? — чуть было не сорвался Зайцев.
— К тому, чтобы все со мной соглашались. Это плохо, когда все головами кивают.
— Почему?
— Потому что во всеобщем согласии обязательно присутствует лукавство. Невозможно такое, чтобы все во всем были едины. Ведь люди-то разные. — Взгляд бомжа опять остановился, устремленный в пространство. — А дождь — это хорошо, я люблю дождь, хотя последнее время он доставляет мне много хлопот. Но так было не всегда.
— Так что дождь?
— Во время убийства шел дождь.
— И о чем это говорит?
— Это говорит о том, что невозможно предусмотреть все. Предусмотреть все не может никто. — Бомж помолчал. — Но пару ударов я в своей жизни все-таки пропустил, пару хороших таких ударов. Можно сказать, подлых.
— И в результате? — Зайцев решил вытерпеть этот разговор до конца.
— А результат, капитан, ты видишь перед собой. — Бомж снова, в который уже раз, вскинул правую руку вверх, отне-

ся ее чуть назад. — Плохой результат. Отрицательный. Но самое печальное в том, что он окончательный. Как говорят в ваших кругах, обжалованию не подлежит.

— Это плохо, — сочувственно вздохнул Зайцев. — Так что дождь?

— А, — оживился Ваня. Он, не отряхиваясь, поднялся, бросил в урну пустой пакет из-под молока и улыбочиво обернулся к Зайцеву, все еще сидевшему на траве. — Пошли, покажу, — и поплелся к дому, у которого сутки назад произошло убийство.

Зайцев пошел следом. Он уже убедился, что любое его слово, замечание вызывает у бомжа какой-то странный поток рассуждений, и каждый раз в самую неожиданную сторону. Но в то же время Зайцев видел, что мысль бомж держит. Вот и сейчас случайно брошенные слова о дожде как-то откликнулись в сумеречном сознании этого странного человечка.

— А раньше ты чем занимался? — спросил Зайцев, когда молчать уже стало невозможно.

— Цефеиды, — ответил бомж и ничего больше не добавил.

Зайцев это слово слышал впервые, но уточнять ничего не стал, опасаясь, как бы его вопросы не увели Ваню в сторону. Бомж шел впереди, заворачивая носки ботинок внутрь, Зайцев плелся сзади, маясь от неопределенности. Так они вошли во двор, миновали крыльцо, на которое рухнул пронзенный тремя пулями Федя Агапов, свернули за угол, прошли сквозь жиденький кустарник и оказались на проезжей части.

— У убийцы легкая походка, — сказал бомж, глядя на асфальт под ногами.

— Ишь ты, — это все, что мог ответить Зайцев.

— Опасность деяния придает телу легкость, способность передвигаться быстро и бесшумно. — Ваня старательно выматривал что-то на асфальте и наконец остановился, увидев то, что искал.

— Вот здесь, — сказал он и ткнул пальцем себе под ноги. Зайцев молчал. — Здесь стояла его машина.

— Чья машина?

— Убийцы. Он оставил ее здесь, а сам прошел во двор. Накапывал дождь, небольшой такой дождь...

— Да, я помню.

— А машина стояла здесь. И под ней образовалось сухое пятно на асфальте. Границы пятна я отчеркнул куском кирпича. Вот мои черточки. Если у тебя, капитан, под подозрением будут десять машин, то по размеру сухого прямоугольника ты всегда можешь выбрать одну.

— Разумно, — кивнул Зайцев. — Но у меня под подозрением нет ни одной машины.

— Это плохо, — огорчился бомж.

— Но за помощь спасибо.

— А ты не торопись, капитан, смеяться. Смеяться — оно нетрудно. Я тоже в свое время весело смеялся. Можно даже сказать — заразительно. А то и безудержно. И пропустил пару ударов. До сих пор продохнуть не могу. Дышу теперь наполовину.. на большее сил не хватает. Да и не хочется. Дышу и дышу. — Устав от длинной речи, бомж сел на бордюру и похлопал ладошкой по бетонному блоку, приглашая Зайцева присесть. Зайцев сел на бордюру с тяжким вздохом.

— Убийца здесь не живет, — продолжал бомж. — Он этих мест не знает. Если бы знал, вел бы себя не так. Но, с другой стороны, законы мести диктуют свои условия, иногда они просто вынуждают человека поступать опрометчиво.

— Надо же, — откликнулся Зайцев.

— Видишь, капитан, мы сидим на бордюре, а твоего за-тылка касаются веточки кустарника. Касаются?

— Касаются.

— Раньше здесь, вдоль кустарника, проходил забор. Какой-то хозяйственный мужик из этого дома забил железные уголки и натянул на них проволоку. Сечешь? Чтобы машины не заезжали на траву, чтобы глупые пешеходы не вытаптывали кустарник...

— Понимаю, — перебил Зайцев.

— Не менее хозяйственные мужики проволоку давно сорвали, уголки повыдергивали... Но некоторые остались. Когда мужик эти штыри кувалдой в землю забивал, уголки в месте удара сплющивались и на срезе возникали этикие отогнутые острые лепестки. Понимаешь, о чем я говорю?

— Стараюсь, — скучая, ответил Зайцев.

— Это хорошо. Так вот, кустики разрослись и скрыли оставшиеся штыри. Со стороны дороги они и не видны.

— И? — теряя терпение, произнес Зайцев.

— И человек, который решит оставить машину у обочины, человек, который решит поплотнее прижаться к бордюру.. для безопасности... — пояснил бомж. — Так вот, он может запросто машину свою об этот острый металлический лепесток оцарапать.

— И?

— И на столбике в таком случае останутся следы краски, в которую выкрашена машина. А на машине, в свою очередь, останется царапина. С правой стороны. — Подобрал какой-то прутик, бомж бездумно водил им по асфальту, рисуя на пыли наплывающие друг на друга круги. — Это цефеиды, — пояснил он Зайцеву, указывая на свой рисунок.

Но капитан его не слышал. Некоторое время он сидел, совершенно окаменев, глядя прямо перед собой на проносящиеся мимо машины, потом порывисто встал, вернее сказать, вскочил и начал быстро-быстро обшаривать кусты.

Он сразу нашел столбик, о котором говорил бомж. Осторожно отведя ветки, наклонился и увидел, все-таки увидел еле заметную желтую полоску на ржавом металлическом уголке.

— Боже! — потрясенно прошептал Зайцев. — Ведь и на машине осталась царапина!

— На правой стороне, — без выражения подтвердил бомж, поднимаясь. — Будь здоров. — И, заворачивая носки разбитых ботинок внутрь, он поковылял к своей щели между гаражами. Его подстилку последнее время облюбовали дворовые собаки, но бомжа это не огорчало. Случалось, он даже не прогонял их, просто просил потесниться, и те прекрасно его понимали. Но Зайцев, увлеченный находкой, даже не нашел в себе сил ответить, только махнул рукой — дескать, и ты будь здоров.

Прошло несколько дней. Зайцев сразу нашел бомжа между гаражами. Ваня лежал, свернувшись калачиком, а у ног его пристроилась какая-то дворняга. Бомжу было неудобно, он подтягивал к себе коленки, но собаку не прогонял, и смотреть на мир тоже, видимо, не желал. Зайцев постоял некоторое время в раздумье, не зная, как поступить.

— Здравствуй, Ваня! — сказал он громко и внятно.

Бомж пошевелился, поворочался и все так же, с подтянутыми к подбородку коленями, изловчился повернуть голову и взглянуть на пришельца.

— А, — прокряхтел он, стараясь приподняться и сесть на своей затертой подстилке. Это ему удалось, но не сразу. Собака, видимо, зная отношение к себе, даже не подумала отойти в сторону. — Ты его поймал?

— Нет.

— Это плохо. Убийц, даже таких, все равно нужно отлавливать.

Зайцев молчал. Что-то в словах бомжа показалось ему странным, что-то не вписывалось в привычное понимание.

— Садись, капитан. — Осторожно сдвинув собаку в сторону, бомж привычно похлопал ладошкой по теплому еще месту на подстилке. Зайцев поколебался, оглянулся по сторонам — не видит ли кто его позорища, но все-таки сел, брезгливо подвинувшись от того места, где только что лежала собака.

— Как-то непонятно ты выражаешься, — проворчал он. — «Даже таких убийц надо ловить...» Каких — таких? Он что, лучше всех прочих?

— Конечно, — ответил бомж.

— Почему?

— Мне кажется, что у него... нравственность.

— Ни фиги себе! — воскликнул потрясенный Зайцев. — Всадить человеку в грудь три пули, оставить вдову и трех сирот... И после этого ты говоришь о нравственности?!

— Угости сигареткой, капитан, — миролюбиво сказал бомж.

Зайцев вынул пачку, вытряхнул наружу кончик сигареты, но тут же спохватился и протянул бомжу всю пачку.

— Бери, — сказал он. — Кури.

— Ну вот, ты и расплатился со мной.

— За что?

— За наши милые беседы.

— Ну, ты даешь, Ваня!

Затянувшись несколько раз, вежливо выпуская дым вверх, бомж уставился в ржавую стену гаража, которая простиралась прямо перед его глазами. Вряд ли он видел перед собой металлический лист, и слова, которые он произнес, подтверждали это предположение:

— Скажи, капитан... Тебе приходилось мстить?

— Что?!

Бомж снова затянулся сигаретой.

— Я, конечно, пропустил в своей жизни пару ударов, пропустил... И знаешь, они давали мне право пустить пулю в лоб тому или иному.. Но сплоховал. Слабину дал. А надо было, ох, надо... Результат ты видишь. Нельзя в таких случаях... Нельзя.

— Что «нельзя»?

— Слишком долго думать.

— А что надо? Стрелять?!

— Да, — спокойно кивнул бомж. — Именно так. Стрелять. Пуля — дура, сказал Александр Василич... но исполнительная дура. Не надо ей мешать. Пусть она делает то, что ей положено, для чего, собственно, она и предназначена. Справится.

— Ваня! — громко сказал Зайцев. — Что-то ты не в ту степь!

— Нет, — бомж покачал немытым указательным пальцем из стороны в сторону. — Это ты, капитан, не из той степи пришел. Мсть — святое дело, у мести свои законы, и они ничуть не слабее твоих, капитан. Твои придуманы, навязаны, а законы мести складываются сами. Как вырастают горы при землетрясениях, как наполняются океаны, как наступают рассвет... Или закат.

— Не о том мы с тобой, Ваня, говорим. — Зайцев сделал попытку направить бомжовую мысль в нужную для себя сторону.

— Нет, капитан, — твердо произнес бомж и взглянул на Зайцева каким-то новым, незнакомым взглядом — острым, ироничным, почти насмешливым. — Месть обязательно должна быть сильнее нанесенной обиды, нанесенного оскорбления. Посевший ветер пожинает бурю. Месть предполагает, что жертва должна знать, откуда удар, за что, кто его наносит, — это закон. Безымянной, анонимной мести быть не может. Обидчик обязан знать, кто его наказывает, иначе это не мечь.

— Видишь ли, Ваня...

— Погоди, — жестко сказал бомж, и Зайцев понял, что нисколько не знает этого человека. Перед ним сидел не безвольный, сдавшийся бомжара, потерявший себя и человеческий облик. — Месть не имеет срока давности. Десять лет пройдет, двадцать — обида не исчезает, она окаменеет. И становится вечной — до тех пор, пока сам обидчик помнит о ней, она возможна и необходима. Что, собственно, и произошло, — устало закончил бомж.

— Если обида может быть вечной, если мечь возможна и через двадцать лет, что же тебе мешает ответить на те удары, которые ты получил?

— А духу нету, — весело рассмеялся бомж, разведя руки в стороны. — Дух, капитан, вышел, нету его. А в нашем случае, — бомж кивнул в сторону ступенек, — дух сохранился.

Зайцев молчал некоторое время, прикидывая, какой вопрос сейчас уместнее задать, и вдруг до него дошло, что вопрос ему уже подсказан.

— Ты хочешь сказать... — начал было Зайцев, но бомж решительно его перебил.

— Да, — отрывисто сказал он. — Это была мечь. Убитый и убийца знали друг друга. И давно. Они должны были встретиться, должны были пересечься. В прошлом году, в этом, в будущем... Что, собственно, и произошло, — повторил он.

— Не исключено, конечно, — вяло протянул Зайцев, и эти его слова, кажется, задела бомжа.

— Они хорошо знали друг друга, убитый и убийца. Они встречались раньше, не знаю, что встало между ними — женщина, карьера, деньги... А что еще может быть? — доверчиво спросил бомж. — А больше ничего нет. Нет больше ничего, что давало бы право стрелять. Я видел, как это произошло. Они обменялись какими-то словами. Убийца мог все сделать гораздо проще и безопаснее для себя, он мог выстрелить ему в голову, когда тот еще сидел в машине, — стекло было опущено. Но он этого не сделал. Ему важно было, чтобы Агапов узнал его, чтобы Агапов понял, кто его убивает. Для убий-

цы это было важнее всего, именно это, капитан. Знаешь, что я тебе скажу... Я вот что тебе скажу... Я тебе такое скажу..

— Внимательно тебя слушаю, — пробормотал Зайцев, потрясенный непробиваемой логикой бомжа.

— Ты что-то говорил о вдове... Так вот, если ты пойдешь к ней... В семейных фотоальбомах можешь увидеть убийцу — не портрет, нет, хотя и это не исключено. Скорее всего, ты увидишь его на общих снимках, где-нибудь рядом, сбоку, за спинами других людей. Но ты встретишься с ним взглядом. И вы поймете друг друга. А вдова... Вдова сама назовет его имя.

— Думаешь, я его узнаю?

— Ха! Он тебя узнает. Поговори со вдовой. Какие вопросы задать, как истолковать ее ответы, ты знаешь лучше меня. Вас, наверно, этому учат... Да, а что с поцарапанной машиной?

— Нашли. И царапину на ней нашли... Но пользы от этого мало — угнанной оказалась машина. Хотя отпечатки пальцев остались, хорошие отпечатки.

— Пригодятся?

— Когда будет кому эти отпечатки предъявить.

— Ну, ни пуха, — сказал бомж и как-то легко, естественно упал на бок, подтянул колени к подбородку, закрыл глаза и затих.

Посидев некоторое время рядом, Зайцев поднялся, отрянул штаны и направился к выходу со двора. Оглянувшись, он увидел, что собака снова подошла к бомжу и, потоптавшись, улеглась у его ног.

Они снова встретились через несколько дней. Зайцев нашел бомжа на дальней скамейке в глубине двора. Уже знакомая ему собака лежала рядом, свернувшись на опавшей листве. Сам бомж вытянулся на скамейке и, закинув руки за голову, смотрел в ясное небо светлыми пьяными глазами. Возле скамейки, аккуратно приставленная к ножке, стояла наполовину опорожненная бутылка портвейна. Услышав шаги, бомж повернул голову. Узнав капитана, медленно приподнялся, сбросив ноги со скамейки.

— Садись, капитан... Выпить хочешь?

— Хочу, но не буду. День впереди.

— Это правильно, — одобрил бомж. — А я выпью. — И, нащупав бутылку под скамейкой, он запрокинул голову, и отпил несколько глотков. — Ну, давай, рассказывай.

— А чего рассказывать-то?

— Как жизнь протекает. Вот у меня, например, она вытекает. Как из дырявой посуды.

— Это плохо, — сказал Зайцев.

Откинувшись на спинку скамейки, бомж смотрел в небо с таким напряженным вниманием, будто видел что-то важное для себя, будто происходили там события, которые имели к нему прямое отношение. Не выдержав, Зайцев тоже посмотрел в небо, но не увидел ничего, кроме редких белых облаков на блекло-синем, уже почти осеннем фоне.

— Я немного поддал, — проговорил бомж. — У меня такое ощущение, будто сегодня какая-то дата... То ли день рождения, то ли еще что-то печальное... Вспомнить не могу, поскольку не знаю, какое сегодня число... Но ощущение в теле есть... А у меня дети были, прекрасные дети... Красивые, умные, любящие...

— Что же с ними случилось?

— Ничего. Выросли. Повзрослели. Наверно, где-то живут... Радуются, грустят, плодятся... Ты его поймал?

— Поймал, — кивнул Зайцев.

— Сопротивлялся?

— Нет.

— Отпирался?

— Нет.

— Из прошлой жизни пришел?

— Да, ты был прав.

— В альбоме нашел его мордашку?

— Нашел.

— Агапов его обидел?

— Да.

— Женщина? Деньги?

— И то, и другое.

— Значит, он тоже пропустил пару ударов...

— Кто?

— Убийца.

— Да, — кивнул Зайцев. — Послушай... А кто такие цефиды?

Бомж резко повернулся к Зайцеву, с пьяной пристальностью долго смотрел ему в глаза, словно заподозрил, что тот смеется над ним. Но эта гневная вспышка, видимо, съела последние его силы.

— Образования, — ответил бомж, сникнув.

— Какие?

— Небесные.

— Ты их забросил?

— Страна их забросила. Они оказались не нужны этой стране. Развалинам мало что нужно.

— А прежней стране они были нужны?

— Да! — неожиданно заорал бомж. — Да! Позарез! Понял?! Позарез! — На этот раз в голосе бомжары явно звучал металл. — Вот так! — И он полоснул себя ладонью по горлу. — Позарез! — И вдруг тяжело, прерывисто задышал, прижав немытые свои кулаки к глазам. Зайцев был потрясен — бомж рыдал. Он все время пытался что-то сказать, но слова не шли наружу. Наконец ему удалось произнести нечто внятное.

— Снятся, — выдавил он из себя.

— Кто снится?

— Цефеиды*.

— Они тебя любят? — растерянно спросил Зайцев.

— Я их люблю, — твердо и внятно произнес бомж. — Я.

— Это хорошо, — кивнул Зайцев, совершенно не представляя себе, что еще можно сейчас произнести.

Мимо прошли парень с девушкой, молча поднялась и ушла собака, чуть поодаль на такой же скамейке расположились два мужика. Не произнося ни слова, распили бутылку водки, закусили хлебом, колбасой и тоже ушли. Зайцев и бомж все это время сидели на месте и смотрели в пространство.

— Нас всех разогнали, но бомжарой стал только я... Видимо, послабее оказался. Хотя вся группа на мне держалась. Идеи, доклады, публикации... Пустое все это, пустое.

— Слушай, может быть, я смогу что-нибудь сделать для тебя? — спросил Зайцев. Бомж помолчал.

— Знаешь, капитан, — сказал он, оживившись. — Если можешь, будь добр, принеси мне пакет молока, а то у меня в кармане ни фиги... Только... это... не бери жирного... От жирного я полнею.

II

Блуждая в вязком, сумрачном сне, капитан Зайцев долго не мог понять, что происходит — какой-то грохот, визг, дребезжание... И пока маялся, задыхался и пытался во сне спасти непутевую свою жизнь, рука его тем временем безошибочно нащупала в темноте телефонную трубку.

— Да, — сказал Зайцев еще во сне. — Слушаю, — произнес он, уже проснувшись, наяву, можно сказать.

— Записывай, капитан... Или запоминай... — прозвучал насмешливый голос — в пять утра все голоса кажутся на-

* Ц е ф е и д ы — загадочные двойные звезды, изредка встречающиеся во Вселенной. Соприкасаясь, они, тем не менее, не сливаются и вращаются вокруг общего центра. Объяснить их природу ученые пока не могут.

смешливыми. — Улица Петровская... Дом семь. Второй подъезд. Мы уже здесь, подъезжай.

— Квартира? — напомнил Зайцев.

— Обойдешься, — на этот раз насмешливый голос еще и хихикнул. — Не понадобится тебе квартира.

— А машина...

— Стоит у твоего подъезда.

Так начиналось это утро, так начиналась неделя, полная нервотрепки, допросов, полная разочарований и счастливых находок. Все было на этой неделе, как обычно и случается в нашей жизни, суматошной и бестолковой. А бывает ли другая жизнь? Ох, сомневаюсь... Если и бывает, то это уже не жизнь, это уже что-то другое, может быть, более высокое и достойное, а скорее всего нечто еще суматошнее и бестолковее.

Приехал Зайцев на место преступления, приехал. Не дожидаясь полной остановки «газика», выпрыгнул на дорожку, бросил за собой жидковатую дверцу и, не застегивая плаща, решительными шагами направился к подъезду — дверь была распахнута и подперта двумя кирпичами, чтоб не срабатывал без надобности кодовый замок. За этой дверью была еще одна — тоже с кодовым замком и тоже подпертая кирпичами.

Едва Зайцев вошел в подъезд, на него дохнуло резким запахом гари.

— Пожар? — спросил он у подошедшего оперативника.

— Хуже... Труп. Еще тепленький. Только это... Не потому что свеженький, а потому что горел.

— Как горел? — не понял Зайцев.

— Синим пламенем.

— Почему синим?

— Да ладно, капитан... — оперативник устало махнул рукой. — Может, и не синим, а зеленым... Но горел хорошо. Поднимись, посмотри... Он на площадке второго этажа.

Зайцев поднимался медленно, словно заранее готовясь к тому зрелищу, которое его ожидало. Но то, что он увидел... Тлеющая одежда, спекшиеся на голове волосы, черные, обгорелые пальцы, а о лице лучше вообще не говорить. Мужчина лежал поперек площадки, протянув руки к одной из квартир. Вдоль стальной двери сверху вниз тянулись черные полосы от обгорелых пальцев. Несчастный, видимо, стучался в дверь, надеясь, что ему помогут. Но, похоже, ему не открыли. Не принято сейчас открывать двери, когда на площадке стреляют, режут, насилуют. Когда горят заживо, тоже, видимо, не принято.

— А почему не видно любопытных? — спросил Зайцев, окидывая взглядом пустые лестничные пролеты.

— Так ведь спят еще... Раннее утро, капитан. Отдыхают граждане после трудового дня, — хмыкнул оперативник.

— Что же, так ни один жилец и не вышел?

— Подходила бабуля... Постонала, поохала... Перекрестилась и ушла.

— Не признала соседа?

— А как его признаешь — вместо лица обгорелая корка. По одежде тоже ничего не скажешь... Одежки-то на нем, можно сказать, и не осталось. Видишь — нечто тлеющее.

— А как узнали, что кто-то на площадке пылает?

— Был звонок дежурному... Вот в эту дверь он скребся, может, хозяин и позвонил.

— Так что же здесь все-таки произошло? — спросил Зайцев уже с легкой досадой. — Ведь не может же человек вот так просто на ровном месте вспыхнуть в пять утра?

— Вопрос, конечно, интересный, — протянул оперативник. — Но боюсь, капитан, что отвечать на него придется все-таки тебе. Что я могу сказать... Входные двери, и одна, и вторая, на кодовых замках. Я проверил — замки срабатывают хорошо, надежно. Случайных, чужих людей здесь быть не может. Время раннее, спокойное время. Все маньяки, насильники, алкоголики, грабители уже спят, обессилев от своих походов. Этот мужик загорелся совсем недавно, от него еще дымок поднимается... То, что людей нет, странно, конечно, но любопытные были, я их сам разогнал, чтобы под ногами не путались... Думаю, жильцы перезвонились и затаились. Мой напарник, Семенов, ты его знаешь, шустрый малый, обходит квартиры — все ли на месте, нет ли где недостачи в жильцах... Придет — доложит. Думаю, где-то обязательно должно обнаружиться, что одного собутыльника не хватает.

— Если я к тебе сейчас поднесу зажигалку, — медленно проговорил Зайцев, — ты же не вспыхнешь?

— Вспыхну, — твердо сказал оперативник. — Но только внутренне. От гнева вспыхну.

— От гнева так не горят, — рассудительно проговорил Зайцев и, подойдя к двери, на которой остались черные полосы от пальцев погибшего, нажал на кнопку звонка. Через некоторое время послышалось глухое щелканье замков, дверь медленно приоткрылась — на пороге стоял полноватый, румяный хозяин в длинном халате. На Зайцева дохнуло запахом духов — хозяин уже успел побриться. — Здравствуйте, — сказал Зайцев. — Вы здесь живете?

— Если это можно назвать жизнью, — печально улыбнулся мужчина.

— Вы знаете этого человека? — Зайцев кивнул куда-то себе за спину.

— Нет! Откуда!

— Он не живет в вашем доме?

— Трудно сказать... Не исключено.

— Почему он ломился в вашу дверь?

— Я даже не знал, что он ломился в мою дверь. Ах, вы об этом, — хозяин только сейчас увидел черные полосы на двери. — Скорее всего, моя дверь просто подвернулась, ближе оказалась... В таком состоянии можно ломиться куда угодно...

— И вы не знаете, что здесь произошло?

— У меня, знаете ли, хорошая звукоизоляция. Второй этаж — шумный этаж... Молодежь много пьет, громко смеется, поздно расходится...

— Поздно — это как?

— Пока не засну, — улыбнулся хозяин. — На подоконнике, между этажами, у них место встречи, которое, видимо, изменить уже никому не удастся. Вот я и позаботился, чтобы моя дверь была с хорошей звукоизоляцией.

— И у вас нет никаких соображений по поводу того, что произошло этим утром?

— Никаких, — покачал головой мужчина, глядя Зайцеву в глаза. И капитан понял — соображения у того все-таки есть. И еще понял Зайцев — мужчина не только побрился, но и выпил стопку-вторую.

— Ну, что ж... Тогда до скорой встречи.

— Мы еще увидимся?

— Конечно. Из всех дверей он все-таки выбрал вашу.

— Посмотрите на него! Он же горел! Ничего не соображал! — воскликнул мужчина, потеряв всю свою невзмутимость.

— Но именно ваша дверь чем-то его привлекла, — улыбнулся Зайцев. — У вас, простите, рабочий день в котором часу начинается?

— В десять! И что из этого следует?

— Вот видите, в десять... А вы в половине шестого уже побриты... Куда торопитесь?

— Под моей дверью труп лежит! — неожиданно тонким голосом прокричал хозяин. — Я не только побрился, я и рюмку водки хлопнул!

— Это правильно, — одобрил Зайцев и позволил, наконец, хозяину закрыть дверь.

Время шло, за окнами начало светать, на фоне бледного неба появились контуры соседних домов, в некоторых окнах вспыхнул свет, а положение не становилось проще и понят-

нее. Вернулся с обхода по квартирам опер Семенов и доложил то, о чем Зайцев уже догадывался — все жильцы двенадцатиэтажного дома оказались в наличии, спокойно спали в своих кроватках, досматривали сны каждый в меру своей испорченности. А если кто и отсутствовал, то по уважительным причинам, не вызывающим подозрений — командировка, отпуск, ночная смена, загул с однокашниками, которые звонили каждые полчаса и докладывали, что их друг Леха жив, здоров, прекрасно себя чувствует и даже хорош собой. Домочадцы ворчали, но только для виду, звонки-то были утешительные, все-таки жив Леха, и вот-вот позвонит в дверь, хмельной и румяный.

Оперативники обшарили сгоревшего гражданина, нашли остатки паспорта и... И больше ничего. Ни кошелек, ни денег, ни колечка—цепочки—кулончика на погибшем не оказалось. То ли ограбили его перед тем, как поджечь, то ли из осторожности он ничего с собой в ночные свои прогулки не брал. Паспорт требовал пристального изучения экспертов, просто вот так что-то разобрать в нем было невозможно, обгорел паспорт со всех сторон. Только по номеру, если таковой обнаружится хоть на одной странице, можно будет что-нибудь установить.

Зайцев, выслушав Семенова, спустился на лестничный пролет и остановился у большого окна с широким подоконником. И пол на этой промежуточной площадке, и сам подоконник были уставлены пустыми бутылками, усыпаны окурками, пивными пробками. Острым и многоопытным взглядом рассмотрел Зайцев и небольшой шприц в самом углу.

— Суду все ясно, — пробормотал следователь и поднялся на площадку, где над обгоревшим трупом все еще поднимался слабый, прозрачный дымок. — Слушай меня, Семенов, — обратился он к оперативнику. — Сейчас ты садись в мой «газик» и, не снижая скорости, мчишься в наше общежитие. Знаешь, где это?

— Я живу там! — почему-то обиженно воскликнул Семенов.

— На втором этаже, в двести пятой комнате обитает человек по имени Ваня...

— Это бывший бомжара, что ли?

— Почему же бывший! — на этот раз возмутился Зайцев. — Бомжи не бывают бывшими. Так вот... Ты хватаешь его, в чем застанешь, и срочно сюда. Город еще спит, дороги свободные — через двадцать минут будешь здесь вместе с Ваней. Вопросы есть?

— Через тридцать минут, — уточнил оперативник. — Бомжаре одеться надо... Не привезу же я его в простыне!

— Тоже верно, — пробормотал Зайцев. — Засаею время. Заметь, не я сказал, что ты вернешься с Ваней через полчаса. И еще... — закончить свою мысль Зайцев не успел, поскольку внизу за оперативником Семеновым уже хлопнула дверца «газика».

Ваня неслышно поднялся на площадку через двадцать восемь минут.

— Здравствуй, капитан, — сказал он Зайцеву, который, безутешно подперев кулаком щеку, сидел на нижней ступеньке лестничного марша. — Что новенького в жизни?

— А, Ваня, — Зайцев поднялся. — Как видишь...

Ваня подошел к обгоревшему труп, присел на корточки и некоторое время молча рассматривал то, что осталось от человека.

— Он ведь не из этого дома? — спросил Ваня, поднимаясь.

— Как догадался?

— Уже родня бы вокруг стояла... А если никого нет... Как же он, бедолага, попал сюда? Входные двери, как я заметил, с замками... Может, он и сгорел не здесь?

— Здесь, — твердо сказал Зайцев. — Еще дымится...

— Это не он, одежда тлеет.

— И еще... Видишь на двери черные полосы от его пальцев... Он, уже догорая, пытался достучаться в эту дверь... И по двери соскользнул вниз, на пол... Вот и остались полосы...

— Здесь и на кнопке звонка черные следы, — добавил Ваня. — Он звонил, видимо... Но ему не открыли. Увидели в глазок что-то страшное и отшатнулись в ужасе... А что они могли увидеть... Обгорелое человеческое лицо... Кто угодно отшатнется, — продолжал бормотать Ваня, в который раз обходя вокруг тела. — А ты бы, капитан, открыл?

— Да, — помолчав, ответил Зайцев. — Но сначала перевернул бы затвор на пистолете.

— Это правильно, — ответил Ваня и спустился по лестнице на промежуточную площадку. Зайцев последовал за ним. Следователь не делился своими наблюдениями, предположениями, он просто молча последовал за Ваней и остановился в двух шагах, когда тот подошел к подоконнику. — Красиво жить не запретишь, — пробормотал Ваня, осматривая следы вечернего пиршества. И, не обращая внимания на Зайцева, принялся все бутылки поднимать с пола и устанавливать на подоконнике. К каждой он принюхивался, переворачивал бутылки вверх дном, надеясь выдавить на ладонку хоть несколько капель, пытаясь что-то увидеть внутри бутылки, рассматривая ее на просвет...

Наконец Зайцев не выдержал.

— Похмелиться хочется?

— Видишь, капитан, как нынешние пьют... Хоть бы глоток оставили... Не верю я, что при таком количестве бутылок нестерпимая жажда их обуяла... Причем, обрати внимание, что они пьют... Вино, водка, пиво... Какой организм выдержит! Нет, не зря все наши вожди настойчиво призывали народ к культуре питания... Да, ты о чем-то у меня спрашивал?

— Я спросил, не хочешь ли ты похмелиться?

— А знаешь... От глоточка не отказался бы... Водки, разумеется.

— Может, коньячку? — усмехнулся Зайцев.

— Нет, сейчас в продаже только поддельный коньяк... А водка встречается и настоящая.

— Уговорил, — решительно сказал Зайцев. — Пошли. — Быстрыми, нервными шагами он поднялся на лестничный пролет и позвонил в ту самую дверь, в которую час назад пытался пройти пылающий человек. — Не верю я, что в этой квартире нет водки! Не верю!

Дверь осторожно и бесшумно открылась.

На пороге стоял все тот же румяный, гладко выбритый и прекрасно пахнущий мужчина.

— Простите, — сказал Зайцев. — Не найдется ли у вас сто грамм водки?

— Конечно, — спокойно ответил хозяин и сделал шаг в сторону, пропуская Зайцева вперед. Тот хотел было отказаться, но его опередил Ваня, быстро прошмыгнув в прихожую. И Зайцеву не оставалось ничего иного, как последовать за ним. Хозяин провел их на кухню, вынул из холодильника початую бутылку водки, поставил на стол три стопки и, не торопясь, наполнил их. — Лимончик?

— Нет, спасибо, — ответил Ваня. — Ничего не надо. — Он медленно выпил и поставил стопку на место.

— А вы? — спросил хозяин у Зайцева.

— Чуть попозже... Где-нибудь к вечеру.

— Заходите, я буду дома, — наконец улыбнулся румяный мужчина.

— Вы всегда так душитесь? — спросил у хозяина Ваня.

— Нет, только сегодня.

— Запах? — Ваня кивнул в сторону площадки.

— Да, немного есть.

— Вы знали этого погорельца?

— Нет, что вы!

— А откуда вы знаете, что не знали его?

— Простите?

— Почему вы так уверены, что незнакомы с этим человеком? Ведь его невозможно узнать, у него все лицо сгорело... А может, это ваш сосед? Или родственник, коллега по работе... Не зря же он скребся в вашу дверь.

— Это случайность. С таким же успехом он мог поскрестись в любую другую дверь.

— А ребята на площадке... До утра гудят?

— После двенадцати обычно расходятся.

— Надо же, — Ваня уже направился было в прихожую, но неожиданно, словно вспомнив о чем-то важном, вернулся на кухню, быстро выпил зайцевскую стопку, а следователя догнал уже у двери. — Спасибо, — обернулся он к хозяину. — Водка была хороша.

— Заглядывайте, — радушно улыбнулся хозяин. — Не ходите мимо.

— Заметано, — подмигнул ему бомжара. — Очень хороший человек, — сказал он Зайцеву, когда дверь закрылась.

— Или водка? — усмехнулся Зайцев.

— Знаешь, капитан... — Ваня помолчал. — Что-то последнее время я стал замечать, что жизненная мудрость обходит тебя стороной... Неужели ты не понимаешь, что не может у плохого человека быть хорошая водка.

— Подонки пьют плохую водку? — жестковато спросил Зайцев.

— Опять мимо, капитан... У подонка водка в горло не полезет, колом станет. А эта... Эта песней вошла! Ты вот ходишь за мной по пятам, а мудрость моя твоим организмом как-то не усваивается.

— Слушаю, Ваня, тебя внимательно, — смиренно произнес Зайцев, но проскользнула все-таки в его голосе еле заметная усмешечка, если не насмешечка.

— Вот смотри, капитан, сколько вариантов поступков было у нашего гостеприимного хозяина, — Ваня кивнул в сторону стальной двери. — Ты проявил великодушие и попросил сто грамм водки. Хозяин мог вернуться на кухню, наполнить стопку и принести ее вот сюда на площадку. Он мог поступить чуть иначе — прийти на лестничную площадку с пустой стопкой и полной бутылкой. Мог пригласить тебя на кухню и там, возле холодильника наполнить стопку, а ты бы вынес ее мне на площадку. И так далее. Хочешь, опишу тебе дюжину возможных вариантов. Хозяин выбрал наилучший, наиболее достойный и уважительный для нас с тобой. Я был просто потрясен его поведением.

— Так вот что тебя так взволновало! — хмыкнул Зайцев. — Хлопнул на дармовщинку две рюмки водки, и счастлив!

— Фу, как грубо, капитан, как некрасиво! Чему вас только учат в ваших академиях! Поясняю... Хозяин провел нас с тобой на кухню, вынул из холодильника водку...

— Не из мусорного же ведра!

— Повторяю, он вынул водку из холодильника, а не взял со стола, где стояла еще одна бутылка, но уже не такая холодная, как из холодильника. И наполнил он не одну стопку, как ты просил, не две, как можно было бы истолковать твои слова, он наполнил три стопки! Присоединившись к нам, он, таким образом, облагородил твою неприличную просьбу.

— Что же в ней было неприличного?

— Выпрашивать водку в шестом часу утра у незнакомого человека, пользуясь служебным положением... Капитан! — укоризненно воскликнул бомжара и вскинул правую руку чуть в сторону и вверх — так примерно делали древнегреческие боги, во всяком случае, в такой позе их изображали в мраморе и бронзе.

— Ладно, — проворчал Зайцев. — Разберемся. Вот поймем убийцу, у нас с тобой будет больше времени, и ты перечислишь все двенадцать вариантов поведения этого гостеприимного душистика.

— Почему же двенадцать? — удивился бомжара. — Только девять. Три я уже назвал. А что касается убийцы... Мы просто обязаны его найти... Дело чести, капитан, — произнес Ваня странные слова, но Зайцев не обратил на них внимания, попросту их не услышал.

— Разберемся, — повторил он и отошел к оперативникам для разговора важного и не для всех предназначенного. Во всяком случае, бомжаре не обязательно знать методы служебного расследования, которым Зайцева действительно учили в академии.

А бомжара и не стремился к этим знаниям — то, чем он обладал, ему было вполне достаточно для того, чтобы понимать события, происходящие в нашей быстротекущей жизни. Постояв у обгорелого трупа, Ваня медленно, даже как-то раздумчиво спустился на промежуточную площадку, долго всматривался в немытое окно, выходящее во двор, и вышел на свежий воздух, где не было запаха горелой человечины, вони тлеющей одежды, где не было гнетущей атмосферы преступления.

Когда Зайцев вспомнил про бомжа Ваню, на площадке его не оказалось, и в подъезде он не нашел своего помощника. Зайцев несколько раз позвал его громким голосом, но Ваня не отозвался. За это время окончательно рассвело, приехала спецмашина, и два санитара, погрузив то, что осталось от

человека, увезли куда-то, где подобные ночные находки принимали, складывали, описывали и проделывали над ними другие операции не менее скорбные, но необходимые.

— Ваню не видели? — спросил Зайцев у оперативников.

— Ты что, не знаешь, где бомжару искать? Вон он, во дворе, возле мусорных ящиков.

Зайцев сбежал вниз, вышел на крыльцо и действительно у стоящих невдалеке мусорных ящиков, их еще называют учебным словом «контейнеры», увидел Ваню. Ящики были почти пустые, не успели их еще наполнить жильцы и поэтому, чтобы нашарить что-то в самом низу, у дна, Ване приходилось чуть ли не перевешиваться через край. Подойдя ближе, Зайцев увидел, что Ваня с самого дна ящика достает пустые бутылки, алюминиевые банки из-под воды и пива и аккуратно в ряд втыкает их в снег рядом с ящиком. Из каждой банки он пытался что-то вытряхнуть, но, кроме нескольких капель, ничего из них не вытекало.

— И как все это нужно понимать? — спросил Зайцев.

— А, это ты, капитан... Как понимать... Придет бомжиха, а банки уже все в рядок выставлены, перебраны, бутылки вот отдельно стоят... Бери, неси, сдавай, похмельяйся... Добрым словом меня пошлет.

— Пошлет, — согласился Зайцев.

— Есть успехи? — поинтересовался Ваня, принявываясь к очередной банке.

— Есть. Мои ребята установили фамилии, адреса, телефоны всех придурков, которые по вечерам собираются в подъезде на площадке. Видел следы их ночного гульбища? Бутылки, банки, шприцы...

— Шприц, — поправил Ваня. — Там был только один шприц.

— Так... — Зайцев прошел вдоль ряда ящиков, заглянул в каждый, некоторое время постоял за спиной у Вани, раскачиваясь с пяток на носки. — Ты уже все ящики обшарил?

— В соседнем дворе еще остались. Но это недолго, у меня уже сноровка появилась. Как там в песне поется... Во всем нужна сноровка, закалка, тренировка... Вы, наверно, уже уезжать собрались?

— Знаешь, Ваня... Пора. Все, что можно было здесь сделать... Сделано.

— Да-а-а, — протянул Ваня с некоторым удивлением, и голос его прозвучал как-то гулко, поскольку в этот момент он доставал очередную банку из-под пива с самого дна ящика.

— Все участники вчерашнего шабаша на площадке уже получили повестки, — сказал Зайцев.

— Прямо на сегодняшний день вызваны?! — восхитился Ваня.

— Работаем, Ваня, работаем. Придут, конечно, не все, но не беда... Остальных завтра силком доставим, если уж возникнет такая надобность. Тебя как... На машине к общежитию доставить или сам доберешься?

— Доберусь, капитан... Дорогу знаю, — проговорил бомжара, пытаясь языком поймать каплю, сорвавшуюся с опрокинутой банки из-под пива.

— Скажи мне, Ваня... Ты вот в банки заглядываешь, пытаешься капельку-другую выдать... Если уж такая жажда, я могу сбегать, принести бутылочку... А? Или уж сразу две?

— Сбегай, капитан... Отчего ж не сбегать, если зуд в ногах возник... Зуд, он ведь того... Вроде как любовь с девицей-красавицей.

— Это в каком же смысле?

— Остановиться невозможно... Чесал бы и чесал бы.

— Дерзишь, Ваня.

— Нет, капитан... Отдерзился. Сейчас дай Бог сил словцо внятное отыскать в мозгах... Не надо тебе никуда бегать... Езжайте. Тебя важные дела ждут... Допросы, протоколы, опознания, очные ставки... Ты их не пужай там, помягче с ними... У детишек как бывает... Первая встреча с милицией на всю жизнь запоминается, первый допрос, первый протокол навсегда в памяти остаются... Как первая любовь.

— Чудные слова ты, Ваня, говоришь, — озадаченно протянул Зайцев.

— Да ладно тебе... Какие соскальзывают с языка, те и произношу... Уж коли ты бутылочку посулил... Заглянул бы ко мне вечером, с бутылочкой-то, а?

Последние слова донеслись до Зайцева, когда он уже удалялся от мусорных ящиков, когда он уже приветственно махал рукой своим операм, которые поджидали его у машины. А когда слова бомжары настигли его, он резко остановился и некоторое время стоял, не оборачиваясь. Потом медленно повернулся на блестящих своих туфельках и молча, исподлобья уставился на бомжа.

— Неужели мыслишка зашевелилась? — наконец спросил он, и надежда, слабая надежда почти неуловимо прозвучала в его голосе.

— Бутылочку-то не забудь, — усмехнулся Ваня и, заворачивая носки ботинок внутрь, поковылял в соседний двор, где тоже стояли несколько мусорных ящиков. — Дело чести, — опять пробормотал он странные слова, но опять капитан Зайцев их не услышал. Да если бы и услышал, это ничего бы не

изменило в его мыслях, пронзительных и неудержимых. Мало ли что может бормотать себе под нос бомжара в надежде найти глоточек-второй недопитого пивка.

А вечером, когда Ваня в своем номере лежал на кушетке, закинув руки за голову и бездумно глядя в белый потолок, в дверь постучали.

— Входи, капитан, открыто! — отозвался Ваня, поднимаясь с кушетки. Видимо, не часто к нему заглядывали гости, если уж он так уверенно определил, кто стоит за дверью.

Зайцев вошел быстро, порывисто, окинул взором небольшую комнатку, словно желая убедиться, что никто здесь не прячется и он может вести себя ничего не опасаясь. Подойдя к столу, он вынул из своей сумки бутылку, со значением поставил ее посередине стола, рядом положил несколько бумажных свертков, видимо, и закуску прихватил. Со скрежетом придвинув стул к столу, Зайцев плотно на него уселся и устремил требовательный свой взор на Ваню. А тот сидел на кушетке и безмятежно рассматривал свои ладони.

— И что ты там видишь? — не выдержал Зайцев. — Что открылось тебе в твоих натруженных ладошках?

— Судьба моя печальная открылась...

— Надо же, — Зайцев, скупая, осмотрел стены комнатки. — Близятся перемены?

— Я ведь, капитан, неплохой астроном... А это совсем рядом с астрологией... А там уж и до хиромантии рукой подать... Смотрю вот я на свою ладошку и думаю... А ведь тебя, Ваня... Это я к себе так обращаюсь... А ведь тебя, Ваня, большая удача ждет... Скорее всего, премия.

— Премия на столе, — коротко бросил Зайцев.

— На столе аванс, — поправил бомж. — Да и тот скуповат, как я посмотрю...

— Поимей совесть, Ваня! — воскликнул Зайцев. — На буженину расколосся! Ты давно бужениной закусывал?

— В молодости случалось... Кстати, о молодости... Ты мальчиков допросил?

— Не всех.

— А девочек?

— Там не было девочек.

— Были. Трое.

— Да? — Зайцев помолчал, поиграл желваками, посмотрел в окно. — Может, скажешь, как их зовут?

— Имен не знаю, но опознать смогу. Кстати, девочки неплохие.

— В каком смысле неплохие? — уже чуть нервно спросил Зайцев.

— Неиспорченные. Домашние девочки. А мальчики не сказали тебе о них, чтобы не впутывать в эту горелую историю. Из чего можно сделать вывод, что и мальчики тоже... Если и испорченные, то не окончательно. Уж коли о девочках позаботились, уберегли от твоих очных ставок.

— Так, — Зайцев поднялся, резко отодвинув стул, подошел к окну, и некоторое время молча смотрел на проносащиеся по улице машины. — Так, — он снова вернулся на свое место у стола. — Дальше? Колись, Ваня, колись, дорогой.

Бомж поднялся со своей кушетки, подошел к подоконнику, взял там два стакана, вилки и нож, позаимствованные в буфете. Все это он положил на стол и вернулся к своей кушетке, предоставив Зайцеву самому накрыть стол, разворачивать буженину, открывать бутылку. Что Зайцев послушно и проделал — разлил водку по стаканам, нарезал буженину, хлеб, помидоры.

— Кушать подано, — сказал он, развернувшись вместе со стулом к столу.

Ваня сел напротив, взял свой стакан, молча чокнулся со следователем и выпил.

— Все очень просто, капитан, — сказал бомж, закусив помидором. — На некоторых банках, из тех, что остались на промежуточной площадке, губная помада. Трех разных цветов. На водочных бутылках помады нет. Только на банках из-под кока-колы.

— А шприцы? — напомнил Зайцев.

— Шприц, — снова поправил его Ваня. — Кстати, ты его изьял?

— А зачем? Этих шприцов на каждой площадке...

— Вчера им не пользовались ни мальчики, ни девочки... Это старый шприц.

— А они не всегда пользуются новыми, — заметил Зайцев.

— Тем, который валялся у подоконника, воспользоваться нельзя. Поршень уже не двигается. Присох, приржавел... И еще, капитан... Человек, который угощал нас водкой из холодильника, сказал, что молодежь гудела до полуночи.

— И что из этого следует?

— А бомжара сгорел на рассвете. Около пяти утра.

— Какой бомжара? — отшатнулся Зайцев от стола.

— Сегодня утром на площадке второго этажа сгорел бомж, — негромко произнес Ваня и снова наполнил стаканы. — А поскольку я тоже бомж... То для меня важно найти человека, который это сделал. Давай, капитан, помянем раба

божьего... Мир праху его, земля пухом, как говорится, — и Ваня, не чокаясь, выпил до дна.

Выпил и Зайцев. Да так и остался сидеть с пустым стаканом в руке и уставившись невидящим взглядом в стену.

— Почему ты решил, что это был бомж? — наконец спросил он.

— Капитан... Если сгорит мент, ты ведь сразу догадаешься... Кусочек погона, пуговица, лычка... Здесь то же самое... Возле уха у него остался несгоревший клочок волос, ноготь на большом пальце правой руки... Ты видел когда-нибудь ногти у бомжей? Я не в счет, я под твоим присмотром... Так вот, один ноготь на большом пальце огонь пощадил... Подошвы ботинок, дыра на носке... Щетина на подбородке... Она ведь тоже разной бывает... Некоторые носят щетину, потому что модно... А некоторые — по другой причине...

— Но это же меняет дело, — озаренно проговорил Зайцев, поднимаясь. — Все предстает совершенно в другом свете... Если это действительно так... Все, Ваня, заканчивай тут без меня, я пошел! — И Зайцев быстрыми решительными шагами направился к двери.

— Подожди, капитан, — остановил его Ваня.

— Ну? — обернулся Зайцев уже из коридора.

— Ты бы заглянул завтра ко мне... Часа в четыре... Утра.

— Зачем?

— Пойдем на задержание, — и Ваня вскинул правую руку вверх и чуть в сторону, как это делали древнегреческие боги в минуту ответственную и судьбоносную. — Убийцу будем брать. Хочу при этом присутствовать. Дело чести, капитан.

На следующее утро, ровно в четыре часа, когда рассвет едва забрезжил над крышами домов, в дверь бомжары раздался четкий, частый стук.

— Входи, капитан, — устало проговорил Ваня, поднимаясь с кушетки. Он был уже одет, обут и полностью готов к выходу.

— Не передумал? — спросил Зайцев вместо приветствия.

— Ты с машиной?

— И с двумя оперативниками. Считаю, группа захвата поступила в полное твое распоряжение.

— Это правильно, — кивнул Ваня. — Можно сказать, грамотно, — добавил он, уже спускаясь по лестнице.

— Куда едем? — Зайцев включил мотор газика.

— По вчерашнему адресу. Улица Петровская, как мне помнится. Въезжаем во двор, останавливаемся недалеко от знакомого нам подъезда, гасим габаритные огни и ждем.

— Чего ждем? Погоды?

— Не надо, капитан, нервничать, — произнес Ваня, когда машина остановилась и Зайцев действительно выключил все огни. — Клиент на месте, ничего не отменяется.

— Он живет в этом же доме?

— На седьмом этаже, — усмехнулся Ваня.

— Господи! — простонал Зайцев. — А про этаж-то, откуда тебе известно?

— Думаю, — Ваня чуть вскинул правую руку вверх и в сторону. — Могу тебе сказать даже, чем он занимается в данный момент.

— Ну?

— Чай пьет, — Ваня помолчал. — А вот сейчас спускается в лифте. У них там от лифта к входной двери еще один лестничный пролет вниз... Ты предохранитель на пистолете снял?

— Успею, — проворчал Зайцев.

И в этот момент неожиданно громко хлопнула входная дверь. Вышедший человек в темном пиджаке и джинсах хотел было попридержать дверь, но не успел, и она гроыхнула сильнее, чем ему бы хотелось.

— Это он, — сказал Ваня негромко.

— Можно брать? — неуверенно спросил Зайцев.

— Я не знаю, как у вас принято поступать в таких случаях...

— Берем, — сказал Зайцев и, распахнув дверцу, выдернув из кармана пистолет, первым выпрыгнул из машины. Оперативники бросились вслед за ним. Невзрачный человек с сумкой на наплечном ремне от неожиданности бросился было бежать, но, сделав несколько шагов, остановился, поджидая Зайцева и оперативников.

— Ну, вот, — негромко проговорил Ваня, все еще сидя в машине на переднем сиденье. — Прощай, друг бомжара... Все, что мог, я для тебя сделал. Царство тебе небесное... Земля пухом... Последние минуты твои были... Тяжелыми.

Ваня выбрался из машины, осторожно прикрыл дверцу и, стараясь не смотреть на оперов с задержанным, побрел в противоположном направлении.

— Вечером загляну! — крикнул ему вслед Зайцев.

Не оглядываясь, Ваня помахал в воздухе рукой — дескать, слышу тебя, дескать, жду с нетерпением.

И наступил вечер.

Ваня лежал на своей кушетке в милицейском общежитии, куда определил его Зайцев — непонятно на каких правах и на каких основаниях. Ваня думал о жизни, и мысли его были хотя и печальны, но светлы. А еще он думал о далеких двой-

ных звездах цефеидах, которым посвятил всю разумную часть своей жизни, все свои страсти, надежды и упования. Потом оказалось, что стране, в которой он жил, цефеиды никому не нужны, после некоторых перемен в этой стране многое оказалось никому не нужным, в том числе и он, неплохой астроном, как он иногда называл себя...

На этом Ванины бомжовые мысли прервались, поскольку в дверь раздался частый, четкий стук. Конечно, это был следователь Зайцев, обязательный и тоже четкий, как в мыслях, так и в поступках.

— О чем задумался, детина? — спросил Зайцев, выкладывая на стол пакеты с продуктовыми гостинцами.

— Цефеиды, капитан... Цнфеиды сегодня опять потревожили душу мою... Ты пришел, чтобы поздравить меня?

— Хотелось бы, Ваня, но... Как бы это тебе сказать, чтобы ты не обиделся... Рановато.

— Не признается, гад? — усмехнулся Ваня.

— Не признается.

— Доказательств у тебя не хватает? Одни обвинения, предположения, косвенные улики...

— Ваня... С каждой нашей встречей ты становишься все более образованным. Я уже не всегда поспеваю за тобой. В мыслях, естественно, только в мыслях.

— Ох-хо-хо, — простонал Ваня, поднимаясь с кушетки. Он, не торопясь, подошел к фанерному шкафу, открыл скрипучую дверь и, аккуратно, за горлышко взяв с полки пустую бутылку, поставил ее на стол перед Зайцевым.

— Что это? — спросил тот дрогнувшим голосом.

— У меня такое чувство, капитан, что на этой бутылке должны сохраниться отпечатки пальцев преступника.

— Где ты ее взял?

— В мусорном ящике.

— Так ты шарил по этим ящикам в поисках...

— Да, капитан, да...

— А я-то подумал...

— Ты плохо обо мне подумал, но я к этому привык. А чего хотеть от бомжары?

— И ты принохивался к банкам и бутылкам...

— Принохайся и ты... Из не до сих пор несет бензином, хотя выдыхается он очень быстро. На дне осталось несколько капель, их можно сдать на анализ... Точно такой бензин есть у него дома, скорее всего на балконе седьмого этажа...

— А почему ты вдруг подумал о бензине?

— Ты видел сгоревшего бомжа? Сам по себе бомж так вспыхнуть не может, и его тряпье не вспыхнет... Его тряпье

может только тлеть. А он весь пылал. Его облили бензином. Так облить бензином можно только сонного человека. Он спал под лестницей первого этажа. Похоже, он туда частенько забирался. Ты поширь там получше, следы всегда остаются, как пишут ваши учебники...

— Неужели эти юнцы его облили? — спросил Зайцев.

— Про мальчиков и девочек забудь. Тот душистый мужик, который угощал нас водкой, сказал, что молодежь гудела до двенадцати. А бомж вспыхнул в пять утра. Когда мальчики и девочки давно спали в своих кроватках.

Зайцев медленно развернул пакеты с рыбой, с хорошей рыбой, нарезал хлеб, колбасу, помидоры, свинтил крышку с бутылки...

— Не понимаю, за что можно сжечь бомжа...

— От него плохо пахнет, — ответил Ваня.

— И все? И этого достаточно, чтобы облить человека бензином и поджечь?!

— Мне удивительно только то, что тебя это удивляет. Кто-то на кого-то не так посмотрел, кто-то кому-то не дал прикурить, какое-то слово невнятно произнес... Этого вполне достаточно, чтобы воткнуть человеку нож в живот, опустить кирпич на голову, толкнуть под машину...

— Ваня, остановись... В подъезд ведут две стальные двери, обе закрываются на кодовые замки... Как мог бомж проникнуть в подъезд?

— Его впускали на ночь. Время от времени.

— Кто?!

— Кто-то из жильцов дома. Хоть и весной потянуло, но ночи холодные, мороз десять градусов... Если ты позволишь, могу предположить... Чует мое сердце, впускал его тот самый гостеприимный мужик, который нас угощал... Когда бомж загорелся, он бросился за помощью к нему, к человеку, который его выручал иногда. В квартиру он его не впускал все по той же причине, из-за невкусного запаха... С запахами, как ты заметил, у него сложные отношения... А в подъезд впускал... И бомж, обезумев от ужаса, боли, бросился к его двери... Благо она была рядом, на площадке второго этажа...

— А тот его не пустил, — пробормотал Зайцев.

— Я не могу его в этом упрекнуть, — сказал Ваня. — Пять утра, он спросонья посмотрел в глазок, увидел кошмарную картину... Кто-то горит, орет, скребется в дверь черными уже руками... И потом, все решали две-три минуты, скорее даже одна минута... Он все-таки открыл дверь, но бомж уже был без сознания... Догорал... Может быть, мы уже, наконец, по плоточку?

— Ой, Ваня, извини! Совсем забыл... — Зайцев быстро разлил водку по стаканам. И тут же, спохватившись, пустую бутылку с отпечатками поставил на подоконник. — От греха подальше, — пояснил он свою осторожность. — За тебя, Ваня! За твой ясный ум, твердую память, верный глаз! Я думаю, цефеиды много потеряли, лишившись такого рыцаря.

— А знаешь, капитан... Снятся, — сказал Ваня каким-то смазанным голосом и поспешно прикрыл глаза стаканом с водкой. — Опять цефеиды снились, — прошептал он почти неслышно. — Да, капитан, — Ваня постарался взять себя в руки, — а что этот тип, поджигатель?

— Невысокого пошиба... Работает в каком-то депо, смена с шести утра, поэтому и выходит рано, когда весь дом еще спит... Живет один, жена с сыном ушли... Видимо, бомж под лестницей как-то задевал его самолюбие, или нюх у него очень тонкий, собачий, можно сказать... Знаешь, не так уж мало людей, которым для полного счастья в жизни постоянно требуется по ком-то потоптаться... Вот и потоптался. Если на твоей бутылке из-под бензина действительно его отпечатки, ему от меня не отвертеться... Да, Ваня... Как тебе пришла в голову мысль по ящикам пошарить? Там же этого мусора...

— Ночью мусор вывозят... К пяти утра ящики еще пустые... А уж бутылка с остатками бензина вообще оказалась одна. И бросить ее в ящик мог только человек, который в пять вышел из дому. Зимой в пять еще глухая ночь... А хмырь этот не такой уж и бестолковый — бутылку-то бросил в соседнем дворе... Сообража-а-ает.

— А как ты узнал, что он живет на седьмом этаже?

— Ха! — рассмеялся Ваня. — Когда мы на следующее утро приехали с твоими операми, во всем доме только одно окно светило — поджигатель на работу собирался. Потом я из машины увидел, что окно погасло — ясно, что он к лифту направился. Значит, через две-три минуты из подъезда выйдет... Ты мне лучше вот что скажи, капитан... Сколько нынче такая буженина стоит?

Зайцев разлил в стаканы остатки водки, положил себе и Ване на хлеб по щедрому куску буженины, чокнулся с бомжом стаканами...

— Я тебе, Ваня, вот что скажу... Таковую буженину я пробую только с тобой... Будем живы!

— Значит, чаще надо встречаться, — рассудительно проговорил Ваня и, выпив, вскинул вверх и чуть в сторону правую руку, как бы предлагая задуматься над его словами.

Анатолий САМАРИН
Людмила ФИОНОВА
Александр ШАБАЛИН

ЖЕРТВЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Россия стоит перед выбором. За двадцать лет капитализм в России разрушил всё, не создав ничего полезного. Политическую ситуацию контролирует «Единая Россия». Реальная оппозиция — патриоты страны — выброшены с политического поля, из центральных СМИ, отстранены от выборов. Под предводительством пятой колонны, захватившей практически все властные посты, Россия быстро разрушается, подвигаясь к желанному для Запада концу — к расчленению, стиранию с карты мира.

Россия — в петле. Утрачена продовольственная и технологическая безопасность, разрушены производство, армия, наука, образование, медицина. Вместо обещанного капиталистического процветания — разрушение накопленного в СССР потенциала, ущербная сырьевая экономика, обслуживающая Запад. Национальные богатства расхищаются узкой группой лиц при полном попустительстве народа, являющегося истинным и законным владельцем этих ресурсов.

ТЕХНОЛОГИИ ГЕНОЦИДА

О кошмарах «демократической России» написаны тома. Но что же делать? Прежде всего, думать. Тщательно анализировать ситуацию. Искать нестандартные пути, ибо ни страна, ни мир никогда не были в столь критическом положении.

Главная задача оппозиции — искать источники силы. Главный источник силы — народ. Таково убеждение многих патриотов. Бесспорно, патриоты страны — выразители интересов народа, его защитники. Однако стоит задуматься — а справедливы ли положения, которые патриоты считают ведущими в выработке технологии сопротивления: «народ всегда прав», ситуацию разрешит «стихийное народное восстание», «народ должен выбирать власть» и т.п. Справедливо ли мнение — искать в народной массе главную движущую силу перемен? Не заблуждение ли это, ведущее тех, кто хочет спасти страну, по ложному пути?

Демос-охлос-биомасса

Советский Союз сломали дважды — была разрушена страна, разрушен менталитет советского человека. Бескорыстного коллективиста, имевшего главной ценностью интересы страны, перевоспитали в алчного эгоиста, единственная цель которого — деньги, личное благополучие любой ценой. Перевоспитание прошло на диво легко потому, что апеллировало к низменным инстинктам. Деградировать легче, чем развиваться.

Да и коммунисты обеспечили либералам высокие стартовые позиции, игнорируя элементарные нужды людей, сделав символом СССР пустые магазины и колбасные поезда. Контраст с изобилием сверкающих супермаркетов оказался слишком силён, советский человек не выдержал и растворился — в шопинге, в адской работе ради копеечки. Несгибаемые строители коммунизма быстро восприняли идеалы «сладкой жизни» своих недавних идейных противников и в жажде скорого богатства ринулись за Лёней Голубковым в финансовые пирамиды. Маятник был слишком смещён в одну сторону, потому так резко качнулся в другую.

Дураками легче управлять, их легче заставить голосовать как нужно, покупать то, что им не нужно, поэтому хозяин нынешнего мира — международная финансовая мафия — направляет немалые средства на дебилизацию социума. «Западу удалось решение невероятной по важности задачи, о чём правители прошлого могли только мечтать — создать из населения полностью контролируемую и послушную толпу, которой можно манипулировать как вздумается и от которой можно получать одобрение самых жестоких авантюр» (С. Кожемякин. «Битва за Ливию»).

Приходится признать — государственные и общественные отношения в России развиваются таким образом, что неуклонно понижают статус народа. При царях мощный, сильный духом русский народ стал именоваться народными массами, при коммунистах трудящимися массами, во время горбачевской «перестройки» он превратился в безликий «электорат», в эпоху «реформ» народ исчез из лексикона властей предержавших, получив определение — «биомасса». И это — не оскорбление, а простая констатация фактического состояния полубезумного безразличия проживающего на территории России людского сообщества ко всему происходящему.

Сущностям, с виду разумным, всё совершенно безразлично. Они не стремятся к своей национальной самоидентификации, им не нужны собственные реки, леса и моря, их не интересуют, в чьи руки уплывают несметные богатства, лежащие в недрах исконно русских земель. Они утратили даже такие основополагающие рефлексy, как страх за свою собственную жизнь и за будущее своих детей, утратили способность бороться за свои права. Им нужно только есть, спать и получать как можно больше развлечений.

Поскольку «биомасса» по определению не приспособлена думать, а тем более требовать для себя соблюдения элементарных правовых норм, принятых в любом развитом обществе, то она безропотно принимает рост цен и тарифов на услуги. Она вполне безболезненно переварила целый ряд законодательных актов, направленных на ущемление её законных интересов: фактическое упразднение КЗОТа, отмену социальных льгот (бесплатного образования и медицины). Удивительно, всё это начало происходить еще в СССР, где впервые в мире ценой небывалых в современной истории людских и материальных потерь были достигнуты выдающиеся завоевания в социальной и гражданской сферах.

Поскольку с мнением «биомассы» не обязательно считаться, для неё отменили порог явки на избирательные участки, что в сочетании с отменой права голосовать против всех превратило акт волеизъявления народа в дешёвый фарс. Биомасса — сообщество блаженных простаков, не достойных называться народом, позволила отобрать у себя всё, что можно.

М. Делягин так определил суть происходящего в России:
«Вот мы все время говорим, что наше государство неэффективно. Дорогие вы мои! Российское государство — самый эффективный управленческий организм, мне известный. Просто не нужно путать цель, которую оно на самом деле преследует, с лапшой, которую оно попутно вешает на наивные уши. Нынешнее государство — это инструмент по переводу биомассы, официально

именуемой «российское население», в личные богатства чиновников, хранящиеся в фешенебельных странах. Когда мы говорим, что это устройство неэффективно, то ведём себя как овцы, которые между собой обсуждают «ужасную неэффективность» скотобойни. Нынешнее государство работает хорошо: просто у него другой функционал. Когда человек говорит о его неэффективности, это звучит примерно так же нелепо, как гипотетические разговоры евреев в 1942 г. о неэффективности Освенцима».

Сумеречное состояние российского общества отмечают многие видные аналитики патриотического крыла. Вот мнение доктора философских наук Е. Т. Бородина: «Реакционными силам удаётся держать общественное сознание человечества в помутнённом состоянии».

Кандидат философских наук Полина Федотова, отмечая «невежественность массовых представлений», пишет: «Увы, но наше общество оказалось не на высоте исторических задач — ни в нравственном, ни в интеллектуальном отношении. Ему оказалось не по плечу бремя советского человека. Трусливые ученые, с умным видом тиражирующие заведомую дурь; молодые тупоголовые бычки, с упоением клеймящие «совковое прошлое»; глумливая, выжившая из ума и таланта «творческая интеллигенция», чьё место разве что в зоопарке рядом с макаками; одуревшая от даровых денег буржуазно-бюрократическая верхушка, орущая о себе «элита, элита, элита!» и выставляющая напоказ свое мнимое, жюльнически обретенное превосходство; но главное — пассивное одураченное большинство, не имеющее воли даже на то, чтобы выкинуть к чёртовой матери телевизор — это оружие массового поражения, — разве такому народу по плечу груз всемирной истории? Карикатурные правители, карикатурная независимость, карикатурная демократия, карикатурные зарплаты, карикатурное всё-всё-всё, — и это Россия?!? Разве такая страна способна взять на себя ответственность за судьбы мира, если она оказалась неспособной разумно распорядиться собственной судьбой?» («Час Быка: размышления на развалинах державы»).

Ожидание бурной реакции массы народа на политические события вообще вряд ли оправдано. Оно вытекает из ставшей привычной за десятилетия ложной доктрины марксизма-ленинизма о ведущей роли народа, пролетариата в исторических событиях. Во все эпохи политическую ситуацию определяла небольшая группа людей, в то время как массы людей решали свои личные дела. Стоит вспомнить пушкинское:

*Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.*

*К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.*

В различные эпохи степень политизации народа менялась, увеличиваясь на тяжёлых этапах истории, однако патриотизм в той или иной степени сохранялся всегда. Сегодня, в период относительного благоденствия, созданного научно-технической революцией, обеспечившей массе людей комфорт за счёт эффективного ограбления планеты, демос, ответственный за судьбу своей страны, превратился сначала в охлос, озабоченный только личными интересами, а затем в биомассу, которой на всё, даже на себя и своих детей, наплевать. В Советском Союзе степень политизации была высокой, отличительной чертой советского человека был патриотизм. Сегодня уровень общественного сознания российского общества упал так низко, что следует опасаться гибели страны. Народ превратился в биомассу западного образца.

Возникает вопрос — является ли деградация общества естественным процессом? Является ли такое коллективное безумие добровольным или оно возникло в результате применения специальных методов, влияющих на массовое сознание? Ответ на этот вопрос очевиден: ни один народ не отдаст добровольно свои богатства, свои права и свободы. Значит, их отняли силой или более изощрёнными методами.

Было применено и то, и другое. Мы не забыли «Чёрный октябрь», танковый расстрел «Белого дома», кровавые расправы на Красной Пресне и в Останкино. Кроме того, имел место выборочный террор, направленный против лидеров патриотического сопротивления. Но удержаться непопулярный режим смог в основном благодаря изощренной манипуляции сознанием, впервые подробно описанной в трудах С.Г. Кара-Мурзы.

Каждый человек постоянно сталкивается с этими методами в повседневной жизни. Это — агрессивная навязчивая реклама, выборные «пиар-технологии», построенные по мозаичному принципу блоки новостей в СМИ, преднамеренно частое повторение одних и тех же ключевых фраз в различных теле- или радиорепортажах. Мы встречаемся с прямой пропагандистской ложью в главных оценках событий в «либеральных» СМИ и с полуправдой в частностях.

Становится стандартом «демократической мысли» отсутствие достоверной информации о наиболее важных событиях, преднамеренное искажение одних фактов, замалчивание других, разумеется, вместе с неременной демонстрацией насилия и жестокости, которые призваны вызвать паралич воли у

обывателя. На ТВ этот бульон отравляющей дезинформации подаётся на фоне непрерывных низкопробных, растлевающих программ, гламурных или популяризирующих патологий сюжетов. Они прерываются крайне нежелательным для человеческого восприятия мельканием разрозненных видеоклипов — всё это призвано сформировать особое «размытое» состояние психики у рядовых потребителей информации. Оно граничит с невменяемостью, поскольку блокирует всякую способность к анализу и здравым оценкам.

Оружие опасней ядерного

Советский Союз был уничтожен посредством войны нового типа, где важнейшую роль играет информационно-организационное оружие. Выступая в начале 80-х годов прошлого столетия на одном из заседаний Бильдербергского клуба, З.Бжезинский сказал: «Важно не то, что происходит на самом деле, а то, как это воспринимает общество». В этой фразе заложен главный смысл понятия «информационная война».

Метод обработки сознания — информационные войны, в которых людей не убивают, а программируют. Человек представляет собой информационную систему, которая воспринимает информацию, обрабатывает её и принимает на её основе решение. Значит, возможны алгоритмы, с помощью которых людей можно программировать, можно управлять их настроением и поведением, регулировать репродуктивные способности, инициировать разрушение психики или полное самоуничтожение.

Информационное оружие (СМИ, Интернет, книги, газеты, журналы), воздействуя на человека, изменяет его психофизическое состояние в нужном для агрессора направлении. Оно носит скрытый и массовый характер, а потому более опасно, чем оружие ядерное.

Благоприятная для обработки сознания матрица поддерживается нищетой, безработицей, алкоголем, наркотиками, пропагандой разврата. Чем примитивнее человек, тем легче он поддаётся зомбированию, поэтому деградация образования, науки, культуры породила толпы умственных инвалидов.

Среди технологий манипулирования общественным сознанием следует выделить нейролингвистическое программирование (см. работы Т.Л. Мироновой), перекодировку социокультурных установок путём внедрения культа секса, жестокости и насилия в сочетании с культом наживы; создание «чёрных дыр» или ментального хаоса в сознании посредством формирования фрагментарного (мозаичного) типа мышле-

ния. Сознанием людей управляет тенденциозная подача репортажей, утаивание или преднамеренное искажение сути происходящих в стране событий, вбрасывание ложных постулатов общественного развития, подрыв национальных традиций, морально-этических норм и устоев.

Перечисленные технологии ведут к целенаправленной дебилизации населения, к превращению народа в послушных, бездумных рабов, в безвольную биомассу, слепо выполняющую тайные установки закулисных манипуляторов.

Россия — не первая и не единственная жертва информационного агрессора. Народы стран «цивилизованного Запада» первыми испытали действие этого оружия на себе. Приведём несколько цитат из книги бывшего сотрудника британских спецслужб Дж. Колемана «Комитет трёхсот».

«Мы реагируем именно так, как нас программируют».

«Разрабатывается психологический шаблон для всей нации».

«Содержанием программы Стэнфордского Фонда Чарльза Ф. Кеттеринга «Изменение образа человека» было: запрограммировать нацию на изменение».

«Америку сегодня можно сравнить с солдатом, вдруг заснувшим в пылу сражения. Мы, американцы, позволили ввергнуть себя в апатию, вызванную чрезмерными возможностями выбора. Изменения трансформируют окружающую нас среду, лишают нас воли к сопротивлению — мы становимся вялыми, апатичными и, в конце концов, засыпаем в разгар битвы».

Хотя не все люди одинаково подвержены программированию, при определённых условиях большинство демонстрирует стереотипы поведения, плохо совместимые с рациональным мышлением. Так, например, в трудных, критических ситуациях, когда остаётся мало времени для раздумий, у большинства людей временно блокируются центры, отвечающие за взвешенный анализ ситуации и вместо принятия правильного решения большинство следует интуитивной посылке: «Делай, как все!».

В стабильном процветающем обществе трудно влиять на психику людских масс, поэтому информационному агрессору выгодно создать хаос, в котором легче навязать своей жертве желаемую модель поведения.

Например, накануне подписания Беловежских соглашений, которыми был разрушен СССР, в СМИ была проведена огромная работа по дискредитации вождей КПСС, идеологии социализма. Результатом информационной агрессии стало самоубийственное бездействие масс в решающий момент.

Так же безмолвствовал народ и в октябре 1993 года, несмотря на кровопролитие, предпринятое Ельциным после консультации с американскими специалистами, поскольку

СМИ усиленно вбивали в массовое сознание образы «плохих людей» — защитников Дома Советов, пугали угрозой гражданской войны.

Сегодня подобные информационные диверсии идут одна за другой, создавая в массовом сознании образы кровожадных сербов, с которыми борется любимец европейского политического бомонда «демократ» албанец Хашим Тачи, при котором в Косово широко развернулась торговля наркотиками, человеческими органами и людьми.

В искусственных декорациях снимаются картинки о злодеяниях «диктатора» Каддафи, от которого «спасали» народ Ливии «гуманитарные» бомбардировки, кровавые акции спецназа стран НАТО и толпы дикого отребья, романтично названные «повстанцами».

В результате мировое сообщество бросает уничтожаемую страну погибать в одиночестве, не понимая, что очередь дойдёт до всех.

Итак, самый трагический итог двадцати лет «реформ» — массовая деградация социума, политический инфантилизм, а проще говоря, беспечность, граничащая с глупостью. Разрушение сознания массы людей путём подмены ориентиров, внедрения ложных фантомов вместо реальных целей — главное преступление «демократической» власти России.

Человек с разрушенным сознанием по приказу информационного агрессора уничтожает свою страну или не противится её уничтожению, убивает себя, включая механизм самоуничтожения.

Список счастья — режим самоуничтожения

Цель информационной войны — не только сделать общество подконтрольным финансовой мафии, но и снизить численность населения, сохраняя для правящей «элиты» стремительно скудеющие ресурсы планеты. Информационная война даёт беззатратный способ убийства — включение у людей режима самоуничтожения.

Чтобы убить человека надо завести его в трясины, поманив болотными огнями — фантомами, ложными идеалами и целями. Убийство — цель информационной войны. Что считали счастьем советские люди? Интересную работу, нужную обществу, хороший коллектив, дружную семью, детей.

Сегодня список счастья начинается с размера зарплаты. Именно зарплату называют главной характеристикой работы более 70% сегодняшних молодых людей. Идеалы оставшихся 30 процентов ещё хуже — они предпочли бы «срубить бабло»

вообще без работы. Словосочетание «интересная работа» вызывает у нынешнего молодого человека недоумение и презрение к произносящему эти слова как к архаичному «отстою».

Сегодня навязанная массам суть счастья — это обладание деньгами и всем, что они дают: вещи, удовольствия, красивую жизнь. В школе в небольшом городке учительница просит детей лет десяти: «Нарисуйте любимую вещь». Дети рисуют деньги. Таков итог информационной войны — инвалидами становятся с детства.

Сознание людей сознательно обужено, вбито в границы норы — дома, дачи, семьи. Обуженное сознание нехарактерно для русских — обитателей обширных территорий, сформировавших широту взглядов, души, характера. Навязанная обществу «норная психология», уродуя русский менталитет, убивает человека.

«Сегодня русский человек более напоминает иное существо — из тех, «кто глазом упирается в свое корыто», с местечковым крутозором и мешанской психологией, чьи узенькие представления не способны вместить не то что всемирный, но хотя бы общенациональный масштаб. Население современной России (которое трудно даже назвать нацией) утратило не только понимание своей исторической миссии, но и всякий интерес к тому, как страна выглядит в глазах остального мира» (П.Федотова, «Час Быка: размышления на развалинах державы»).

Хозяева общества потребления хотят иметь много прибыли, а потому они создали длинный список того, к чему следует стремиться, чтобы стать «счастливым»: престижная машина, вилла на море, яхта, навигатор, ноутбук, айфон, айпед, планшетник... Список бесконечен и нарастает с ужасающей быстротой. И потому «успешные» — главные потребители товаров и кредитов, самые преданные сторонники режима. Но они не приходят на избирательные участки. Просто потому, что гражданский долг — это за пределами их интересов, замкнутых кругом — офис, магазины, ночные клубы.

Чтобы угнаться и не попасть в «отстой», «успешному» надо работать по десять-двенадцать часов, потребляя кофе, сигареты, фастфуд... Всё это быстро приводит к необходимости экстракорпорального оплодотворения, виагры и килограммов других лекарств, т.е. к необходимости зарабатывать ещё больше денег. Гонка заканчивается на больничной койке, где сорока-пятидесятилетний «успешный» умирает от инфаркта, изумляя пожилых врачей, привыкших считать такой конец логичным для семидесяти-восьмидесятилетних.

Геронтологи считают, что сегодня старение людей начинается примерно на 20 лет раньше, чем 30 лет назад. У молодых

уже после 20 лет наблюдаются болезни стариков: эндокринные расстройства, артриты, сердечно-сосудистые заболевания вплоть до тяжёлых форм — инфаркт, инсульт. Бесплодием страдают более 40% мужчин детородного возраста. Около 50% нынешних выпускников школ не доживёт до пенсии. За последние семь лет число людей с заболеваниями сердечно-сосудистой системы стало больше в полтора раза (с 2,4 до 3,7 млн. человек), с онкологическими проблемами — на 17% (с 1,2 до 1,4 млн. человек). По продолжительности жизни наша страна занимает 162-е место в мире позади Папуа-Новой Гвинеи и Гондураса.

В провинции «список счастья» короче — накормить ребёнка, одеть его и т.д. Но и этот короткий список выполнить почти невозможно — заводы закрыты, колхозы погибли. А значит — две-три работы с грошовыми зарплатами, и опять гонка. Гонка, которая не оставляет ни сил, ни времени заняться здоровьем, задуматься над тем, что происходит, почитать, понять... Выпавшие из гонки уже на старте отчаяния и безнадежности выбирают более радикальный способ самоуничтожения — табак, алкоголь, наркотики. Одной из важнейших целей «демократических реформ» было присоединение России к рынку наркоторговли. Сегодня здесь число наркоманов, по неофициальным данным, достигает 6 млн. человек. Заметим, что наркоманов не лишают избирательных прав.

Наблюдается постоянный рост потребления алкоголя молодежью. Россия держит уверенное мировое лидерство по подростковому пьянству. Ужесточение наказаний за продажу алкоголя не работает. «По экспертным оценкам, если сохранятся нынешние темпы потребления спиртного несовершеннолетними — страна буквально вымрет через пару десятков лет». Если учесть параллельный процесс ухудшения народного питания, отмену госконтроля за качеством продуктов, которые начинаются химикатами и генетически модифицированными организмами, то ускоренное массовое вымирание и вырождение народа становятся ведущей тенденцией российской жизни.

Таков итог информационной войны; люди сами убивают себя, сами оплачивают собственную смерть, не только не заставляя мафию тратиться на вооружение, но и принося ей прибыли в процессе самоубийства.

Информационно-организационная война

Выстраивая наиболее удобное для управления и эксплуатации общество, финансовая мафия использует совместно с

информационным оружием организационные и экономические инструменты. Не принявшие ценностей «общества потребления», ставящие под сомнение официальную картинку событий, сохранившие способность мыслить, анализировать, имеющие собственное мнение, понимающие ценность таких понятий, как «Родина», «народ», — все эти люди отвергаются, не находят работу, не получают доступа к СМИ и политической жизни, для них закрыты все социальные лифты, их подвергают репрессиям

Не все люди одинаково подвержены насильственному программированию. Это зависит от наследственных факторов, нервной системы, интеллекта, от силы воли, способности к самоконтролю...

Оппозиция режиму сформирована уцелевшими в информационной войне. Поэтому в отношении к ним применяется другое оружие — экономическое, организационное и прямое силовое давление — террор. Реальная оппозиция — патриоты страны — выброшены с политического поля и из центральных СМИ, а её кандидаты отстранены от выборов. У них мало сторонников и средств, но много проблем. Не иссякает поток осуждённых за «разжигание розни» по пресловутым 280-й и 282-й статьям УК РФ. Сегодня уже около 2 тысяч истинных патриотов России брошены за решётку. Отдел «Э» по борьбе с экстремизмом терроризирует издателей патриотической литературы. Почти тысяча книг внесена в Федеральный список запрещённой «экстремистской» литературы. Список Святой инквизиции был короче.

Информационная война перевела все общественные институты в имитационный режим. Тотальная ложь стала нормой существования политики, бизнеса, культуры, науки. СМИ оперируют информационными химерами, конструируя нужную мафии фиктивную картину мира, власть действует по технологии шоу-бизнеса, имитируя демократию. Имитируется образование, здравоохранение. Правоохранительные органы имитируют положенную им по закону деятельность, в действительности защищая преступников от нормальных людей. Фармацевтический рынок забит подделками, продовольственный — полон опасными для здоровья имитациями продуктов, которые сделаны привлекательными с помощью добавок, красителей, стабилизаторов и т.п. Женская красота имитируется тоннами косметики, пластическими операциями. Искусство имитируется шоу-бизнесом. Сконструирован химерический перевёрнутый мир, где преступник провозглашается героем, герой — преступником.

Чтобы сконструировать подконтрольное общество, мафия осуществляет негативную селекцию под девизом «Лучшего убей!». Только принявшие ценности и правила игры перевёрнутого мира, общества потребления, покорившиеся власти мафиозных формирований (вспомним образцовую модель Кущёвки) получают награду в виде высокого статуса, высокой должности с хорошей зарплатой. Богатство — плата за глупость и подлость, за предательство Родины и народа, за покорность мафии, за толерантность. Толерантность — самое модное слово, её насаждение — важнейший инструмент информационной войны. Но толерантность — это непротivление навязываемому, чужеродному, неестественному, это заболевание психики, хотя и внедряется в общественное сознание как норма. Неприятие этой «нормы» жестоко карается террором так называемых «правоохранительных органов», защищающих хозяев насильственно перевёрнутого мира.

Епископ Пермский и Соликамский Иринарх указал на очень важную подмену значений, которая произойдет в этой идеологической конструкции: *«Сегодня мы сталкиваемся с новой, нетрадиционной для восточно-христианского мышления версией понимания этого заморского слова, которое пришло к нам из Англии от английского слова «tolerance», означающего «готовность благосклонно признавать, принимать поведение, убеждения и взгляды других людей, которые отличаются от собственных. При этом даже в том случае, когда эти убеждения-взгляды тобою не разделяются и не одобряются». Здесь очевидна лукавая подмена одного термина «терпимость» на другое понятие — «готовность», которая, и это совершенно понятно каждому, обозначает полную обреченность людей воспринимать без сопротивления во всех сферах общественной жизни все без исключения явления мира сего, которые не соответствуют их нравственным и культурным представлениям и традициям».* Отсюда рождается и навязывается, отметил епископ, совершенно абсурдная трактовка: «Толерантность — это когда тебя выживают из твоего дома, а ты не сопротивляешься».

Власть также формируется методом негативной селекции. Результатом стала власть наихудших — в интеллектуальном и морально-нравственном отношении, поскольку именно она адекватна целям правящей мафии. Кадровая политика мафии — назначать на высшие посты в государстве умственно и морально ущербных, чтобы получить несамостоятельных властных чиновников, контролируемых марионеток, которых удобно «держат на крючке».

В результате такой политики степень повреждения рассудка нарастает по мере продвижения вверх по существующей

иерархии — политической (властная вертикаль), экономической (олигархи), медийной (СМИ). Группа максимально-го повреждения рассудка — так называемые «элиты».

Группа максимального повреждения рассудка

Как считает профессор МГИМО В.Соловей в статье «Мы» и «они», нынешнюю «элику» характеризуют: «Во-первых, неспособность минимального предвидения. Во-вторых, тру-сость. В-третьих, управленческая слабость и отсутствие по-литической воли».

«Дело даже не в том, что российская элита отчуждена от народа культурно и социально, причём этот разрыв нарастает. Есть серьёзные основания полагать, что в социальном отно-шении она вообще не вполне относится к человеческому роду».

«Это не гипербола... в высших эшелонах элиты стреми-тельно размывается социальный инстинкт — фундаменталь-ное отличие человека от животного, то, что, собственно, де-лает человека человеком, превращая биологический вид в человеческую общность в подлинном смысле слова».

Для людей, у которых человеческая часть мозга изначаль-но была ослаблена в пользу животных отделов, «открылся уникальный исторический шанс, когда «звериное» начало оказалось не недостатком, а колоссальным исходным пре-имуществом. Естественно, оно вылезло наружу, стало пра-вить бал и адаптировать ситуацию под себя, а не адаптиро-ваться к ней. Говоря огрублённо, строить мир для хищников и дичи. Внешне это, безусловно, люди, причём зачастую не лишённые внешнего лоска и даже рафинированности. Но вот по своему социальному поведению, по своей глубинной (даже не осознаваемой ими самими) мотивации они уже пе-рестали быть людьми».

«Присущий российской элите ...тип социальности по сво-ей сути носит дочеловеческий характер, и в этом смысле он противоположен социальности человеческой».

«Базовая ценность элиты ... антидемократична, она пос-ледовательно и глубоко антагонистична субстанциально де-мократической ценности равноправия — подхода к индиви-дам как равным перед законом, моралью и разделяющим основные человеческие ценности».

«Отношения между «ними» и «нами» не объясняются толь-ко материальным неравенством, для их объяснения явно не-достаточны модели вроде социального отчуждения, классов-вой вражды и культурного разрыва... Есть нечто гораздо бо-лее глубокое и основательное — антропологический разрыв».

Про «социальный и личный эгоизм нравственно и интеллектуально одичавшей российской верхушки» пишет и цитированная выше П.Федотова, также сравнивая «элиту» с животными. «Пропаганда либерализма со стороны российской верхушки понятна и с её стороны оправдана. Она выиграла от развала страны и подобно разжиревшим от падали стервятникам двадцать лет питается её трупом. Война с её миллионами жертв — лакомое пиршество для гиен и шакалов. Но цепляние за либерализм основной массы населения, в правовом и социальном отношении отброшенной к началу XX века, говорит о ее полной интеллектуальной и человеческой несостоятельности. Массы двадцать лет демонстрируют животное неумение и нежелание осознать как свои социальные, так и национально-государственные интересы».

Нынешнюю «элиту» вполне устраивает жизнь во дворцах среди руин, в которые они превратили страну. Они разрушают свою страну и её армию, не боясь повторить судьбу усердных слуг международной финансовой мафии — лидеров Североафриканских государств. Их не пугает петля Хусейна, Гагская тюрьма и даже список по делу Магницкого, который уже назначил первых жертв среди них. Они разрушают нашу медицину и русское образование, тупо веруя, что выучатся и вылетчат на Западе, что спасут в западных банках свои деньги и в западных виллах — себя. Их не учит опыт Каддафи, в ответ на размещение в западных банках 38 миллиардов получившего бомбёжки, гибель детей и мученическую смерть. Убивать кредитора — обычная практика финансовой мафии. Царь Николай II тоже размещал деньги за рубежом накануне Февральской революции. Наконец, «элита» алчно высасывает недра, уродуя планету, и тупо верует, что спасётся в своих подземных бункерах от глобальной экологической катастрофы. Безумец у власти опасен, как обезьяна с гранатой. Тем более что у нынешних безумцев в руках оружие посерьёзнее.

Деграция общества

Разруха начинается в головах. В результате обработки сознания нынешнее российское общество пришло в плачевное состояние. Ситуация печальна во всех аспектах.

Как считает И.Гундаров, если бы рождаемость оставалась на уровне РСФСР 1980-х годов, без «демократических реформ», численность населения России была бы 177 миллионов человек, т.е. мы де-факто потеряли 34 миллиона. Русская нация стареет. За время президентства В.Путина число детей в стране упало с 33,5 до 26,4 млн. человек.

Наиболее катастрофично положение государствообразующего русского народа. Вот мнение заведующей отделом диаспор Института стран СНГ А.В. Докучаевой: «В момент отмены нашей страны — Советского Союза — за границами Российской Федерации оказалось свыше 20 миллионов русских, около 3 миллионов других российских народов. Но, безусловно, русские стали крупнейшим разделённым народом (по относительному количеству диаспоры — до 15% численности этноса). Программа переселения соотечественников в Россию идет ни шатко, ни валко. За первый год ее работы переехало 220 человек, вместо планируемых 100 тысяч»). Именно русские вымирают на территории РФ наиболее быстрыми темпами, демонстрируя и низкую рождаемость, в отличие, например, от народов Кавказа, где, несмотря на трудности, наблюдается бум рождаемости.

Процесс усиливается преступной политикой властей всех уровней, ввозящих в РФ иммигрантов по мотивам экономическим (их труд дешевле) и политическим (они «разрыхляют» русский социум, ослабляя его). РФ вышла на первое место в Европе по числу въехавших в страну иностранных рабочих. Только в Москву ежегодно прибывает около 2 млн. иностранных граждан. Идёт быстрое вытеснение русских мигрантами с территории РФ. Политика властей РФ всех уровней — русофобия.

Стравливание народов ради отвлечения их от борьбы с властью деформирует политическую позицию граждан, подменяя в их сознании реального врага видимым — на бытовом уровне.

Власть затягивает эту петлю всё туже: Н.Патрушев заявил, что необходимо снять квоты на иммиграцию гастарбайтеров, т.к. за ближайшие 15 лет население России сократится на 15 млн. человек вследствие демографического прогноза. Согласно прогнозу Росстата население России от 141 млн. к 2030 году сократится до 127 млн. при ежегодном миграционном приросте 200 тыс. человек. Однако согласно прогнозам Росстата за это время миграционный приток возрастёт до 630 тысяч в год.

Всё возрастающая часть пришельцев натурализуется, вступает в межнациональные браки, приходит в правоохранительные органы и властные структуры, организует этнические преступные группировки, контролирующиеся целые регионы — всё это размывает русский социум.

Известно, что реальные потребности в трудовой миграции невелики. Более того, её вообще можно исключить, если обеспечивать оптимальные вложения в человеческий капитал рус-

ского народа, в частности, в его демографию. Те, кто ставит крест на этом, намеренно выписывают приговор России, поскольку отлично понимают, что без русских как государство-образующего народа страна не просуществует. Кроме того, подсчитано, что подъём образовательного уровня хотя бы на один процент и повышение производительности труда на несколько процентов полностью снимает проблему гастарбайтеров за их ненадобностью, тогда как массовый приток носителей «кишлочно-аульной» культуры (с её низким образовательным стандартом) действует в прямо противоположном направлении. Но нашим распорядителям финансов сильно не хочется тратиться на русских. Что угодно, но только не это. Притчей во языцех стала бюджетная дискриминация русских областей, по сравнению с национальными автономиями.

Результат войны против разума — эффект безлюдья

Западное общество, а вслед за ним и российское продемонстрировало: человеческое сознание пластично, им можно управлять. Люди — это пластилин, из которого ловкие ребята могут лепить всё, что захотят. Впрочем, любой народ в массе — пластилин.

Приходится констатировать, что сегодня подавляющее большинство российского общества в той или иной степени — инвалиды информационной войны.

Тысячелетия войны мировой финансовой мафии против разума, против опасных для неё мыслящих людей тормозит прогресс человечества, толкает развитие по ложному пути построения технокцивизации, убивающей природу. Систематическое вырезание из общества генетически самых ценных экземпляров сдвигает в худшую сторону средний уровень члена социума.

Дискриминация квалифицированного труда и вообще трудящихся приводит к тотальной депрофессионализации. «Реформы» коренным образом изменили структуру рынка труда в России. Производитель не востребован. Востребован обслуживающий персонал. Сегодня самая массовая профессия «россиянина» — продавец.

Архитекторами мирового порядка для русского трудового народа определены сервисные функции — продажа произведённых на Западе товаров и добыча сырья. Во множестве расплодилось фиктивные специальности вроде пиарщиков, имиджмейкеров, фотомоделей, риэлтеров, брокеров и пр., основа которых — умение создавать ложный образ, информационную химеру.

Работа формирует человека. Советский завод, конструкторское бюро требовали знаний, честности, трудолюбия, энтузиазма, творческой жилки. Многочисленные «менеджеры» приобретают только одно умение — прислуживать. Служащие компаний — даже престижных — деградировали настолько, что получили название «офисный планктон». Перекошенный, разбитый рынок труда уродует молодых людей, закрывает им путь к наращиванию квалификации, закладывает основы будущих трагедий. Советский человек на работе рос. Человек «демократический» деградирует.

Результатом тотальной обработки русского общества стал эффект «безлюдья». Всё чаще звучит фраза: «Нет людей!» Её произносят политики — как оппозиционные, так и правящие. Немногие работающие предприятия не могут найти квалифицированных рабочих, техников, инженеров. В научных учреждениях остались одни старики.

Фальшивая технология — выборы

Выборы — спектакль для толпы. Результат выборов начертан заранее. Это понимают все, кто работает в практической политике. Однако год за годом сотни тысяч людей как замороженные попадают в эту ловушку, сжигая время и силы. Пустить активность масс по ложному кругу — обычная практика мафии.

Выборы поглощают гигантские ресурсы бюджета (выборы в Государственную Думу РФ стоят 7 млрд. рублей, выборы в Заксобрание, например, по Свердловской области — 310 млн. рублей — данные 2011 года), вредят экологии, истребляя леса ради производства предвыборной макулатуры, которая потом переполняет помойки

Верхушки парламентских партий материально заинтересованы в получении думских кресел, а потому не допускают ревизии технологии выборов, эти кресла ей приносящие. Рядовые же члены партий вынуждены, бегая по подъездам, расклеивать листовки, не имея времени задуматься: что изменят их усилия для них лично? Правдивый ответ — ничего.

Оппозиционные политики непарламентских партий раз за разом идут на выборы, регулярно проваливаясь, роняя свой авторитет и авторитет партии, убивая веру людей в эффективность сопротивления. Поглощённые суетой выборов люди не в состоянии видеть их ложную суть.

«Честные выборы!» — главный лозунг оппозиционных партий. Их члены закачивают гигантскую энергию в предвыборную мелочную суету, основанную на полной уверен-

ности в том, что, уточняя списки избирателей, увеличивая число наблюдателей и т.п., они смогут изблочить уловки власти и победить. Но стоит ли эта игра свеч? Разумеется, нет. Недавний тому пример — более 90% голосов, поданных за В.Матвиенко в Петербурге. Очевидно, что власть сбросила белые перчатки «демократии» и просто пишет нужную цифру. А предвыборная суэта — традиционная и бессмысленная — отвлекает силы и время партийцев, объективно способствуя их отставанию от быстро изменяющейся ситуации, их деградации.

1. Как известно, деградировавшее население всегда голосует за власть.

Молодёжь — успешная и тем паче безуспешная — выборы игнорирует. Основной контингент голосующих — престарелые женщины. Именно этот «народ» голосует за власть, не понимая, что она его убивает. Таков итог информационной войны: люди идут на самоубийство.

Русское общество надо лечить. В нынешнем больном состоянии оно неспособно делать осознанный, осмысленный политический выбор. Власть, преследующая интересы страны, должна была бы оградить массы несведущих людей от информационного агрессора, разработать эффективные средств защиты от массового применения информационного оружия, принять законодательные акты, ограничивающие его использование. Однако властные чиновники сами принимают активное участие в информационной войне. В предвыборный период её интенсивность достигает максимума.

За манипулирование общественным сознанием следовало бы назначить наказание, как за растление малолетних. Но нынешняя власть на этом растлении держится и запрещать его не станет.

Но даже если исключить зомбирование, технология «всенародные выборы» вызывает много вопросов. Что понимает человек из глубинки в хитросплетениях политических структур? Ничего не понимает в них и сытый самодовольный москвич. Москвичи вообще сформировали политический арьергард, ибо за двадцать лет в столицу отфильтровались люди, жаждущие прежде всего денег, принимающие ценности «общества потребления», комфортно прижившиеся в нём.

Токарь, пекарь, каменщик, портной вообще не обязаны знать тонкости политики. Их должны знать профессионалы — политический класс. Формирование власти — его дело. Механизм процесса формирования власти снизу может быть почерпнут из практики органов самоуправления, опыта русских земств.

Народ же имеет право оценить результаты труда власти, ориентируясь на качество своей жизни, как оценивает каждый из нас качество труда строителя или хлебопекаря. Отдать формирование власти в руки политического класса — не значит проигнорировать народ, унижить его. Просто каждый должен заниматься своим делом. Объявить всенародное голосование по поводу выборов командира экипажа самолёта, предложив домохозяйкам, учителям, дояркам, таксистам, танцорам решать, кто из предложенных кандидатов достойнее, — абсурд. Почему же всенародное голосование по поводу выборов власти считается делом естественным? Разве управлять государством проще, чем самолётом? Мы до сих пор не избавились от лукавой формулы, что страной может управлять кухарка. Кухарки страной никогда не правили. А эта формула — элемент информационной войны, имеющий целью исказить суть вещей.

Заставлять несведущего человека принимать политическое решение, которое он не способен принять, — циничный обман. И лозунг «Власть должен избирать народ!» — дешёвое, нечестное заигрывание с массами, удобная ширма для махинаций мошенников-политтехнологов, недурно зарабатывающих на так называемых «выборах».

В реальности власть должен формировать не народ, а политики-профессионалы с патриотическим мышлением. Проблема в том, что нынешний политический класс России — агенты влияния мировой финансовой мафии, занимающие антирусскую, антигосударственную позицию. Поэтому главная задача ведущих оппозиционных политиков сегодня — сформировать новый политический союз патриотов-государственников. Найти и сплотить тех, кто уцелел в информационной войне, кто не стал ментальным инвалидом, сохранил умение мыслить, понимать единство гражданина и его Родины. Сегодня, когда перед Россией возникла реальная перспектива исчезновения с политической карты мира, любой здравомыслящий человек должен понять, что именно через его сознание проходит та невидимая линия фронта, на рубежах которой развернута самая настоящая и, вероятно, самая главная битва за будущее России. И это сознание не должно быть игрушкой в руках циничных кукловодов.

ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВНИЗ

Мир «классического» западного капитализма полон больными проблемами. Эти проблемы возникали в западном мире постепенно и имеют более-менее застарелый характер.

Иначе обстоит дело с больными проблемами современной России и остальных бывших республик СССР. Они создали свои больные проблемы «из ничего», имея всё (кроме компетентной и ответственной перед народом власти) для того, чтобы их никогда не иметь.

Многие больные проблемы для бывших республик СССР породил социальный и исторический кретинизм внутри непосредственно нынешней России, однако надо заметить, что народы национальных республик СССР тоже постарались для этого немало. И в 2011 году исполнилось 20 лет с того момента, как Советская власть и сам СССР были обрушены.

Каковы же итоги первого антисоветского двадцатилетия? Ответ один: плачевные, мерзкие и провальные по всем направлениям за исключением создания у нас крупнейшего отряда милли-

ТЕХНОЛОГИИ ГЕНОЦИДА

ардеров. Даже верный ельцинец Михаил Полторанин определяет нынешнюю систему как «людоедскую».

Советский Союз за неполное предвоенное двадцатилетие, с 1923 по 1941 год, совершил наиболее впечатляющий в мировой истории цивилизационный и экономический рывок. Даже послевоенное «японское чудо» не идёт ни в какое сравнение с «русским чудом» как по темпам и масштабам преобразований, так и потому, что Япония пользовалась, во-первых, помощью США, во-вторых, в японском обществе не было фактора вредительской и внешней подрывной деятельности (сильно осложнявшей наше развитие), и в-третьих, Япония в период послевоенного экономического рывка не была обременена расходами на оборону. Зато СССР накануне войны был вынужден до 40% бюджета выделять на подготовку к отпору внешней агрессии, да и после войны оборонный бюджет был вынужденно большим. Тем не менее СССР за все периоды своей мирной истории до «горбачёвского» 1985 года только наращивал свой ВВП и свои всесторонние возможности.

В Интернете можно найти ссылки, например, на данные бывшего советника В. Путина А. Илларионова о соотношении ВВП России (СССР) и США за период с 1885 по 2005 год. Итоговый график ясно показывает, что в Российской империи этот показатель (относительно уровня США) почти постоянно снижался, зато в период с 1929 по 1940 год — в годы первых сталинских пятилеток, наблюдался непрерывный впечатляющий рост. Причём надо помнить, что царская Россия увязала во внешних долгах, и её экономика всё более переходила в руки западных инвесторов, в то время как СССР создал и развил экономику, принадлежащую народам СССР.

Первые двадцать послевоенных лет развития СССР, с 1945 по 1965 год, были ещё более впечатляющими, чем довоенные годы, особенно если помнить, что:

— в 1945 году почти вся европейская часть СССР лежала в руинах;

— сразу же после войны мы были вынуждены отвлекать огромные средства на оборонные цели (прежде всего — на создание ракетно-ядерного щита);

— Советскому Союзу не помогал никто, зато Советский Союз помогал многим, особенно Китаю;

— развитие СССР уже тогда тормозили новая «пятая колонна», перерождающаяся часть руководства и глупость хрущёвцев.

Даже второе послевоенное, «брежневское», двадцатилетие СССР, с 1965 по 1985 год, изменило страну в материальном и

образовательном отношении резко к лучшему, хотя темпы роста ослабли — все более сказывалась «реформа» 1965 года, разложение «элиты» и подрывная работа «кротов» в экономике.

В среднем же СССР в течение 63 лет, с 1922 по 1985 год, развивался в два раза быстрее, чем Соединённые Штаты, и только после прихода к власти Горбачёва кривая соотношения ВВП СССР и США сразу резко поползла вниз. Известный блогер Сергей Лопатников, комментируя график А. Илларионова, пишет:

«Если за 18 довоенных лет положение СССР относительно американского уровня улучшилось втрое, то за 12 постгорбачёвских лет душевой ВВП почти втрое упал. Страна вновь провалилась до «африканского» уровня в 18% от душевого дохода США. Падение практически такое же, как в результате нападения Гитлера на СССР».

Интегральная ситуация в следующие восемь постгорбачёвских (то есть — ельцинско-путинско-медведевских) лет лишь ухудшилась. Первое же антисоветское двадцатилетие стало двадцатилетием тотального маразма и нарастающей социальной безысходности. И если в России сохранятся антисоветизм и капитализм, второго антисоветского двадцатилетия у нас просто не будет — крах наступит раньше.

Показательная примета и порождение нашего Мутного времени — московская праволиберальная «Новая газета». Она — своего рода коллективное зеркало внутренне прогнившей «россиянской» «интеллигенции». Но даже «Новая газета» в каждом номере публикует ошеломляюще разоблачительные данные о всестороннем разложении и одряхлении «россиянского» общества. Впрочем, подобные данные то и дело попадают даже в сводки телевизионных новостей, их можно найти в десятках полуофициозных и даже официозных изданий, включая академические журналы.

Все «прелести» жизни геополитического и духовного кастрата, называемого «Российской Федерацией», у всех на виду. О них пишут, повторяю, даже официозы, о них сообщают даже официозные телекомментаторы, не говоря уже о ведущих и участниках различных телевизионных дискуссий.

Будет, пожалуй, достаточным лишь бегло оценить: что представляет собой нынешняя Россия в качественном отношении? Особенно если сравнить её с СССР.

Внешнеполитическое положение несравнимо! Советский Союз был не просто одной из двух сверхдержав! Он имел в мире подлинный авторитет, обусловленный не только военной (как у США), но и моральной силой (чего у США не было).

Внешняя же политика путинско-медведевской России заслуживает лишь презрения. Даже в очевидной ситуации, когда необходимо было принимать в состав РФ Южную Осетию и Абхазию, путинско-медведевский Кремль мог лишь оглядываться на разного рода «дядей» из-за рубежа. И оглядывается на них постоянно.

Внутриполитическое положение нестабильно и плохо управляемо с перспективой перехода в вообще неуправляемое. Летом 2010 года Кремль длительное время фактически равнодушно наблюдал, как Россия выгорает, так и не мобилизовав на борьбу с пожарами все национальные ресурсы. Выводов после катастрофы не сделано фактически никаких. Государство всё более подчёркнуто равнодушно относится даже к насущным социальным нуждам народа.

Геополитическое положение плачевно. СССР был окружён защитным поясом дружественных государств. Вокруг России — пояс государств недружественных или враждебных. При этом ряд государств можно без особых трудов превратить в дружественные, но нынешнему Кремлю этого не требуется, потому что этого не надо Западу. Историческая Россия испокон веку была собирательницей народов, и СССР в полной мере воспринял эту вековую русскую традицию. Нынешний Кремль боится идей нового воссоединения как чёрт ладана.

Права человека по сравнению с положением в СССР не обеспечены и близко. Советские люди жили в атмосфере уверенности не только в завтрашнем дне, но уверенности в своём благополучии до гробовой доски. «Дорогие россияне» от мала до велика живут одним днём.

На зарвавшегося чиновника или руководителя в СССР при объединении коллективных усилий можно было найти управу по крайней мере в партийных органах, игравших роль хотя и недостаточных, малоэффективных, но *хоть каких-то* реальных обратных связей между чиновниками и народом.

Сегодня любые жалобы тонут, как камень в болоте. Высшая власть публично разводит руками и предлагает «утопающим» самим заниматься своим спасением. Доброго дядю Стёпу-милиционера, расходуя на это сотни миллиардов рублей, нынешний Кремль заменяет на «полицая», превращая свой режим в полицейский в прямом смысле этого слова. При этом даже в Вооружённые силы начинают поставлять полицейскую технику. Зачем?

Экономика всё более превращается из былой второй в мире в колониальную «отвёрточную». Производительность труда ниже советской в два-три раза почти повсеместно. Дефицит

квалифицированных рабочих кадров уже в ближайшей перспективе превратится в национальную катастрофу, а нынешний Кремль способен по этому поводу лишь фарисейски разводить руками и возглашать пустые призывы.

Уровень заработной платы по сравнению с развитыми странами оскорбителен, даже с учётом того, что в странах «золотого миллиарда» до 40 и более процентов заработной платы приходится на часть, уворованную капиталом у туземных трудящихся стран «третьего мира» для задабривания трудящихся ведущих стран Запада.

В 80-е годы СССР занимал третье место в мире по производству станков, после Японии и Франции, одна РСФСР выпускала до 80 тысяч металлорежущих станков в год. В 2007 году их производство составило в РФ 14 тысяч. Тот факт, что в РФ ещё существуют авиакосмическая отрасль, какое-то машиностроение и другие наукоёмкие отрасли, объясняется не успехами режима, а тем огромным запасом прочности, который заложила почти во всех сферах жизни общества классическая советская эпоха. Слово «почти» употреблено выше недаром. Есть одна такая важнейшая сфера экономической деятельности, которая по самой своей природе не может иметь большого запаса прочности и особенно зверски исковеркана нынешним режимом. Эта сфера при умном, хозяйском отношении к ней способна расцвести буквально в считанные годы, и так же в считанные годы она деградирует при подлом к ней отношении. Я имею в виду, конечно же, сельское хозяйство. Оно уничтожалось и уничтожается режимом вполне сознательно. В СССР хорошо работающий колхозник в среднем колхозе был не просто обеспечен, но был обеспечен хорошо. Из села шёл постоянный поток способных выпускников сельских школ в любые вузы СССР. А вот что сегодня наблюдается в сёлах, например, Забайкалья (из газеты «Советская Россия»): «Зарплата всего тысяча рублей в месяц. Ладно бы ещё платили их, а то ведь и этих денег не видим... Пьяницы высасывают пенсии у пожилых родителей и рассчитываются с продавцами зелья, отправляя потом своих детей попрошайничать, бродяжничать...»

Эту качественную социальную картину вряд ли необходимо сопровождать цифровыми данными упадка сельского хозяйства — цифры вполне под стать описанному выше.

Межнациональные отношения в СССР в некоторых республиках стояли порой остро, но самые сложные конфликты той поры — детские ссоры по сравнению с тем, что мы имеем теперь в отношениях с остальными национальными республиками и в отношениях республик друг с другом. Если срав-

нить проблемы, например, такого национального района, как Северный Кавказ, имевшиеся в социалистическом Советском Союзе и сформированные «россиянским» капитализмом, то можно понять, как разлагающе и деструктивно влияет капитализм на обострение национальных проблем. В социалистических (пусть в каком-то отношении и формально) Дагестане, Чечне, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Осетии, Кабардино-Балкарии имелось много проблем, но это были прежде всего проблемы развития. «Россиянский» капитализм всего за два десятилетия почти полностью уничтожил итоги кропотливой созидательной работы социализма на Северном Кавказе, зато породил комплекс тяжелейших проблем, которые может вновь начать решать только новый социализм.

Оборона... Ракетно-ядерная мощь СССР полностью включала угрозу любой войны против народов СССР. Сегодня на территории России претендует даже Эстония. Состояние Вооружённых сил удручающее, а символом военно-политического кретинизма и одновременно коррумпированности нынешней власти можно считать проект закупки у Франции десантных кораблей типа «Мистраль». Абсолютно ненужные России, они отрывают от бюджета те сотни миллиардов рублей, которых якобы не хватает на стратегическую оборону, и привязывают «Россиюнию» к НАТО.

Ранее армия была плотью от плоти народа, и не было в СССР более любимого народом человека, чем солдат срочной службы. Сегодня телевизионные каналы представляют современную армию сборищем полудиотов при полном отсутствии протестов со стороны военных руководителей, включая самого «Верховного главнокомандующего». Впрочем, за «россиянскими» Вооружёнными силами нынешний Кремль резервирует, похоже, роль будущих палачей собственного народа. А ведь в СССР не только крылатой фразой, но и реальной нормой жизни был принцип «Народ и армия едины!»

Наука... Символом деградации бывшей советской науки и деградации государственных подходов к науке сегодня становится проект Сколково. Это мертворождённое детище «россиянского» капиталистического кадавра за счёт огромных субсидий пытаются пробудить к жизни, в то время как существующие научные центры и школы уничтожаются нынешним Кремлём с упоением садомазохиста.

Приведу несколько цифр. Финансирование науки сократилось с 4,7% национального дохода в годы СССР до примерно 0,4% в начале 2000-х годов, и сегодня, несмотря на официальный энтузиазм, сдобренный беспардонным враньём, положение лишь ухудшается. Осенью 2004 года прези-

дент Путин на заседании Государственного совета признал, что за последние 10 лет финансирование науки сократилось в 10 раз, что оно в 200 раз ниже, чем в США. Это было сказано почти в конце первого президентского срока Путина, и сказано о сокращении расходов на науку по сравнению с 1994 годом, когда национальный доход «Россиянии» был уже не сравним с национальным доходом РСФСР и СССР. Потери РФ только от эмиграции учёных составили за последние двадцать лет не менее 200 миллиардов долларов, а с учётом потерь от фактического прекращения развития науки и высшего образования эту цифру надо по крайней мере утроить!

Культура упала до такого низкого уровня, что сегодня деятелями «культуры» и производителями якобы «культурных ценностей» сплошь и рядом оказываются люди, настолько интеллектуально примитивные и духовно развращённые, что разврат ума, души и тела уже не считают развратом. Глядя на нынешних «россиянских» «виртуозов»-бизнесменов от концертного рояля, Святослав Рихтер и его товарищи по искусству переворачиваются в гробу. А ведь на фоне нынешних «культуртрегеров» типа Анфисы Чеховой или Ксении Собчак даже эти бизнесмены от классической музыки выглядят чуть ли не продолжателями традиций того же Рихтера.

Телевидение, особенно кабельное, превращается в почти тотально антиобщественную силу, разрушающую личность, общество и любые положительные общественные связи. Простое сравнение советских новогодних «Голубых огоньков» и нынешних новогодних телевизионных «винегретов» и «оливье» всё ставит на свои места и особых комментариев не требует.

Народное образование всё более сводится к обязательному пению и необязательной физкультуре. Что же до высшего образования, то если в СССР студенты учились, порой подрабатывая, то в «Россиянии» студенты работают, как-то подучиваясь. По ряду опросов, Московский государственный университет из первой пятёрки университетов мира при СССР переместился в низ первой сотни.

Охрана здоровья и медицина... Когда-то, во времена Сталина, Запад с завистью смотрел на то, как в СССР развивается совершенно новый тип здравоохранения — профилактическая медицина. Сегодня, по разным оценкам, то ли каждый третий, то ли даже каждый второй диагноз в РФ является заведомо неправильным.

Клятву Гиппократу впору заменять присягой Шейлоку, шекспировскому купцу, требовавшему в счёт уплаты долга фунт живой человеческой плоти. Впрочем, кадавр капита-

лизма, властвующий сегодня и в «России», сделал метафору реальностью, превратив в товар живые человеческие органы и тельца младенцев.

Жильё... Средний срок его бесплатного получения составлял в СССР десять лет. При этом в СССР было реальным выполнение к 2000 году такой жилищной программы, когда проблема жилья была бы решена практически полностью. Сегодня для 90 процентов «дорогих россиян» жильё — одна из наиболее больших проблем.

Физическая культура и спорт... Советский спорт был одной из ярких черт жизни СССР и мира, а выдающиеся советские спортсмены даже внешне олицетворяли созидательность нового строя. Футболисты Лев Яшин, Олег Блохин и Слава Метрели, гимнастки Лариса Латынина и Людмила Туришева, штангисты Юрий Власов и Давид Ригерт, легкоатлеты Валерий Брумель и Валерий Борзов, боксёр Валерий Попенченко, хоккеисты Всеволод Бобров, Борис Майоров, Анатолий Фирсов покорили соотечественников и иностранцев не только спортивными успехами, но и особым обаянием советского характера.

Давно превращенный из спортивного в массмедийное мероприятие чемпионат мира по футболу, который предполагается провести у нас в 2018 году, оказывается яркой заплатой на ветхом рубище «россиянского» «спорта». Олимпиада в Сочи нужна кому угодно, только не народам России. Сегодня «россиянский» «спорт» олицетворяют несколько срочно взращённых кремлёвскими дотациями чемпионов, рекламирующих ширпотреб и кремлёвский режим. Советские любители футбола и хоккея увлечённо обсуждали ход чемпионатов СССР, а «россиянские» — Англии и Гондураса.

Детство... Лозунг «Единственный привилегированный класс в СССР — дети» в Советском Союзе не был формальным. Забота о детях начиналась задолго до их рождения — с женских консультаций, с организации родильных домов, молочных кухонь и системы охраны здоровья матери и ребёнка. Дворцы пионеров, станции детского технического творчества и юннатские станции, развитая система оздоровления детей в летних пионерских лагерях — это всё было в СССР привычными, никого не удивляющими деталями быта.

Ныне понятие «физкультура» как примета детства отходит в прошлое, оставаясь только как необязательный школьный предмет, вытесняющий историю, географию, физику... Советские же мальчишки, успевая изучать эти и добрый десяток других предметов, массово участвовали также в соревнованиях клубов «Кожаный мяч» и «Золотая шайба».

Да ведь и вообще досуг детей был наполненным и разнообразным, не кастрированным вечным сидением перед телевизором и не ископанным уродующими душу и разум компьютерными играми. Даже естественная тяга детей к физической активности превращается в карикатуру в виде детских стаек на роликовых коньках или скейтбордах. В результате формируется не нормальная атмосфера общения, а публичное одиночество ребёнка.

Обеспечение достойной старости. В СССР средняя пенсия находилась на уровне 120 советских рублей, составляя примерно 60 процентов от средней заработной платы. И это — не считая примерно 20—30 рублей в месяц дотаций из общественных фондов на оплату жилья, лекарств, проезда и т.д. Средний советский пенсионер, а тем более семья из двух пенсионеров, мог жить вполне полноценной жизнью за счёт исключительно пенсионного обеспечения.

Сегодня при примерном коэффициенте увеличения стоимости жизни в номинальных рублях в 150 раз средний пенсионер в РФ должен получать пенсию не менее 20—25 тысяч «россиянских» рублей для того, чтобы она была на уровне былой советской.

Реально же средняя пенсия не составляет и половины, а то и трети, а то и менее от этой суммы. Соответственно, пенсионеров можно считать наиболее ограбленной Кремлём и «россиянским» государством категорией населения. Однако информационный террор печатных и электронных СМИ, убивающий у людей способность думать, не даёт им ясно осознать всю подлость ситуации в сфере социального обеспечения старости. Как ни странно, устойчивой частью избирателей, голосующей за Путина, Медведева, «Единую Россию», стали именно «россиянские» пенсионеры, особенно сельские. А ведь они как раз могли бы сравнить жизнь прошлую и нынешнюю.

Но с «дорогими россиянами» нынешний Кремль и все остальные «кремли», вплоть до сельских, поступают как с людьми, уважения не достойными.

Внешний мир смотрит сейчас на русских с плохо скрываемой смесью презрения и недоумения.

К ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ ИТОГАМ ПЕРЕПИСИ 2010 ГОДА

28 марта 2011 года «Российская газета» №64 опубликовала вторые предварительные итоги переписи-2010. Точно также, девять лет назад, 25 апреля 2003 года «Российская газета» №80 обнародовала вторые предварительные итоги переписи-2002. В подаче информации обнаруживаются два различия.

Первое различие. Восемь лет назад 25.04.2003 г. нам напомнили численность постоянного населения РСФСР—РФ по результатам предыдущих переписей:

1959 (на 15 января) — 117 239 600,
1970 (на 15 января) — 129 941 200 («плюс» 12 706 600),
1979 (на 17 января) — 137 409 900 («плюс» 7 468 700),
1989 (на 12 января) — 147 021 900 («плюс» 9 612 000),
2002 (на 9 октября) — 145 181 900 («минус» 1 840 000).

28.03.2011 г. эти результаты предыдущих переписей не опубликованы, и понятно почему. 03.11.2010 Росстат сообщил первые предварительные итоги переписи-2010, в которых показал, что

ТЕХНОЛОГИИ ГЕНОЦИДА

численность постоянного населения РФ — **141,18 млн.** На тот момент изменение численности населения между переписями составило — **«минус» 4 млн.!** Но 28.03.2011 Росстат сообщил, что численность постоянного населения РФ — **142 905 200.** По сравнению с переписью-2002 изменение составило — **«минус» 2 276 700.** Как мы видим, за неполные пять месяцев населения «досчитали» на **«плюс» 1 725 200,** и показатель заметно улучшился.

Второе различие. Тогда, 25.04.2003 г., Росстат показал, «почему нас стало меньше»: «Общее снижение численности населения за 1989—2002 гг. — **«минус» 1 840 000.** Показал, что естественная убыль за 1989—2002 гг. составила — **«минус» 7 399 800** (родилось — 20 540 000, умерло — 27 939 800), а **миграционный прирост** — только **«плюс» 5 559 800** (прибыло — 10 975 500, выбыло — 5 416 700). 28.03.2011 г. такой детализации изменения численности постоянного населения РФ Росстат не показал. Попробуем понять, почему.

03.11.2010 г. Росстат сообщил: «По первым результатам мониторинга хода проведения Всероссийской переписи населения 2010 года в переписные листы внесено **141,18 млн. человек, постоянно** проживавших на территории РФ по состоянию на 0 часов 14 октября 2010 года. А также **285,2 тыс. человек, временно** находившихся на территории России на эту же дату, но **постоянно проживающих за рубежом».**

Всего **через шесть дней** эти первые результаты переписи-2010 от Росстата **опроверг (!) Всемирный Банк (ВБ).** 09.11.2010 г. ВБ опубликовал результаты своего исследования о количестве трудовых мигрантов в разных странах мира. По версии ВБ, у России **четвёртый** результат по привлечению трудовых ресурсов — **12,3 млн.!** Как мы видим, **«285,2 тыс.** человек, временно находившихся на территории России... но **постоянно проживающих за рубежом»** от Росстата, и 12,3 млн. трудовых мигрантов в пределах РФ от ВБ — разнятся между собой **более чем в 43 раза!**

Своим исследованием ВБ в очередной раз напомнил, где именно находится **слабое звено (!)** отчётности по демографии в РФ. Я полагаю, что после такой оплеухи от Всемирного Банка Росстат просто не рискнул показывать свою версию миграционного прироста за 2002—2010 гг., отложив это дело на время после выборов 2011—2012 гг. В самом деле, а вдруг его опять одёрнут из-за рубежа, причем не только Всемирный Банк. Отложил, кстати, совершенно напрасно. Наш политический класс даже и не заметил такой подсказки от ВБ. И это в тот самый момент, когда в преддверии выборов-2011 подводятся итоги переписи-2010.

Начиная с 2004 года, автор этих строк терпеливо обращается в высшие инстанции РФ с двумя вопросами: какова динамика демографии русского народа в пределах РСФСР—РФ после 1987 года и каковы данные пограничного контроля по суммарному въезду в РФ и суммарному выезду из неё в каждый год после 1992 года. О демографии русского народа мне вообще ничего не отвечают. Ну не знают высшие инстанции РФ такого народа! Относительно же данных пограничного контроля, разные ведомства либо дежурно отвечают совсем на другие вопросы, либо кивают друг на друга. Но на этот раз ситуацию изменили **шестые письма**.

21 февраля 2011 года я получил **шестое** по счёту письмо из Федеральной миграционной службы от 08.02.2011 г., которое подписала начальник Организационно-аналитического управления г-жа Е.А. Радочкина:

«Уважаемый Андрей Юрьевич! Организационно-аналитическое управление ФМС России, рассмотрев по поручению руководства ФМС... в пределах компетенции Ваше обращение в ГД Федерального Собрания РФ по вопросу о реализации государственной миграционной политики РФ, направляет статистическую информацию, связанную с постановкой иностранных и лиц без гражданства на миграционный учёт на территории РФ (их регистрацией по месту пребывания) за период с 2005 по 2010 гг.

Вопрос о предоставлении аналогичной информации за более ранний период (с 1992 по 2004 гг.), а также о публикации данных пограничного контроля находится в компетенции Пограничной службы ФСБ России.

Приложение: по тексту, на 4 л. в 1 экз.».

Приложение имеет заголовок — «Статистическая информация, связанная с постановкой иностранных граждан и лиц без гражданства на миграционный учёт на территории Российской Федерации (их регистрацией по месту пребывания) за период с 2005 по 2010 гг.».

Самое невероятное как раз и находится в «приложении» к письму ФМС — это **данные пограничного контроля за 2005—2010 гг.**! Обращаю внимание на то, что ни на сайте ФМС, ни на сайте Росстата **этой информации нет!**

1 марта 2011 года я получил **шестое** по счёту письмо из Росстата от 18.02.2011 г., которое, как всегда, подписала начальник Управления статистики населения и здравоохранения г-жа И.А. Збарская:

«Уважаемый Андрей Юрьевич! Федеральная служба государственной статистики рассмотрела Ваше обращение в Государственную Думу Федерального Собрания РФ и сообщает следующее.

По окончательным итогам 2009 года миграционный прирост, заложенный в расчёт численности постоянного населения, составил 259,4 тысячи человек. Постоянное население — категория населения, объединяющая людей, которые обычно (постоянно) проживают в данном населённом пункте или на данной территории. Временным критерием отнесения населения к постоянному является 12 месяцев («Рекомендации конференции европейских статистиков по проведению переписей населения и жилищного фонда 2010 года», Европейская экономическая комиссия Организации Объединённых Наций, Нью-Йорк, Женева, 2006).

Исходя из этого, Росстат собирает сведения о долгосрочных мигрантах, которые попадают в категорию постоянного населения. Статистическому наблюдению подлежат граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства, **зарегистрированные** в территориальных органах ФМС по месту жительства или по месту пребывания **на срок 1 год и более (прибывшие)**, а также снявшиеся с учёта по месту жительства в связи с выездом на постоянное место жительства за пределы РФ (выбывшие). Информация о долгосрочной миграции за 1992—2010 годы приведена в приложении. Позиция Росстата по вопросу учёта долгосрочной миграции, изложенная в предыдущих ответах... не изменилась.

Приложение: *Общие итоги долгосрочной миграции населения — на 1 листе».*

Обратите внимание: я спрашивал о данных пограничного контроля, а Росстат предоставил данные по **зарегистрированной (!)** долгосрочной миграции. Я спрашивал об одном, а Росстат отвечал совсем о другом!

Во-первых, цифры числа прибывших из «приложения» к письму Росстата **различаются (!)** с цифрами на сайте Росстата (по состоянию на 31.03.2011 г.). Так в «приложении» указано, что «в 1997 г. число прибывших — 747 065», а на сайте — 597 651; «в 1998 г. число прибывших — 642 179», а на сайте — 513 551; и т.д. Как мы видим, различия существенные. При этом цифры числа выбывших и в «приложении», и на сайте Росстата **всегда совпадают!** Странный для Росстата беспорядок.

Поэтому привожу цифры с официального сайта Росстата, т.к. именно они открыты для информирования всех желающих. Вместе с тем, из «приложения» следует привести итоговые данные **зарегистрированной (!)** долгосрочной миграции населения, т.к. обнаружить их на официальном сайте Росстата мне не удалось: «За 1992—2010 гг.: число прибывших — 10 111 865, число выбывших — 3 666 984, миграционный прирост — 6 444 881».

Во-вторых, не хочу перегружать внимание читателя второстепенными цифрами из «приложения» к письму ФМС. Поэтому из него я цитирую (!) только принципиальные положения. Одновременно для удобства читателя, сразу же показываю, что сообщает о том же самом официальный сайт Росстата (по состоянию на 31.03.2011 г.).

«2005 год. — *Общее количество заполненных бланков миграционных карт, полученных от пограничных органов ФСБ России — 25 506 720; в том числе: въездных частей — 14 226 286, выездных частей — 11 280 434*». Из этих данных ФСБ следует, что миграционный прирост (превышение въезда в Россию над выездом из неё) в 2005 году составил **2 945 852** (14 226 286 «минус» 11 280 434). А Росстат нам сообщил, что только — 107 432 (въехало — 177 230, выехало — 69 798). Отсюда скрытая (не отражённая сводками Росстата) часть миграционного прироста составила — **2 838 418** (2 945 852 «минус» 107 432). Как говорится: «Прочувствуйте разницу!»

«2006 год. *Общее количество заполненных бланков миграционных карт, полученных от пограничных органов ФСБ России — 27 848 010; в том числе: въездных частей — 15 184 268, выездных частей — 12 663 842*». По данным ФСБ, миграционный прирост в 2006 году — **2 520 426**, а по Росстату — 132 319 (въехало — 186 380, выехало — 54 062). Скрытая часть миграционного прироста — **2 388 107**.

«2007 год. *Общее количество заполненных бланков миграционных карт, полученных от пограничных органов ФСБ России — 30 710 199; в том числе: въездных частей — 16 416 852, выездных частей — 14 293 347*». По данным ФСБ, миграционный прирост в 2007 году — **2 123 505**, а по Росстату — 239 943 (въехало — 286 056, выехало — 47 013). Скрытая часть миграционного прироста — **1 883 562**.

«2008 год. *Общее количество заполненных бланков миграционных карт, полученных от пограничных органов ФСБ России — 33 684 200; в том числе: въездных частей — 18 011 718, выездных — 15 672 482*». По данным ФСБ, миграционный прирост в 2008 году — **2 339 236**, а по Росстату — 242 106 (въехало — 281 614, выехало — 39 508). Скрытая часть миграционного прироста — **2 097 130**.

«2009 год. *Общее количество заполненных бланков миграционных карт, полученных от пограничных органов ФСБ России — 36 241 217; в том числе: въездных частей — 18 762 080, выездных частей — 17 479 137*». По данным ФСБ, миграционный прирост в 2009 году — **1 282 943**, а по Росстату — 247 449 (въехало — 279 907, выехало — 32 458). Скрытая часть миграционного прироста — **1 035 494**.

«2010 год. Общее количество заполненных бланков миграционных карт, полученных от пограничных органов ФСБ России — 39 501 010; в том числе: въездных частей — 20 588 911, выездных частей — 18 912 099». По данным ФСБ, миграционный прирост в 2010 году — 1 676 812, а по Росстату — 158 079 (въехало — 191 656, выехало — 33 577). Скрытая часть миграционного прироста — 1 518 733.

Суммируем. Пограничная служба ФСБ России зафиксировала, что фактический (!) миграционный прирост за 2005—2010 гг. — 12 888 774. А по Росстату долгосрочный миграционный прирост, зарегистрированный (!) территориальными органами ФМС — 1 127 328. Таким образом незарегистрированная, а потому — скрытая часть миграционного прироста за 2005—2010 гг. (не отражённая хрониками Росстата) составила — 11 761 446. Уловили «тонкость»?!

На мой взгляд, «приложение» к шестому письму ФМС безоговорочно опровергает (!) и первые (от 03.11.2010 г.), и вторые (от 28.03.2011 г.) предварительные итоги переписи-2010 от Росстата! А когда будут опубликованы недостающие пока что данные пограничного контроля за 1992—2004 гг. они точно так же опровергнут итоги переписи-2002.

Как мы видим, в 2005—2010 гг. Росстат своими хрониками «легализовал» менее 10% реального миграционного прироста этого периода! Мне сложно судить, совпадают ли подобная практика Росстата и упоминавшиеся им выше «Рекомендации конференции европейских статистиков по проведению переписей населения и жилищного фонда 2010 года»?

Вместе с тем, излишне говорить, что подобная практика Росстата преподносит статистику по демографии в России в очень удобной для действующей власти редакции. Т.к. данных пограничного контроля за 1992—2004 гг. у автора этих строк пока что нет, дальнейшее просчитывается на уровне порядка цифр.

Фактический (!) ежегодный миграционный прирост после 1992 года, в среднем — не менее 2 млн., а за 1992—2010 гг. — 35—40 млн. По официальной версии Росстата, «за 1992—2010 гг.: миграционный прирост — 6 444 881». То есть скрытая часть миграционного прироста составляет 30—35 млн.!

Всякий может убедиться, что после публикации полной версии данных пограничного контроля за 1992—2010 гг., официальной статистике по демографии в РФ придётся пережить драматический пересмотр! Судите сами.

Численность постоянного населения РФ окажется в районе — 170 млн.! Сразу станет понятно, откуда небольшой рост

рождаемости: если в 1999 году чуть более — 1,2 млн., то в 2010 году чуть менее — 1,8 млн. Дело вовсе не в реализации т.н. «проектов социальной направленности», а в миграционном приросте на 35—40 млн.! Для размышления напомним, что в 1987 году в РСФСР родилось — **2,5 млн.** детей.

Далее встанет вопрос: а насколько показываемая Росстатом смертность в 2 млн. в год соответствует численности постоянного населения в 170 млн.?! В РФ что, продолжительность жизни, на самом-то деле, составляет рекордные — 85 лет?! Но тогда самое время поднимать возраст выхода на пенсию. В несчастном Пенсионном фонде разрастается финансовая дыра, а подведомственный электорат изволит непростительно долго нежиться на пенсиях?!

Естественно, что показатель смертности 2 млн. в год даже близко не соответствует численности постоянного населения в 170 млн.! После публикации данных пограничного контроля придётся признать, что **ежегодный показатель смертности в РФ (минимум) на 0,5 млн. больше!**

И тут пересмотр показателя смертности с неизбежностью потянет за собой в сторону увеличения пересмотр показателя вымирания (в терминологии Росстата — естественной убыли). По версии Росстата, вымирание (превышение смертности над рождаемостью) за 1992—2010 гг. составило — «минус» 13,4 млн. После публикации данных пограничного контроля этот показатель окажется в районе **«минус» 25—30 млн.**

А далее встанет главный вопрос — **сколько за 1992—2010 гг. вымерло русского народа?!** На сегодняшний день из сводок Росстата просчитывается, что **вымирание русского народа за 1992—2010 гг.** стремится к **18 млн.** Это при общем вымирании в 13,4 млн. человек и при «естественном» приросте исламской и китайской иммиграции, составляющей более чем 4 млн. (см. Э.А. Паин, «АиФ» №19; 2004 г.). Однако есть самые веские основания предполагать, что **русского народа вымерло 30—35 млн. человек!**

В результате всех этих расчётов, если тенденция вымирания России останется прежней, то к 2020 году русских в РФ станет менее половины населения. И здесь в настоящее время созданы все условия к началу последнего распада России. Хотя распад может начаться и до этого времени. Мы все видим, что ход истории головокружительно убыстряется и что слабые государства дробятся и сметаются безжалостно. Думаю, никто не станет утверждать, будто бы Россия стала сильнее на эти 18 млн. вымерших русских. А если русского народа вымерло на самом деле 30—35 млн.?

Кстати, это касается всех народов РФ. Им тоже полезно взвесить своё будущее в России, в которой русских будет всё менее и менее. До 2020 года осталась сущая малость!

Казалось бы, прежде всего это давным давно обязан был осознать наш «славный» политический бомонд, «цвет и гордость нации». Не тут-то было! Пять составов Государственной думы умудрились не додуматься до очевидных инициатив: добиться публикации показателей демографии русского народа и ежегодных **фактических (!)** данных пограничного контроля. Вместо этого наши статусные политики предпочитают удовлетворяться сводками Росстата по обобщённым цифрам рождаемости и смертности, и цифрам **«зарегистрированной (!)** территориальными органами ФМС» долгосрочной миграции. Да и это-то делают через пень-колоду.

Судьба русского народа и судьба России находятся сегодня в жестоком историческом цейтноте. Но даже подведение итогов переписи-2010 (**подсказка от ВБ**) на фоне выборов-2011 и особенно события 11.12.2010 г. на Манежной площади в Москве не подвигли интеллектуальную мощь нашего «политического класса» на элементарные проявления воли и совести.

В России как не было, так и нет партии или структуры, которая системно и на постоянной основе озвучивала бы параметры гибели русского народа и одновременно на цифрах фактического миграционного прироста показывала бы, как Россию заполняют народы пришлые, которая анализировала бы эти два процесса в их единстве как несложную и общедоступную математическую модель и прогнозировала бы, чем всё это обернётся. Нет такой партии.

КРОВЕЛЯ

РАССКАЗ

Большой город, такой, к примеру, как Санкт-Петербург, по составу населения напоминает собой многонациональный континент. И не столько по этническому признаку, сколько по роду занятий жителей.

Особенно это обозначилось в последнем десятилетии прошлого века, когда бывший Советский Союз стремительно переходил от развитого социализма к недоразвитому капитализму, чтобы в следующем веке шагнуть из него в зрелый империализм. И пока нашу страну, плывущую без руля и без ветрил, без капитана на мостике и без царя в голове, швыряло из стороны в сторону, сами собой, то есть согласно теории пассионарности, стали возникать кочевые племена мастеровых людей: отделочников «по евроремонту», установщиков окон, сборщиков мебели, кровельщиков и тому подобных «народностей», имеющих свою культуру, свои законы, свой жизненный уклад. Это гордые и независимые люди, постоянно мигрирующие в поисках наибольших заработков не только в пределах городской черты, но и по всем окрестнос-

ПРОЗА

тям Петербурга (называемымся Ленинградской областью) и умудряющиеся работать одновременно в нескольких фирмах.

И, как все большие и малые народы, каждая из этих групп имеет свои отличительные особенности. В кровельщики, например, идут отчаянные и непримиримые романтики-авантюристы.

Это объясняется, конечно, характером профессии, связанной с риском для жизни и некоторой оторванностью от мира, позволяющей смотреть на него «свысока», в зависимости от высоты здания. В условиях круглогодичного кочевья вырабатывается в этих людях определенная бесшабашность, изворотливость, смекалка и чрезвычайная коммуникабельность, что, вероятно, отражается в жаргонном названии их профессии «кровеля».

Тем не менее суровые условия работы, хорошие заработки и постоянная конкуренция между собой воспитывают в них практицизм и ответственность за свое дело.

Вспоминаются случаи во время кризиса 1998 года, когда доллар, диктатор ценовой политики, за один день стал стоить вместо шести рублей тридцать, как тогда объединившиеся бригады кровелей чуть ли не штурмовали офисы кровельных предприятий. И мало кто из хозяев и директоров не испытал хотя бы тоскливого чувства, глядя на батальоны людей с темными обветренными лицами, одетых поголовно, как «братки», в черные куртки, но более непреклонных, потому что требовали они свое — кровно заработанное.

В день полочки работу заканчивали пораньше, халтуру и левак откладывали и ехали в контору. Что и говорить, день полочки — для всех нас праздник, и кровеля этот праздник свято чтит и отмечали неизменно. В этот день непримиримость и конкуренция уходили в тень и не застили благодатного света, излучаемого полуподвальчиком на проспекте Добролюбова, возле крутого поворота на Биржевой мост. Две-три бригады кровелей неизменно объединялись и шли пожинать плоды результатов нелегкого труда.

Попутно к ним присоединялся кое-кто из рабочих другой народности, малочисленной, а потому нередко ищущей компании: электрики, слесари, совсем одинокий кузнец.

Особым удовольствием было уговорить офис-менеджера Костю Кострова. Он единственный из администрации, кто позволял себе неформально общаться с подчиненными. Костров был человеком неглупым и не простым, но открытым и честным, порою даже простодушным и как-то само собой в

силу, что ли, своего опыта умел говорить с кровелями на одном языке, в то время как между всей остальной администрацией и кровелями существовали только официальные и антагонистические отношения.

Кровеля старались за одну и ту же работу получать с каждым разом все больше и сэкономить кровельные материалы для халтур, но администрация пыталась заставить их за те же деньги сделать больший объем работ и не допустить кражи стройматериалов. Именно по причине таких вот противоречий объединенное питье волков и агнцев из одного источника в день зарплаты придавало особый терпкий вкус жизни.

Вот и нынче офис-менеджер Костя Костров был приглашен в компанию кровелей, собирающихся принести жертву Бахусу, чтобы отблагодарить богов за их щедрый дар и задобрить на будущее.

Если в глубинке и существуют какие-либо традиции, то уходят они корнями в далекое прошлое. В условиях города возникают собственные благоприобретенные традиции. Впрочем, приносить в жертву часть добычи в случае удачи — должно быть, одна из древнейших традиций.

Разбиваясь по пути на группы, с разговорами о работе, с едкими анекдотами, с солеными шутками незаметно преодолевают они почти километровое расстояние и поочередно вваливаются в полупустой полуподвальчик. Это помещение, пересеченное квадратными колоннами со сводчатыми потолками и окнами на уровне тротуара раньше было необитаемым. Характерной чертой нашего времени стало возведение жилых вставок-пристроек между домами и активное освоение подвалов и чердаков — создание мансард и цокольных этажей.

Поначалу в таких местах устраивались обычные забега-ловки с незатейливыми закусками и простыми напитками. В то время, о котором идет речь, и в этом подвальчике тоже были только стоячие места, для того чтобы «тяпнуть и зажевать», — несколько столиков и магазинный стеклянный прилавок-витрина в небольшой нише слева от входа.

В компаниях кровелей действовали простые законы. В таких неформальных сходках народ сам собою организовывался вокруг фигур видных, авторитетных, живущих по справедливости и в вечном противостоянии начальству.

В этот вечер все кучковались возле тридцатилетнего бригадира Вовки Карманова, имеющего самые подходящие данные: рост около двух метров, широкие плечи и кулак с голову среднестатистического кровельщика.

Каждая группа пила напиток по своему выбору: кто пиво, кто водку. Покупали в складчину и порознь, но все подвигались к кармановскому столику, и когда свободного места за ним не стало, придвинули еще пару столов, несмотря на резкие возражения продавщицы.

— Все нормально, все поставим на место, все сделаем, как было...

И как всегда в общей компании, вопреки разнообразию настроений и вкусов, все напитки солидаризировались и перемещались, как народы Русской равнины. Так, задумавшему выпить всего сто грамм водки Косте Кострову кто-то подsunул стакан с пивом. И он, конечно, в благодушном настроении махнул его, после чего стал терять контроль над тем, что ему наливают.

— Нерусь, подлец, — кричал бригадир Вася Кулик, — кому-то дает кровлю ровную, как аэродром — крой себе да крой, а нам вечно одни засады: фонари, люки и провода, а расценки одинаковые и расход материала один и тот же!

— Мужики! — успокаивал Костров, поднимая руку со стаканом, — я вас в обиду не дам! Я самому пожалуюсь, чтобы объекты распределялись справедливо.

— А мы на такую кровлю не пойдем, — возражал другой бригадир Леха Сосенкевич по прозвищу Соскин. Сегодня он, против обыкновения, не пил. — Мы что, бегуны — через барьеры прыгать?

— Не нравится — не бери, — укорачивал его Карманов, — сиди без работы, но так, чтобы одним все сливки — тоже нельзя.

Бригады кровелей небольшие — по три-четыре человека, пять — максимум. Зато крепко спаянные совместной работой, общими привычками.

А вообще кровель кровелю — рознь.

Тут все зависит от специфики кровельного покрытия. Кровельщикам по мягкой кровле, о которых теперь идет речь, — подавай простор, широту, как степному кочевнику. Они склонны к коллективизму, потому что на мягкой кровле в одиночку — никак. Материал в рулонах подай-отнеси снизу наверх да по кровле разнеси. Рулоны от двадцати до пятидесяти килограмм. А баллоны с газом пропаном! Тоже килограмм по пятьдесят. Да машинки для снятия старого «ковра», да горелки газовые, да прочая амуниция.

Другое дело — кровельщик жесткий. Их для быстроты так и называют: мягкий кровельщик — по рулонной кровле и жесткий кровельщик — эти по жести, по листовому металлу,

шиферу. Работа на жесткой кровле более кропотливая, требует не только сноровки, но и терпения. Однако, как правило, всего инструмента — киянка, да ножницы по металлу, а потому тут возможен индивидуализм.

Есть один уникам — работает в одиночку. Но работает не по-людски: кровлю берет только ровную — без желобов и переходов, за обрешетку не берется, сложные элементы — тоже не делает, чтобы время не тратить. Дармовщинку любит: то водителя попросит жестяные «картины» — листы жести с загнутой кромкой — ему наверх подавать. А кто платить за это будет — неизвестно. То машину мусором загрузит, а куда его потом везти и кто выгружать будет? Деньгу, конечно, зашибает приличную, но уважением такой кровель не пользуется.

У мягкого кровельщика обостренное чувство справедливости. Особенно это касается заработанных денег — тут даром что он мягким зовется, — в этом вопросе у него позиция жесткая.

Как-то один молодой, только что вылупившийся из института прораб вел бригаду Васи Кулика. Очень хотелось ему с первого своего объекта заработать денег, хотя по нему не скажешь, что парень испытывает нужду: вид сытый, лицо свежее, розовое, как у молочного поросенка, одет модно — мама с папой позаботились. И вот этот молодой и прыткий специалист навписывал в акт выполненных работ лишнего, чего кровеля и не делали. А заказчик — по неопытности, от жиру ли — все это подмахнул. Накануне получки явился молодой прорабчик в бригаду Кулика и стал вымогать, чтобы после получения денег ему отстегнули его «заработанные». Кровеля дружно хмыкнули всей бригадой и переглянулись.

— А может, мы у директора нашего Ильи Борисовича спросим — давать тебе эти деньги или не давать? — спросил его Вася Кулик с невинным видом.

Прораб покраснел еще больше и попытался возмутиться хамским поведением своих подчиненных.

— Да я, я, да... Я вам такую кровлю буду давать, такие объекты...

На что Вася Кулик, хлопая ресницами, как Дюймовочка, ответил:

— А ведь мы тебя еще в кровельщики не посвящали! А? — обратился он к бригаде.

— Точно, — закивали те.

— Нехорошо, — констатировал Вася Кулик, — будем посвящать.

Разговор происходил возле обитого жестью кирпичного парапета, ограждающего кровлю по периметру. Когда три

крепко сложенных фигуры надвинулись на прораба, он попытался отойти, и уперся спиной в кирпичную кладку. Дальше было пятнадцать метров высоты.

— Чего вы? — пролепетал прораб.

— Коль, — обратился Вася Кулик к одному из кровелей, — ты с кровли падал?

— А как же, — ответил тот деловито. — Два раза: правая рука, левая нога и сотрясение мозга.

— Вот, — удовлетворенно констатировал Вася Кулик, — а у Феде вот — перелом таза и основания черепа. С этим вообще не живут, не то что работать, а он — ничего. Правда, Федя? — Федя утвердительно и угрюмо кивнул. — Ну вот, — развел он руками, — а ты ведь ни разу с кровли не летал. А какой же ты кровельщик...

— По судам затаскаю, — прошипел прораб, наливаясь «праведным» гневом.

Вася Кулик отрицательно помотал головой.

— Там свидетели нужны — если живой останешься, а у тебя их нет. Зато у меня — как положено — двое.

На этом инцидент был исчерпан. Прораб ушел целым — своими ногами спустился с кровли. А бригада Васи Кулика получила «премию» за отличную работу. Все-таки «мягкие» они — кровеля.

Опять же — животных любят. У Васи Кулика, например, пятый год живет спаниель. Вася его любит, ходит с ним пить пиво и даже иногда берет с собой на работу, когда оставить не с кем. И спаниель любит Васю Кулика. Хороший пес — преданный, только спиваться стал. Для профилактики от чумки Вася Кулик давал ему после прогулки кусок хлеба, смоченный водкой. Пес к этому делу быстро пристрастился и теперь требовал свою дозу чаще, чем требовалось с точки зрения Васиной ветеринарии.

Уходили они из забегаловки так же дружно, как и пришли. Столики расставили по своим местам, и все привели в порядок, как было, но это не помогло. На выходе из закуской их уже ждали два «воронка» — желтые милицейские «УАЗы» с синей полосой.

За что и почему — объяснять не стали, но всех попытались усадить в милицейские машины. Оттого, что такой развеселой и большой компанией предлагают прокатиться в отделение — стало не тревожно и не боязно, а смешно, все с шутками и смешочками стали усаживаться в «воронок».

Костров, как истинный джентльмен, пропустив всех вперед, остался без места и покорно залез в другую машину, где

от хмельной тяжести, а больше от усталости заснул. В это время Лехе Сосенкевичу удалось убедить милиционеров всех отпустить.

Это было не очень сложно: во-первых, блюстители закона и сами понимали абсурдность положения — забирать, возиться с таким количеством народа, а за что и почему? И, во-вторых, Леха был совершенно трезв, так как в тот день был праздник Воздвижения и пост, и Леха добросовестно постился. Оказавшись снова на свободе, огляделись.

— А где Костров? — спросил кто-то.

— Должно быть, ушел дворами. Он это умеет. — На том и успокоились.

Пробуждение Кости Кострова оказалось кошмарным.

Открыв глаза, он увидел перед собой черную решетку из стальных прутьев периодической арматуры марки ГС, диаметром шестнадцать миллиметров. Уж в чем в чем, а в марках арматуры Костя разбирался, поскольку закупка и отпуск материалов проходили через его руки. Это была очень хорошая арматура — крепкая. А за ней, философски разглядывая Костю, стоял вооруженный автоматом человек в солдатской каске и бронежилете.

Пригладив на голове вставшие от ужаса волосы, Костя огляделся, и понял, что это не человек с автоматом за решеткой, а он, Костя Костров сидит за решеткой в какой-то маленькой узкой камере, и его снова охватил ужас потому, что он совершенно не помнил, из-за чего и как сюда попал. Единственно, в чем Костя был уверен — это в том, что он не мог совершить ничего противоправного, так чтобы не помнить об этом. И потому, собрав остатки сил или, может быть, зачатки вновь появляющихся, он с искренней жалостностью стал умолять милиционеров:

— Ребята, отпустите, пожалуйста, меня дома жена ждет. Отпустите, я простой инженер, работаю на стройке, сегодня зарплату получил, домой несу — дома двое детей.

Усатый пожилой капитан, сидящий за столом, поднял голову от бумаг и посмотрел на него.

— Вы бы про детей вспоминали, когда за рюмку беретесь.

— Я не много выпил, это меня от усталости развезло: встаю в шесть тридцать, прихожу в двадцать два. Сплю по шесть часов, хронически не высыпаюсь, отпустите, пожалуйста, мне завтра на работу. Я же думал на минуточку забежать, выпить рюмочку после работы, — оправдывался Костя.

— А что, — спросил заинтересованно капитан, — больше зайти некуда?

— А куда же еще? — удивился Костя. — Не на балет же мне идти после работы, у меня и времени нет.

— Ну, вот вы там шли мимо, видели, должно быть, церковь по пути — вот и зашли бы, свечку поставили за детей. Глядишь, все бы и обошлось и сюда бы не попали, — назидательно пояснил капитан, — если уж вам совсем некуда пойти.

Косте стало стыдно, он покраснел, но, находясь в состоянии полной осовелости, продолжал бубнить что-то в свое оправдание. Он нес эти заклинания с таким жаром, что мог бы выпросить милостыню у каменных львов. Если бы на месте милиционеров были деревянные идолы, даже они истекли бы слезами и выполнили все Костины просьбы, только бы избавиться от его молитв. Но до утра и полного протрезвления его, конечно, не отпустили бы, тем более, что он опять стал клевать носом, убаюкав своей болтовней самого себя.

И вот в это время в дверях возникла монументальная фигура Вовки Карманова.

Его появление не было результатом чуда, а проявлением смекалки Костиной жены. Не дождавшись мужа в положенный час, а также в «условно допустимое» время, она бросилась звонить по имеющимся в старой Костиной записной книжке телефонам кровелей. Она дозвонилась до трезвого нынче Лехи Сосенкевича, тот, сообразив, что дело серьезное, позвонил Вовке Карманову.

Вовка, зная Костину привычку «дотягивать до своего аэродрома», — сразу понял, в чем суть.

После недолгих объяснений и извинений Костю выдали Вовке для доставки по месту жительства.

— Вот его вещи — на столе, — недовольно кивнул головой милиционер.

Вовка проверил бумажник и документы и, легко подхватив Костю, чем вызвал одобрительные взгляды всех присутствующих милиционеров, ушел в темноту.

Второе пробуждение Кости за эту ночь было у себя дома. Всего, что с ним было, Костя теперь не помнил.

Костя в страхе открыл один глаз. Рядом подозрительно безмятежно и ласково, даже с какой-то нежностью посапывала жена. Костя стал вспоминать подробности вчерашнего вечера и постепенно, перебирая события, добрался до черной арматурной решетки и вооруженных людей в форме.

«Может, приснилось? — подумал он с надеждой. — А если нет?»

Он осторожно выскользнул из-под одеяла и, не надевая тапочек, чтобы не шуметь, на цыпочках прокрался в прихо-

жую. Отыскав в темноте свой плащ, он нащупал в кармане бумажник, и вытащил его. Бумажник продолжал пухнуть вчерашней зарплатой.

«Сон», — облегченно вздохнул Костя. Он включил ночник над висящим на стене зеркалом и заглянул в бумажник: деньги были разложены по достоинству, купюра к купюре и уложены ровненькой пачкой.

Такого Костя не позволял себе даже в трезвом виде.

Деньги он презирал, засовывал их в бумажник, сложив сикось-накось, и расправлял только перед тем, как положить на прилавок — из уважения к продавцу. Людей он уважал.

«Нет, не сон. — Он снова поник. — Но деньги-то все на месте! Или это тоже сон?»

Яркий свет ослепил его. Костя на мгновение зажмурился, а когда открыл глаза, перед ним стояла жена с лицом прокурора и руками, сложенными на груди.

— Вот, — сказал Костя, протягивая жене деньги и пытаясь улыбнуться, — а нам зарплату выдали.

Жена по-кошачьи молниеносно выхватила пачку и приняла прежнюю позицию, так что Костя несколько секунд с недоумением разглядывал собственную руку, силясь вспомнить: а была ли зарплата? Он еще раз заискивающе улыбнулся и пожал плечами, чтобы как-то разрядить напряженную обстановку.

— Ты почему явился среди ночи, опять вчера налакался? — спросила, наконец, жена.

— Так вот — зарплата, ребята пригласили...

— Ребята? Это эти пьяницы? Тоже мне нашел с кем пить — с рабочими!

— А и с рабочими, — захохотился Костя, — с рабочими, они меня уважают. С тружениками. А с кем там еще выпить? С кем? Там ведь одни «аристократы»! Гнилье и сволочь, стукач на стукаче. С ними сегодня выпьешь, а завтра всё на столе у начальства, да еще припишут такого, чего не только не говорил, но даже и в мыслях не было!

— А почему вообще надо пить, ты что, без этого не можешь?

— А чего я выпил-то, чего выпил? С устатку развезло! А не пить нельзя на такой паскудной работе!

— Не нравится — не работай!

— Так ты же сама хотела, сама хотела! Бизнес, положение, деньги!

— Правильно, хотела. Или лучше, как ты раньше сидел — только штаны протирал?

— Я наукой занимался!

— Наукой? — ядовито усмехнулась жена. — А кому она нужна, наука? У меня жизнь одна, и я хочу жить хорошо!

— Жить хорошо? Вот и живешь! А знаешь ты: у нас что ни объект, так взятка, что ни кровля, то «откат». Понимаешь ты? Откат, откат, откат! Все рвут, все под себя гребут, стучат друг на друга, подставляют, на деньги кидают, и все черным налом, черным налом! Понимаешь ты, черным! Это же нормальному человеку не пережить на трезвую голову! Наш про-раб не столько объектами занимается, сколько взяточников улаживает, как за девками — за ними ухаживает!

Костя, конечно, и сам понимал, что зря с утра пораньше этот спор затеял, разве женщину переубедишь с утра, отдав ей все контраргументы в виде зарплаты. Он в отчаянии защищал свой маленький островок независимости, но жена повысила голос и перешла в такое наступление, что Костя поспешил укрыться в ванной и включить душ.

— Нормальные люди все работают, отдыхать ездят. Господи, хоть бы раз, хоть бы в какой-нибудь Египет свозил, какие-нибудь пирамиды показал! — обиженно упрекала жена, не смотря на то, что каждый год осенью ездила отдыхать в Тунис и Турцию. Но ведь ездила она сама, одна, а Костя не желал бросать работу в разгар сезона и вообще считал, что в наше суровое время — грешно лежать вверх пузом, ничего не делая. Крики и ворчание слышались сквозь шум воды. Продолжались они и тогда, когда Костя пил кофе и собирался. Уход на работу обратился в бегство, в результате которого Костя забыл приготовленные бутерброды и мобильный телефон.

Сентябрь на радость выдался погожим. Видно, Господь устал вразумлять своих непослушных детей и раздобрился, расщедрился на хорошие деньки, на последнее осеннее солнышко перед тем, как зарядить тягомотные, унылые дожди. Кровля сухая, крой да крой, свежо — не жарко от газовых горелок, и бросать в мешалку цемент с песком тоже не так тяжело, как в жару. Работали по новой технологии — не как раньше: лили, обжигаясь, горячий битум, дыша тяжелыми битумно-парафиновыми парами, раскатывали рубероид, пачкаясь тальком и измазываясь битумом.

Нынче все по-другому: слой битума уже на самом материале — нужно только растапливать его горелкой и раскатывать материал. Зато рулоны от битума — не в пример старому рубероиду, стали тяжелее. Рулоны материала для верхнего покрытия до пятидесяти килограмм. Но привычные кровельщики не только легко, взвалив их на плечо, разносили по кровле, но и порой поднимали без подъемника и лифта — по лестнице.

Бригадир Карманов мог унести под мышками сразу два. Вовка Карманов, распаленный, как двигатель без воды, с раскрасневшимся не только от ритмичной физической работы лицом замешивал раствор в растворомешалке.

С утра после вчерашнего пришлось полечиться. Народ пришел смурной, с тяжестью на душе и нытьем в организме. Кто-то намекнул, кто-то поддержал, так, слово за слово: скинулись на бутылочку, и так перед работой употребили на троих пятьсот грамм. Солнце засветило ярче, жизнь начала поворачиваться к ним своими приятными сторонами, в работе появился кураж.

Вовка наполнял стальную четырехведерную бадью раствором, цеплял за крюк и подавал знак. Работавшие на высоте включали лебедку, поднимали бадью с раствором, опускали трос с крюком, ставили бадью на тележку и тащили к месту работ. Пока они вырабатывали раствор, Вовка замешивал новую партию. В это время со свистом сверху падала бадья, которую просто бросали для экономии времени, и все шло по новой.

Спешили. Хотели с утра подготовить поверхность, чтобы к концу дня положить первый слой кровли. На осеннем солнышке раствор успевал схватиться, а в случае чего его можно было подсушить горелкой. Такой способ укладки, конечно, не приветствовался технологией, а такая работа — техникой безопасности, так же как и отсутствие строительных касок, но так было быстрее, так было удобнее, проще...

Что бы ни происходило накануне, утром следующего дня Костя появлялся в офисе гладко выбрит, свежо пахнув, в чистой выглаженной сорочке под отутюженным пиджаком и в галстучке. Ничто не могло повлиять на его безукоризненный рабочий вид. Но чему удивлялись больше всего — это тому, что на его лице тоже никогда не было заметно никаких следов вчерашнего разгула, какие бы прихотливые формы он ни принимал. Это был феномен, вызывающий восторг и восхищение не только кровелей, но особенно водителей категории «С». И многие сведущие в этом деле нередко приходили с утра изучать данное явление, несомненно, имеющее свою пользу, если бы не... запах. Да, запах — этот фактор был непреодолим. Поэтому Костя с самого утра, не переставая, сосал мятные леденцы.

День с утра, как всегда, был сумасшедшим, требовалось решить кучу вопросов: вывести на линию машины, заказать необходимые стройматериалы, выдать задания прорабам и так далее, и так далее.

Часам к двенадцати сумасшествие понемногу утихло. Костя только вдохнул полной грудью и лишь на секунду ослабилась в менеджерском кресле...

И вот около полудня в офисе раздался тревожный телефонный звонок. Даже по звуку Костя Костров определил, что он тревожный. Для человека неискушенного все телефонные звонки, издаваемые одним телефоном, — одинаковы, но по своему опыту Костя точно знал, что звонок звонку — рознь. А после вчерашнего он не только определил это на слух, но и почувствовал спиной, у него даже как будто встала на ней шерсть дыбом, хотя, конечно, никакой шерсти на спине не было. С переставшим биться сердцем, но привыкший ко всему, он вспотевшей, но твердой рукой снял трубку...

Звонили с объекта кровеля. И сразу, без подготовки, в лоб, безжалостно и неотвратимо: Вовке Карманову бадьей для раствора снесло полчерепа! Увезли в больницу, но что и как — неизвестно. Вот тебе и на...

Удачно вроде бы начавшийся день летел к свиньям. Костя положил трубку и закусил губу. В такой ситуации главное — понять, что делать вначале и что потом. Кому первому звонить, кому сообщить.

«Вначале — лучше прорабу, ведущему объект, — решал Костя, — он все выяснит толком, разберется, а уж потом сообщит генеральному. Может, все не так страшно. Может, и не полчерепа, а так как-нибудь — одну десятую или того меньше. Или вовсе ничего не снесло. Спьяну наболтали. Наверняка после вчерашнего уже «полечились». Бачок-то из жести. Припечатало по репе, ну, оглушило... А главному — лучше пока не докладывать. А что мне, собственно, известно? А ничего! Позвонили, нагородили с три холеры, а так это или не так — кто видел? Никто не видел. И потому крику не обещаться. И больше всех мне достанется, как злomu вестнику. Да еще наверняка от меня несет сивухой так, что мухи дохнут в радиусе трех метров. Нет, к главному пока не соваться. Сожрет с ботинками».

Рассуждая таким манером, Костя привычно потянулся к карману, где лежала мобильная трубка, и с содроганием обнаружил, что трубки там нет. И таким было это содрогание, что если бы вместо этого он обнаружил, что у него нет, допустим, ноги, то содрогнулся бы гораздо меньше. На мгновение он потерял все пять способностей воспринимать окружающий мир. Он практически односекундно умер. На экране воображаемого кардиографа была прямая линия. Мятный леденец встал поперек горла, перекрыв воздух. Но длилось это недолго. Вот дернулось левое веко, потом правое. Ше-

вельнулась рука. Потом вернулась память. Он вспомнил утреннюю сцену с женой, и вернулась способность говорить. Вот только того, что он сказал, никак нельзя написать. Этого не стерпит даже бумага...

Прошла, по меньшей мере, минута, прежде чем Костя сообразил, что позвонить можно с обычного телефона, а номер телефона прораба можно посмотреть не в электронной, а в обычной, так сказать, «рукописной» записной книжке. Только номер нужно набирать через восьмерку, как междугородный. Костя лихорадочно отыскивал номер прораба и стал набирать.

«Уважаемый абонент...» — с ужасом услышал он в трубке. Междугородная связь на всех офисных телефонах была отключена, на всех, кроме телефона генерального директора. Но ведь «сам» должен узнать в самую последнюю очередь! Ё-ё-ё-ё-о-о!!! Если бы Костя был собакой, он бы наверняка завыл, и все бы решили, что это к покойнику.

Костя выпрыгнул из кресла, едва не задев головой потолок, и заметался по офису. Он описал два круга и собирался выйти на околоофисную орбиту, когда неожиданно лицо его уткнулось в пухлый мягкий живот.

Костя поднял глаза и снова на мгновение умер, удержавшись при этом на ногах. Перед ним стоял генеральный директор Илья Борисович Сахно собственной персоной. Мятный леденец прошмыгнул в желудок.

Сахно гипнотически, не мигая, смотрел на Костю и обнюхивал его своим огромным, чрезвычайно подвижным горбатым, мясистым носом. Этого суперноса боялись многие, в том числе и Костя. Этот нос мог учуять любой запах, и особенно неуловимый для некоторых носов запах денег. Этим носом Сахно вынюхал себе карьеру: он вынюхал первоначальный капитал, затем вынюхал собственную фирму и, наконец, продолжал вынюхивать выгодных денежных клиентов. И уж, конечно, такой острый запах, как запах перегара, он почуял мгновенно. Но ничего не сказал. Он затаился и припрятал этот факт на удобный случай, когда в разговоре с подчиненными потребуется неожиданный ход, неоспоримый аргумент, удар, так сказать, ниже пояса. Тут-то Илья Борисович и скажет Кострову: «А помните ли, Константин, в такой-то день, вы...» и так далее, словом, достанет в нужную минуту козырь из рукава. А так — что же понапрасну воздух перемалывать? Все равно ведь отопрется Костров, скажет, что просто леденец у него мятный во рту. Но вот взбудораженный вид Кострова очень заинтересовал Сахно, и он про-

должал пронизывать его взглядом, который тоже кое-что стоил, скажем точнее, нескольких рентгеновских аппаратов.

Костров быстро отвел взгляд в сторону и стал суетливо перебирать какие-то бумажки. Но Сахно продолжал держать его под прицелом, к тому же, как назло, Костя покраснел так сильно, что начал светиться, и в этом свете его смятение и суета стали заметны еще больше.

— Что случилось, Костя? — как выстрел, бухнул Сахно, продолжая пристальным взглядом сопровождать все действия Кострова.

— Йа... ай... я, — начал растерянно Костров, — мца, мца, — шлепнул он губами и вдруг, почувствовав, что задыхается, глубоко и шумно вздохнул, как лошадь, и выпустил изо рта пузырь.

Сахно свел брови к переносице и попытался перевести услышанные звуки, но не нашел ничего подобного ни в одном языке, включая суахили и иврит.

— В чем дело? — повторил он уже медленнее и меняя голос, добавляя в него звону и паники и пропуская слова сквозь зубы.

— Йя позвонить хотел... — пролепетал, неизвестно чего испугавшись, Костров.

— Позвонить?

— Да-да...

— Кому позвонить, зачем позвонить?

— Прор-рабу Нннерусю...

— И в чем проблемы?

— Тттрубку за-аб... — Кострову опять не хватило воздуха, и он задохнулся, — забыл...

— На мою, — Сахно протянул Кострову свой мобильный телефон и уставился на него, словно ждал какого-то чуда. Будто у Кости вот-вот должны вырасти уши, как у осла или вымя, как у коровы.

Костров холодеющей рукой принял телефон. Эх, если бы вместо телефона Сахно протянул ему гранату с выдернутой чекой — это было бы счастье! Это было бы спасение, потому что тогда бы враз все разрешилось! Стоило только разжать руку и отпустить рычажок и... все! Ни Сахно, ни самого Кости, никаких мучений — одним махом решены все вопросы и настоящего и будущего! Костя бессильно опустил руку, он побледнел лицом и вроде даже мгновенно то ли похудел, то ли постарел.

— У.. — начал было, но вместо членораздельных звуков издал странный свист горлом. — У них там ЧП, — выдавил он, наконец.

— У кого, какое ЧП, что случилось? — быстро скороговоркой выпалил Сахно. И Костя увидел, как забулькали в его глазах пузырьки, а из мгновенно раздувшихся ноздрей показались струйки пара.

— У Неруся на объекте, в бригаде Карманова, — пояснил Костя, выпустив последние запасы воздуха, мысленно сложил на макушке воображаемые уши, которые, вероятно, все же выросли. Едва успел! Потому что сразу вслед за его словами стены содрогнулись от рева:

— Что (непечатное ругательство), там у этих (непечатное ругательство) произошло?

Илья Борисович Сахно по натуре был отчаянным демократом.

Его демократичность бросается в глаза сразу, она проявляется во всем, даже в его манере одеваться. Он запросто может носить по офису в одной жилетке, не только без пиджака, но даже и без галстука, с расстегнутым воротом, выпущенной из брюк рубашке, внешне напоминающей биндюжника, у которого украли биндюг.

Он настоял, чтобы все сотрудники называли друг друга по именам, просто: Петя, Игорь, Костя, Виталик. Это так удобно, так дружелюбно, можно сказать, интимно. И это, по его мнению, очень сближает и сплачивает коллектив. Сахно очень раздражался, когда Костя по старой привычке называл его Илья Борисович.

— Мы все пацаны, — поучал его Сахно, — все работаем в одной команде, чего тут разводить еще? Мы же партнеры по бизнесу.

И если «пацаны» и «команда» еще как-то укладывались в Костиной голове — в качестве технических терминов, то «партнеры по бизнесу» вызывали огромное сомнение. «Партнеры-то — партнеры, — говорил сам себе Костя, — но только не по бизнесу, а по...», тут он непременно прикусывал язык и надолго уходил в себя. В общем, такая демократия стояла в офисе, что хоть святых выноси и топор вешай.

В этой обстановке полной демократии, в таком вот русле тотальной толерантности проистекал диалог Кости Кострова и Ильи Борисовича.

Перед тем как ответить, что произошло, Костя набрал как много больше воздуха, чуть задержал дыхание и... с шумом выдохнул. Сахно тоже вдохнул как следует, но выдохнуть не стал, а начал закипать и вибрировать.

— Я не знаю точно, мне позвонили с объекта, сказали... Слышно было плохо...

-
- Что-о-о? Что сказали? — взвыл Сахно.
— Вроде бы, Карманову на голову бадья свалилась...
— И что?!!
— Ну, вроде бы, в больницу увезли...

Илья Борисович не был оригиналом. Он сделал то, что делают обычно некоторые начальники. Он поднял вверх кулаки и, затопав ногами, закричал, срываясь на дискант:

- Где-е-е-е Не-е-еру-у-усь?!!!
— Да я дозвониться не могу...

Сахно заметался из угла в угол, пиная и расшвыривая все, что попадалось на пути.

— Почему в этой (непечатное ругательство) конторе никто ничего не может, один я все могу! У тебя даже трубы нет, где твоя труба?

Костя не успел ответить, Сахно уже выхватил у него мобильный телефон и, остервенело вдавливая кнопки, принялся набирать номер...

Через полчаса в офис, перенапрягая мышцы ног, ворвался красный и потный прораб Нерусь и завертелся волчком.

— Где у нас журналы инструктажа по ТБ, где у нас журналы инструктажа на рабочем месте? — вопрошал он без остановки и не дожидаясь ответа. Следом за ним влетел Сахно и стал накручивать обороты Нерусю, от чего тот завертелся еще энергичнее:

— Где инженер по технике безопасности, где журналы инструктажа по ТБ, где у тебя журналы инструктажа на рабочем месте? Карманов у нас устроен по трудовой книжке или без?

Нерусь на секунду остановился и так напряг мозги, что у него выкатились глаза. Он тяжело дышал и потел, и, наконец, изрек:

- По трудовой.

Сахно вскинулся и, рассыпая ругательства и угрозы, снова заметался из угла в угол. Трудовая книжка кровельщика в отделе кадров означала, что за его жизнь придется отвечать по закону.

Костя сидел, вжавшись в кресло, и лихорадочно стучал по клавиатуре, делая вид, что набирает какой-то важный документ. Пробегавший мимо Сахно резко остановился.

- Что ты печатаешь? — спросил он неприязненно и зло.
— Письмо гарантийное.

— Ты с ума сошел! — напустился Сахно на Костю. — Немедленно делайте журналы по технике безопасности, задним числом! А ты, — обратился он к Нерусю, — хватай эти жур-

налы и беги в больницу! Пусть Карманов все подпишет, что получал все инструктажи!

— А если... — попытался возразить Нерусь.

— Хоть мертвый пусть подписывает!! — перебил его Сахно. — Ты понимаешь (краткое непечатное ругательство), что нас всех посадят: вначале меня, потом тебя. То есть начнут с тебя и доберутся до меня... Короче, посадят всех вместе! Поймай, а договор по этому объекту у нас проходит по бухгалтерии?

— Вроде нет, — пожал плечами Нерусь.

Сахно вскинул победно руку.

— Отлично! Скажем, что объект не наш, что Карманова мы туда не послали, что был он на халтуре. Только — надо, чтобы он это подтвердил! Бери журналы и мигом в больницу!

Ближе к вечеру Нерусь позвонил из больницы, где лежал Карманов. Вовка действительно получил тяжелую травму, его даже успели прооперировать, но благодаря своему могучему организму он быстро приходил в себя и все, что подсунули ему прораб Нерусь, подписал. Перед операцией у него взяли на анализ кровь и обнаружили в ней изрядное содержание алкоголя. Вовка чувствовал свою вину, и чтобы загладить ее, согласился на все.

Илья Борисович Сахно вздохнул с облегчением и отдал приказ бухгалтерии уволить Карманова.

— Пока живой, — пояснил он, — а выживет, мне калеки не нужны. Все равно ему с такой травмой на высоте работать нельзя.

Окончив работу, Костя выключил компьютер, быстро оделся и незаметно выскользнул из офиса. На душе у него сидела большая скользкая серая жаба. Возле проходной он столкнулся со знакомым электриком. Тот был еще мрачнее и весь сутулился, словно нес на плечах груз, хотя от природы был огромного роста и наделен отменным здоровьем. Они угрюмо поздоровались и зашагали вместе. Какое-то время шли молча, оба хмурясь и постепенно раздражаясь. И чем больше хмурился Костя, тем мрачнее становился электрик. Наконец Костя не выдержал:

— Ты чего такой?

— А, — отмахнулся электрик.

— Случилось чего?

— Да все подряд.

— То есть?

— Да... — махнул рукой электрик, — болит все, совсем здоровья не стало.

— У тебя? — искренне удивился Костя.

— Сам удивляюсь, — грустно подтвердил электрик, — откуда что берется: раньше только геморрой был, а теперь вот еще и простатит. С женой поругался.

От таких признаний Костя даже развеселился, вернее, у него вдруг появился оптимизм.

— Лечиться пробовал?

— Да какое там, — раздраженно бросил электрик.

— А может, — улыбнулся Костя, — надо в жизни что-нибудь поменять?

— Чего менять? — Электрик взглянул на него недоуменно.

— Ну, вообще: образ мыслей, обстановку, может, круг общения.

Электрик даже остановился.

— Вы чего там, в офисе квасили, что ли?

— Чудак, — засмеялся Костя, — ничего мы не «квасили», напротив, день сегодня был тяжелый, напряженный.

— А, — электрик недоверчиво покосился, — странный ты нынче какой-то.

— Да ничего не странный, — оживился Костя и, с неожиданной радостью оглядевшись по сторонам, увидел невдалеке Владимирский собор и вспомнил вчерашнюю ночь и усатого капитана милиционера. — Слушай, а ты крещеный?

— От рождения.

— Так, может, в церковь тебе сходить надо, ну как там у вас: исповедаться и прочее?

— Чего-о-о? А ты сам-то крещеный?

— Я? Нет, — признался Костя. — Не было такого факта.

— Ну и вот, — удовлетворенно подытожил электрик, — а туда же, поучать лезешь.

— Постой, постой, — возразил Костя, — у меня еще тоже не все потеряно — путь к спасению всем открыт, а потом на мне сейчас и ответственности меньше, мои грехи вроде как не сознательные, а ты осознанно гресишь.

— И чего, чего я пойду туда? — взвился электрик. — Что я один сделаю? Ну, покаюсь я, а люди-то кругом, люди кругом такими же и останутся? Знаешь чего, пойдем лучше примем по сто пятьдесят с прицепом.

Костя сбросил его руку.

— Так ты, значит, желаешь, чтобы все исправилось?

— А что же я, один, что ли? Мне больше всех надо?

— А ты с себя начни, понял? С себя, сам человеком стань. А то все только друг на друга сваливают, а начинать кто-то должен.

Электрик обиженно поджал нижнюю губу.

— Так ты пойдешь по рюмке?

— Нет! — закричал Костя. — Не пойду!

— А куда ты пойдешь? — тоже заорал электрик.

Костя еще раз взглянул на сбор.

— А вот куда угодно пойду, а пить больше не буду! — Он ткнул пальцем в воздух. — ИМ это на руку, понимаешь?

Костя резко развернулся и пошел прочь от забегаловки, до которой было уже рукой подать. Осенний ветер хлестанул его по лицу и подхватил разворошенные его ногами опавшие листья. Электрик с тоской посмотрел ему вслед, достал сигарету, повертел в руках, затем смял ее и растер в порошок между пальцами. Он быстро отряхнул руки от табака и, поправив сумку на плече, засеменял вслед за Костей.

На следующий день погода испортилась. Моросил мелкий депрессивный дождь. От пасмурного неба и унылого сумрака тянуло на зевоту. Два кровельщика из бригады Карманова, лишившиеся бригадира, осиротевшие, угрюмо курили, усевшись на рулоны на кровле двухэтажной школы. С утра пораньше примчался прораб Нерусь и стал «качать» права и «капать» на мозги.

— Доигрались, — рычал Нерусь, срываясь на визг, словно его шекотали под мышками. — Допрыгались. С этого дня я буду выгонять с работы всех, кто с запахом. Штрафовать и рабочий день не засчитывать! Я вам вчерашний день не засчитываю! Уборка мусора за ваш счет!

Один из кровелей мрачно выплюнул чинарик, встал и злобно растоптал его, как ядовитого паука.

— Слышь, Степан Сидорович, — сказал он хмуро прорабу, — шел бы ты... в контору. Дождь, слякотно, кровля мокрая, внизу асфальт. А то поскользнешься, а нам отвечать...

Степан Сидорович Нерусь, не останавливаясь, совершил по кровле круг престижа и юркнул вниз по внутренней лестнице. Вообще-то он никогда никого не штрафовал. После его ухода на промокшей кровле двухэтажной школы состоялся следующий диалог:

— Ребра болят.

— Ломал?

— Ломал, в люк провалился, два этажа летел...

— Это на погоду...

— Не будет сегодня работы.

— Не, не будет.

— Кровля сырая.

— Катать нельзя, вскрывать нельзя — все промокнет.

— Еще этот дурак все настроение испортил.

-
- Было бы чего портить...
- Сгонял бы ты, что ли?
- Почему я?
- А я покараюлю.
- Чего караулить? Кто сюда полезет. А Нерусь больше не придет.
- И то правда. Пошли вдвоем, возьмем пол-литра.
- Чего пол-литра? Дождь на целый день.
- И то правда — возьмем литр и поедем к Вовке в больницу.
- Куда он теперь — в сторожа?
- Оклемается. Полгодика полежит — оклемается. Я ему больничный оплачу — раз моя вина.
- Я в доле — вдвоем прокормим. Семьи у него нет — вдвоем одного прокормим.
- Спрятав инструмент и баллоны с газом, они в последний раз огляделись и пошли к пожарной лестнице: так было опаснее, но быстрее.
- Кровеля к высоте привыкшие — работа такая. Они выше всех — выше их только летчики и космонавты.
- Дом без кровли не стоит, а потому без кровельщика — никуда. Кровель — профессия древняя. А гетера или путана — это не профессия.
- Кровеля людям кров сохраняют. Согласитесь — очень приятно, когда на тебя сверху не капает.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОМ ХАРАКТЕРЕ

...Углубись в прошедшие судьбы страны своей и своего народа и узнаешь свой дух в его духе и свою силу почерпнёшь из него.

К.П. Победоносцев

Познание и понимание собственного народа есть один из лучших способов познания самого себя. И наоборот. Характер русского народа, создавался и вырабатывался в течение тысячелетий под влиянием внешних обстоятельств и собственного внутреннего развития.

Всякое строение, в том числе и государственное, основывается на фундаменте. Под слоем земли, на котором мы стоим, находится огромная Евразийская тектоническая плита. В то же время Русская равнина лежит на цельной Восточно-Европейской платформе. Древняя Русь вся помещалась на ней. Эта основательность и незыблемость определили *основательность* русского характера. Не случайно русский человек любит делать всё добротнo, кондово, основательно.

Влияние географических условий на формирование характера народов отслеживают многие историки.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Необъятные просторы определили *широту* русского человека. Это отмечают все. Впрочем, почему необъятные? Они были объята и даже освоены нашими предками. На девять часовых поясов раскинулась наша страна. Девять! Чуть не половина земного шара! Значительную часть двух континентов покрывает Россия. Наименование Евразийской Державы соответствует её географическому положению.

Обращая внимание на восток Европы — Восточно-Европейскую равнину, на которой первоначально протекало наше историческое развитие, отметим её открытость, непересечённость горными хребтами или иными непроходимыми препятствиями. И эта *открытость* тоже стала особенностью русского характера.

Но это же предопределило и незащищённость нашей земли от бесконечных волн кочевников, сметавших всё живое на своём пути. Поэтому нашим предкам постоянно приходилось отрываться от орала и браться за меч, встречая непрошенных гостей. Потому слова «оратай» (пахарь) и «ратник» (воин) однокоренные.

Однако кочевые орды зачастую были столь многочисленны, что спастись от них можно было, только утаившись в непроходимых лесах и болотах либо растворяясь в огромных пространствах своей земли, а затем наносить смертельный удар. Таких примеров можно привести множество (начиная от «рассеяния» войска Дария в скифских степях, до наполеоновских и гитлеровских «увязаниях» в русских полях).

Пропитание наши предки издревле добывали охотой, рыболовством и хлебопашеством. При этом пахотные земли приходилось «отвоёвывать» у лесов и болот упорным трудом. Таким образом вырабатывалось в русском народе *упорство*.

Эти географическо-исторические условия заставляли русского человека быть одновременно открытым, добродушным, и в то же время твёрдым, неуступчивым. А вот к «тектонической» основательности добавилось безразличие к резким сменам обстоятельств: «авось пронесёт как-нибудь», а если не пронесёт — «небось, заново отстроим».

Кстати, с географией связана и вторая наша беда, которой нас бесконечно попрекают — дороги (о «дураках» речь пойдёт ниже). Надо учитывать, что снежный покров в России держится от трёх месяцев на юге, до полугода на севере. На это время дорогами становились русла рек и зеркала озёр — идеальные зимние дороги. А вот обычные, земные пути выравнивались снежными суvoями в сплошные непролазные равнины, глубиною по пояс, а то и по грудь взрослому человеку.

Отметим, что зима длиннее, чем у нас, нет ни в одной стране (сравнимы с нашими лишь зимы исландские и финляндс-

кие). Если взглянуть на климатическую карту Европы, то мы увидим, что линия январских холодов движется не с юга на север, а с запада на восток. Зимняя Европа, согреваемая тёплым Гольфстримом, холодеет по мере приближения к российским землям. Таким образом Москва, находящаяся гораздо южнее столицы Норвегии, зимует пять месяцев, в то время как Осло — незамерзающий порт, со среднемесячной температурой в январе всего минус 3 градуса. Для ещё большей наглядности добавим, что в нашем южном Ростове-на-Дону она составляет минус 6. В европейской России колебание от самой холодной до самой жаркой температуры составляет более 60 градусов! Понято, что такие перепады волей-неволей закаляют народ. Иностранцы не перестают удивляться нашей *выносливости*. И есть от чего. Наша родина по климату, пожалуй, самая суровая из всех обжитых человеком мест.

И ещё о географии. Через Россию пролегают многие межконтинентальные пути древности и современности: «Из варяг в греки», волжский путь — «из варяг в арабы», северный морской путь, Транссибирская железная дорога (которую, к тому же, планируют дотянуть до юга Кореи).

На протяжении всей истории через нашу страну проходили великие переселения народов. По так называемой Великой степи — проходному двору Евразии — прокатывались многие волны кочевников-завоевателей от гуннов и аваров до монголов. Со временем Русь вобрала в себя обширнейшие земли и превратила их в собственно российские. Эти геополитические составляющие определили *всемирность* русского мировоззрения.

Коренная Русь в основном страна лесная, и лишь на ее юге расположены степи. Это придало некоторую «лесистость» нашему характеру — угрюмость и привычку действовать самостоятельно. И это вошло в причудливое сочетание с открытостью и всемирностью.

В наших землях преобладают плавные линии пологих холмов в сочетании с гибкой извилистостью речных берегов. Они приучили нас к плавности и мягкой размашистости в поведении и творчестве. Посмотрите на купола наших церквей. Таких изящных и плавных линий строений, пожалуй, ни у кого больше нет.

Особенности русского характера определял и ход исторических событий в Отечестве. В свою очередь, история «оттачивала» и сам русский характер, дополняя и изменяя его на протяжении веков.

Археологические открытия последнего времени позволяют нам отнести начало нашего исторического бытия на несколь-

ко тысячелетий в глубь истории — гораздо раньше 862 года (призвание варягов). Об этом свидетельствует раскоп Межиричи под Киевом, насчитывающий 14 тысяч лет по археологическому подсчёту, и ещё более древнего происхождения захоронение Сунгирь под Москвой, а также раскоп Костёнки под Воронежем, сохранивший несколько культурных слоёв, и уральский город Аркаим, основанный 3800 лет тому назад.

Русские, как и все славяне, — Иафетово племя, сына Ноя, коему отец предрёк «распространение по лицу земли». Удивительно точно это предсказание относится именно к русскому народу, распространившемуся на шестую часть лица земли.

По преданию, Словен и Рус поселились в окрестностях реки Волхов примерно в 2500 году до н.э. Современный историк С.В. Перевезенцев считает, что этнические корни русского народа прослеживаются с рубежа III—II тысячелетий до Рождества Христова.

Согласно нордической теории, арии, проходя с северного побережья Евразии на юг, постепенно осваивали российские земли и продвигались далее в Иран и Индию. Не с тех ли времён у русских сохранился боевой клич и одновременно возглас радости «Ура», созвучный имени ариев?

В летописные времена Русь называли «Страной городов». Старейшие русские города были основаны в I тысячелетии нашей эры: Киев — в V веке, Старая Ладога — в VII, Путивль — в VIII веке.

Впрочем, русская история таит ещё множество загадок и представляет для нас широкое поле для исследования. Однако обобщения и выводы мы вправе делать, опираясь на исторические факты.

Русь с древнейших времён заселялась не в результате завоеваний, а мирным освоением земель нашими предками. Это редчайший случай в мировой истории. И он объясняет интереснейшую особенность русского характера — *отсутствие агрессивности*. Это тем более впечатляет, учитывая то, что Русь увеличилась в размерах многократно. Каким же образом такое могло произойти? Разрастание России проходило, как правило, тремя способами. Первый — добровольное вхождение в состав Империи народов, спасавшихся от беспокойных соседей (казахи, молдаване, армяне, грузины, латыши). Второй — освоение необитаемых или малообитаемых земель (Русский север, Пермский край, Урал, Сибирь, Чукотка, Тихоокеанское побережье, Аляска, западная Америка). Третий — военная и дипломатическая победа над агрессивными соседями, причём не только мелкими образованиями, но и мировыми империями (полное поглощение Польши,

Казанского, Астраханского, Хивинского и Крымского ханств), а также отвоевание спорных земель (Джунгарии у Китая, западного Кавказа, Крыма и Новороссии у Османской империи, восточного Закавказья у Персии, Финляндского княжества у Швеции, западнорусских областей у той же Речи Посполитой). Ни одно из этих приобретений не было «маленькой победоносной войной». Как правило, это были затяжные, изнурительные, многовековые противоборства.

При этом стоит отметить, что приобретённые земли не были колониями в привычном понимании. Все новые народы становились равноправными с русским. Больше того, они имели права, облегчающие адаптацию (осваивание) в новых российских условиях, и были надёжно защищены от притязаний соседей. И всё это благодаря необыкновенной *уживчивости* Русского народа. Он не мстил, не обижал, с пониманием относился к бытовым и культурным особенностям новопринятых народов, зачастую очень непонятным. Ведь абазги, лезгины, осетины, азербайджанцы, армяне, евреи, калмыки, карелы, нивхи, коми, удмурты, буряты, нанайцы, чукчи, якуты... относятся к самым разным племенным семьям и даже к разным цивилизациям. Все они сохранили своё культурное и духовное своеобразие в составе Русского государства. Таким образом, Российская цивилизация приобрела *многонациональное разнообразие*. Нигде в мире подобного нет. При этом сама она оставалась русской по духу.

Самым «полезным» историческим достижением нашего народа является *способность выживать в любых условиях* — в тех, где «нормальному человеку» выжить невозможно. И что особенно важно, было выработано *умение возрождаться* после смертельного разгрома, возрождаться при видимом умирании. Крушений и погромов, после которых оставалась выжженная и обезлюдевшая земля, было немало. Смут и междоусобных самоистреблений, от которых цветущее государство угасало, казалось, безвозвратно, мы тоже испытали предостаточно. Самые жестокие из них: монголо-татарский погром, Смута и польско-литовская интервенция XVII века, крушение Империи и Гражданская война, германо-европейское нашествие в XX столетии были почти смертельными для России, и вполне могли закончиться её гибелью. Однако заканчивались они непредсказуемым и логически необъяснимым преодолением недуга, хотя и оставляли глубокие рубцы на теле и душе народа. Россия возрождалась с новой силой в славе и в новом историческом обличье. Для этого требовались нечеловеческие усилия воли всего народа. И нечеловеческая — Божия — помощь приходила, помогая страждущему народу выб-

ратся из пропасти. Вот эта способность нам сейчас особенно нужна. Разгром государственности, идеологическое пленение, разорение и полуколониальную зависимость претерпела наша Родина в конце трагического XX века. Потребуются неимоверные усилия, чтобы сбросить ярмо «мировой закулисы».

Нынешняя смута (замятня) сложна тем, что враг не виден. Явны только последствия его действий. Преодолеть смуту мы сможем, только осознав себя, уяснив исконный характер нашего народа, его духовную силу, определив те скрепы, которыми держится Россия. В современной войне это и есть поле битвы. Народ, осознавший себя и верящий в Замысел Божий о себе, сможет вести борьбу не вслепую. Мы помним, что русский народ в «открытом» бою непобедим. Когда мы будем знать свою силу, видеть и понимать вражьи козни, то сможем преодолеть все испытания, и обрубить щупальца финансово-монополистическому спруту, опутавшему весь мир. Возвращение к русскости выявит всю нерусь, то есть инородные, разрушительные силы. Обретение русскости — наша общая задача. И в то же время это задача каждого из нас.

Начинать надо не с мировой революции и не со спасения мира, что под силу только Спасителю, а с себя, с любви к своему ближнему. Надо учиться любить своих близких, свою семью, свою Родину. Чтобы полюбить Родину, надо увидеть её красоту, понять её душу, познать её святость. Тогда и необходимые действия станут ясны. А это для русского человека уже полпобеды. Будет ясна высокая цель — придёт и победа.

Что же такое Россия, Русский Мир? Над его осмыслением трудились лучшие умы Отечества более тысячи лет, и рассказать об этом в одной статье невозможно. Обратимся к некоторым основополагающим понятиям, составляющим суть Русского Мира. Это язык, устои, культура, любомудрие, вера.

Словом «язык» раньше называли народ. Пока народ сохраняет свой язык, он жив. По свидетельству историка Егора Классена, веныды принесли на Балтийское море свою грамотность в 2000 году до н.э. Академик Б.А. Рыбаков утверждал: на праславянском языке говорили скифы-сколоты в V веке до Рождества Христова. В житии Кирилла и Мефодия указывается на то, что они обнаружили в Крыму Библию, написанную русскими письменами.

А.С. Шишков в книге «Славянорусский корнеслов» пишет: «Я почитаю язык наш столь древним, что источники его теряются во мраке времен; столь в звуках своих верным подражателем природы, что, кажется, она сама его составляла; столь изобильным в раздроблении мыслей на множество самых тонких отличий и вместе столь важным и простым, что

каждое говорящее им лицо может особыми... словами объясняться; столь вместе громким и нежным, что каждая труба и свирель, одна для возбуждения, другая для умиления сердец, могут находить в нем пристойные для себя звуки». Таким наш язык и остаётся. Однако на него напластовались слои чуждых влияний. Обращение к корням, в том числе и к корням слов поможет и нам прийти в себя.

Он позволяет передать в слове всё многообразие мира, способен выявить и обозначить самые тончайшие оттенки чувств, мыслей, явлений. Из корневого слова он позволяет создать необыкновенное множество новых слов, причём даже относящихся к разным частям речи. К примеру, имя существительное «стол» преобразуется в глагол «столоваться», прилагательные «столовый», «настольный» и бесчисленное количество новых существительных: «столица, столник, застолье, престол...»

Само наименование «русы» имеет несколько толкований: «светлый», «белый», «благородный», некоторые производят его от имени библейского народа рош. Во всяком случае, оно, несомненно, древнего происхождения. У индоевропейцев оно обозначало «господствующее племя, род».

Племена, называвшие себя русами, жили на Балтийском побережье, в восточных Альпах, Прикарпатье и Подонье. Со временем, влившись в славянское море, русы славянизировались и подарили имя своё всему Древнерусскому государству. Подобно тому, как болгары-тюрки, растворившись среди балканских славян, сохранили своё наименование в государстве Болгарском.

Пройдя через многочисленные трагические переломы, язык (народ и его речь) оставался единым. Но ордынская борозда, разделив его по разным государствам, породила и новые названия его составных частей: Малая (изначальная), Белая, Чёрная, Червонная и Великая. Однако тогда сохранялось внутреннее единство, и потому при соединении в одно государство все части срослись почти безболезненно. И даже сейчас, при очередном разделении, это внутреннее единство всё ещё сохраняется, несмотря на целенаправленную работу инородных сил на разобщение.

Русский язык — третий мировой язык (вслед за английским и испанским) по охвату стран, где на нём говорят, и народов, где его понимают.

Интерес к нему после перестроечного провала вновь возрастает. В странах «бывшего Советского Союза» (нашей многострадальной разделённой Родины) он по-прежнему остаётся языком межэтнического общения. В некоторых новых «незалежных» демократиях русский язык изгоняется всевозможны-

ми способами, но обойтись без него не могут. А для миллионов наших соотечественников в отсечённых частях Отечества он является просто родным языком. Хоть и не государственным, но родным, сохраняющим связь с большой Родиной.

Против русского языка, как основы русской цивилизации, ведётся долгая спланированная война. Вспомним лишь один пример. Преподавание русского языка в нашей школе поставлено таким образом, что к концу учёбы выпускники в большинстве своём его просто ненавидят. И эта разрушительная программа делает своё чёрное дело уже несколько десятков лет!

Поэзия любого народа переводится на русский язык, сохраняя при этом чистоту оригинала, а то и превосходя его. А вот русскую поэзию перевести на другие языки ох как непросто! Попробуйте, к примеру, перевести: «Отговорила роща золотая берёзовым весёлым языком». Его величие, красоту, безграничное разнообразие при необычайной стройности отмечали многие. Гоголь писал: «Русский язык затрагивает все струны, какие ни есть в русском человеке, вносит в наши души святиню...» Говоря о русской словесности, достаточно назвать имена Достоевского, Толстого, Гоголя, Пушкина, Тургенева, Островского, Чехова, Шолохова, Бунина, Набокова, Распутина, чтобы подняться к самым вершинам мировой литературы. Она признана во всём мире. А сколько у нас писателей, менее известных за границей, но любимых в самой России: Лесков, Ершов, Есенин, Клюев, Шмелёв, Б.Зайцев, Вампилов, Рубцов, Леонов, Астафьев, Белов... Русская литература сильна и нравственно высока и в состоянии сама по себе воспитывать полноценного человека.

Наше русское искусство покорило все мировые вершины. В музыке сочинительской Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков, Бородин, Рахманинов, Глазунов стоят в первом ряду лучших композиторов мира. Наша гордость — это и менее известные за границей Алябьев, Варламов, Гурилёв, Лядов, Калининков, Танеев, Свиридов... В музыке исполнительской тот же Рахманинов как пианист, Собинов, Шаляпин, Нежданова, Лемешев, Козловский, Рихтер, Архипова, Хворостовский...

Необыкновенно мелодична наша народная песня. Причём, это может быть городской романс, ямщицкие, авторские (от Пушкина до задушевных песен советского времени). Главным определителем здесь является сам народ. Если народ запел — значит, народная. Русская песня — это даже не музыкальная школа, это явление культуры. Она звучит во многих странах — от Норвегии до Японии и Китая. А вот фольклорная (аутентичная) музыка, то есть самая что ни на есть исконная народная, имеет довольно древнее происхождение, и в

живой традиции дожила до наших дней. Правда, наш слух, оглушённый «попсой» и «тяжёлым роком», воспринимает её с трудом, а она несёт в себе самую сокровенную, истинно русскую мелодику и внутреннее звучание, которое в состоянии разбудить нашу дремлющую русскую душу. Потому-то её так тщательно прячут от нас — а вдруг действительно разбудит?

Такой же силой обладает всё русское народное искусство (включая словесное и прикладное). Кто хоть раз видел традиционный праздничный костюм, расшитый узорами, сохранившими отголоски древнейших орнаментов, и кокошник, шитый жемчугом, тот никогда не обманется рассказами о темноте народа. Наши народные художественные промыслы Хохлома, Гжель, Жостово, Палех, Мстёра, тверское золотное шитьё, рязанская вышивка, богородская резьба по дереву, холмогорская резная кость, череповецкое ткачество, каслинское чугунное литьё, ростовская финифть, красносельская скань — это высшие образцы прикладного искусства. Они сохранили для нас узоры и образы, созданные нашими отдалёнными предками.

Можно сказать, что народное искусство — это показатель уровня культуры народа. Чем тоньше и искуснее обработка создаваемых предметов, тем, естественно, дольше их делать. А ведь они, как правило, являются предметами первой необходимости и нужны как можно скорее. И «лишь» тяга к прекрасному заставляет их делать медленно, но красиво. Наше народное искусство достойно самого искреннего уважения. Его необходимо всеми доступными способами внедрять, а точнее, возвращать, в повседневное обращение.

Нам могут возразить, что в XXI веке, на который приходится дальнейшее покорение космоса, компьютеризация и глобализация, возвращаться в старину неразумно. Однако даже самые заядлые модницы знают, что модные вещи нужно искать в бабушкиных сундуках.

Конечно, я не призываю копировать седую старину. Однако для нас важно окунуться в атмосферу подлинной русскости. Надо прочувствовать её ауру, или по-русски — дух. Не говорю — полюбить, нельзя не любить родную мать. Нам надо изучать Русский Мир, чтобы его **воссоздать**. Это даст нам возможность жить полноценной естественной жизнью. То, что этот старый мир — вовсе не отсталый, нам подтверждает наша русская мудрость. За тысячу лет русскими мыслителями был осмыслен и в стройных выражениях высказан смысл существования на земле России, её место в мировой истории, суть Божиего замысла о русском народе. Определе-

ны и сформулированы задачи русской власти, разработан оптимальный вид построения общества, обозначен путь спасения души человека.

Отечественная мысль раскрыла смысл жизни на земле и дорогу к жизни вечной. Конечно, её философские формулы (выкладки) не буквально приложимы в сегодняшний день, но она предоставляет нам все необходимые установки для творческого осмысления и применения в современных условиях.

К примеру, в наш век индустриализации, химизации и генетической обработки сельскохозяйственной продукции, вполне разумно вернуться к опыту натурального хозяйства, чтобы по возможности получить максимально чистые продукты, иначе дело придёт к глобальному отравлению человечества. Кстати говоря, народ самопроизвольно приспосабливается к существующему положению. Половина продукции нашего сельского хозяйства вырабатывается на личных подсобных участках.

Ещё один пример. Православная Церковь всегда называла лучшим способом устройства жизни в миру семью и всегда призывала власть ради укрепления самого государства укреплять семью. Сейчас полноценная крепкая семья остаётся самой надёжной основой общественного устройства.

И третий пример, тесно связанный с предыдущим. Ещё сто лет назад полноценной семьёй считалась та, в которой проживает не менее трёх поколений — отцы-дети-внуки. Это решало множество семейных проблем. Взять хотя бы постоянное общение детей с бабушкой и дедушкой внутри семьи. При этом дети не просто находятся под присмотром взрослых родственников. Они воспитываются, органично впитывая семейные и национальные традиции, а старики оказываются нужными и не брошенными. Мы же сейчас стремимся жить отдельно от родителей, тем самым создавая многие «неразрешимые» проблемы, отсутствующие в большой семье.

И самое главное, без чего говорить о русском мире вообще бессмысленно, — это Православие. Не будучи богословом, я не стану подробно говорить о его сущности. Приведу лишь один бесспорный факт. Вся русская жизнь в течение тысячи лет строилась по законам Православия и сам русский характер пропитался христианским духом. Если образно представить организм Руси, то мы увидим, что духовность освящает и просвещает его душу, укрепляет скелет и мышцы. Уберите дух — и мышцы ослабнут, скелет потеряет крепость, душа обмякнет, и организм начнёт гнить. И больше добавлять здесь нечего и не нужно. Вспомните слова Достоевского: «Русский человек без веры дрянь». Впрочем, как и лю-

бой другой. Могут возразить, что при Советской власти люди жили без Православия. Однако истина в том, что в советское время вера в Бога не умирала. Сонм новомучеников подтверждает это. В самые тяжёлые годы Русская Православная Церковь жила. И как только появилась возможность свободно посещать церковные службы — народ пошёл в храмы, никем не принуждаемый. Дело обстоит предельно просто. С верой во Христа мы возродимся, без веры — нет. Ибо напрасно трудятся зиждущие, возводя дом свой на песке. Камень, отверженный строителями «светлого будущего», сделался главою угла нового Православного Российского Царства.

Святая Русь — не отвлечённое философское понятие. Это Русская земля, наше земное Отечество, созданное великими трудами и великим духовным подвигом наших предков, в стремлении к Отечеству Небесному. Святая Русь — это высший смысл русской жизни.

Однако мы уже настолько далеко отошли от духовной высоты наших отцов, что для многих он стал просто непонятен. В лучшем случае, остался отдалённым идеалом. Поэтому сейчас, на первом этапе возрождения, правильнее говорить о Русском Мире (или русской цивилизации, для кого это понятие ближе). Русский Мир — это жизненные устои, выработанные русским народом, уклад русской жизни во всём его многообразии.

К великому сожалению, мы слишком много потеряли, забыли и просто проворонили. Но многое сохранилось «внутри» нас. Это внутреннее ощущение русской жизни надобно «разбудить». Для этого есть много способов. Один из них самый простой — привычка петь. Да, петь при любых жизненных обстоятельствах. Желательно народные песни. Совсем не трудно вернуть привычку (правильнее будет сказать установку) брать благословение на всякое дело, на всякое действие. Вслед за этим приходит «привычка» постоянно молиться. А это уже первый и важнейший шаг к воссозданию Святой Руси. Много из потерянного ещё можно вернуть. Ведь восстановили же мы тысячи храмов и сотни монастырей за невиданно короткий срок. Вдумайтесь, госвластители за этот срок растеряли, разбазарили и «прихватизировали» несметные богатства, а народ в это время восстановил тысячи (!) храмов. Русский народ настолько творчески одарённый, что для него нет невозможного. Особенно если перед ним поставлена возвышенная, святая цель. Тогда он просто «горы может свернуть». А возвращение некоторых забытых, но полезных бытовых (домоустроительных) привычек (устоев) не требует сворачивания гор. Если мы привыкли носить мини-юбки и неуклюжие фраки, то уж удобные женственные сарафаны осовремененного по-

кроя и вышитые рубахи носить не составит труда.

В этом плане Япония уже стала притчей во языцех: ультра-современное, высоко цивилизованное общество основано на древних японских обычаях. Свежий пример — исламский мир, где ещё более строгое отношение к традициям. Совсем недавно его причисляли к третьему (развивающемуся) миру, но сейчас с исламским миром вынуждены считаться все. И совсем новый пример, ещё не очень осознанный, — Китай. В нём жизнь тоже построена на национальных обычаях. За короткий срок он вошёл в число ведущих мировых держав — в укор нам. Очень убедительные примеры!

Вероятно, скажут, что у нас условия другие и время неподходящее. Но время-то наступает как раз подходящее. И вот почему: шок и затем многолетнее оцепенение от развала Советского Союза медленно, но неуклонно проходят. Соединённые Штаты, а если быть точнее — мировое правительство, получившее после крушения Советской империи в единоличное владение весь мир, и, в частности, контроль над Российской Федерацией, теперь вдруг забеспокоились. Они пока ещё многое контролируют и направляют, но власть их тает с каждым днём «яко дым», и ничего они с этим поделать не могут. В России наметился неосознанный, неорганизованный, возникающий как бы из ничего, но с каждым днём набирающий силу патриотический подъём. Даже агенты влияния Запада вынуждены перекрашиваться в «государственников». Как раз сейчас очень удобный момент для возрождения национальной жизни. Почва удобрена и ждёт плодотворных семян. Именно поэтому сейчас так важно изучать Русский Мир и возвращать в современную жизнь его составляющие. Возвращать умело, со знанием дела и твёрдо, иначе нам опять подсунут рецепты построения красивой жизни «в будущем» по заморским рецептам. Если потребуется, то их оденут в патриотическую упаковку — они большие мастера на всякого рода подделки. Долго нам раскачиваться не дадут — момент может быть упущен, как был упущен момент для воссоздания Союза. Теперь этот незаконный разрыв страны на части стал, с нашего молчаливого несогласия, устоявшимся во времени фактом. Незаконным, антинародным, жестоким, но, увы, устоявшимся фактом жизни.

У нас еще есть время на воссоздание Русского Мира. А в дальнейшем — на воссоздание Святой Руси, на самое высокое и самое благое дело Русского народа.

ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА БЫТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ

Адам Смит, отец политической экономии, причину богатств народов видел в развитом материальном производстве («Англия — мастерская мира») и торговле. Единственный способ для страны с бедными природными ресурсами разбогатеть — развивать трудоемкие, а в дальнейшем высокотехнологичные отрасли и работать на экспорт, за его счет покупая недостающее продовольствие, сырье и полуфабрикаты. Такая стратегия ведет к быстрому накоплению капитала, а большой капитал позволяет, в свою очередь, постоянно увеличивать финансирование высокотехнологичных отраслей и экспорта.

Располагая только дешевыми трудовыми ресурсами, послевоенная Япония начинала свой путь в XXI век с поставки на экспорт в страны с дорогой рабочей силой (США, Западная Европа) дешевых и качественных текстильных изделий. В дальнейшем развитие получило автомобилестроение (до Второй мировой войны в Японии действовал единственный завод по

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

производству трехколесных автомобилей), судостроение, сопутствующая им металлургия и станкостроение. Все эти отрасли были рассчитаны на экспорт. Широкое развитие получило производство бытовой электроники, часов и холодильных установок. По мере удорожания рабочей силы трудоемкие и экологически грязные производства сворачивались (эстафету перехватили Южная Корея, Тайвань и другие «тигры», повторившие путь Японии), зато наблюдался стремительный рост банковского дела, капитало- и наукоемких отраслей. Результат был таков, что проигравшая Вторую мировую войну Япония уже в 1980-е годы по валовому внутреннему продукту вышла на второе место в мире, обогнав СССР. И это при вдвое меньшем населении и практически полном отсутствии ископаемых природных ресурсов.

Величайшим благом России, а с другой стороны, ее несчастьем явились богатейшие ископаемые природные ресурсы, которые, по разным оценкам, составляют от 20% до 40% мировых запасов. Их не сэкономили и не сэкономили внутри страны. Изобилие ресурсов и их относительная дешевизна привели к тому, что и в экспорте сырьевая составляющая стала доминирующей. Отметим, что до 1917 г. экспорт сырой нефти из России был запрещен. На экспорт шли либо обработанные продукты, либо возобновимые природные ресурсы (лес, зерно и пр.). Развитие отечественной промышленности имело приоритетное значение. Напомним, что в 1914 году в России было заложено 5 автомобильных заводов (в Москве, Ярославле, Нижнем Новгороде и др.), и их строительству помешала только Первая мировая война с последующими революциями. Отметим развитое текстильное производство в начале XX века. В тот же период в России начала складываться зональная специализация сельского хозяйства, разрушенная большевистскими сельскохозяйственными экспериментами, к которой вне рыночными методами стали возвращаться только через полвека. Охотно притекал в страну и зарубежный капитал, создавая новые рабочие места и производства. Понятно, что это было взаимовыгодно. С другой стороны, никакие камлания современных демократических шаманов не приведут к притоку капитала в страну, их усилиями превратившейся из стабильной в нестабильную.

Чем выше глубина переработки изделия, тем это выгоднее для страны, реализующей этот товар. Поскольку высокотехнологичными изделиями торгуют высокоразвитые страны, то в цену этих товаров автоматически закладывается высокая цена рабочей силы стран-производителей. С другой стороны, рынок сырья контролируется, т.е. цена на сырьевые изделия искусственно занижается. Иначе говоря, тонна не-

фти продается по цене, соответствующей условиям наиболее устойчивой дешевой добычи (большие запасы, высокий дебет скважин, легкая доставка дешевым морским транспортом), для нас же выгода продажи сырой нефти уменьшается на величину затрат ее добычи в суровых условиях вечной мерзлоты и доставки трубопроводным транспортом через весь континент в места потребления.

Развитые капиталистические страны заинтересованы в России в качестве поставщика дешевого сырья и потребителя дорогих западных изделий. Им не нужен конкурент в области высоких технологий. Но это прямо противоречит национальным интересам России. Национальные интересы подразумевают регулирование внутреннего рынка. Например, если минимальный уровень оплаты труда в стране высок, то проникновение на внутренний рынок дешевых и качественных изделий из стран с дешевой рабочей силой благо, т.к. оно позволяет на минимальную заработную плату купить больше товаров. С другой стороны, это должно компенсироваться поставкой дорогого высокотехнологичного товара в страну, которая поставляет дешевый товар на сопоставимую сумму, чтобы не падала своя валюта (торговый баланс), либо вести более сложную игру, имея с одной страной отрицательный торговый баланс, а с другой — положительный.

Российское сырье идет на переработку в основном в страны Европы, с которыми у России положительный торговый баланс, а существенную часть продовольственных и иных товаров Россия закупает в США, имея с ними отрицательный торговый баланс. Только куриных ножек Россия ежегодно закупает более чем на полмиллиарда долларов, тем самым создавая в Америке рабочие места и лишая таковых отечественных производителей. По той же причине США не заинтересованы в развитии самолетостроения в России. В свое время вокруг поставок Индии криогенных установок разразился скандал, лишивший нашу промышленность выгодного заказа. Свой национальный интерес американцы готовы отстаивать всеми мыслимыми и немыслимыми формами подкупа и давления.

Те, кто делает реальную политику США, отчетливо понимают, что любое усиление их нестабильности с имеющимся в них расовым и национальным конгломератом населения способно вызвать взрыв ужасающей силы, в котором сторгят их хваленые демократия и благополучие. Не случайно только в конгрессе США интересы 2,5 тыс. американских фирм и корпораций отстаивают свыше 9 тыс. официально зарегистрированных лоббистов, а количество лоббистов американских интересов (в том числе и высокопоставленных) за пределами США намного выше.

Да что США? Турция, Китай, иные страны блюдут свои интересы не в пример России. Правильнее сказать — в пример. В слаборазвитых странах местные товары, как правило, уступают импортным, а чиновники и законодатели, которые могли бы защищать интересы отечественного товаропроизводителя, покупаются, как и сырье, по бросовым ценам.

Когда российские обыватели думают, что они живут при капитализме, они глубоко заблуждаются. То, что мы имеем сейчас в России, — не рынок, а базар. Рынок развитых стран устроен таким образом, что основными товаропроизводителями являются очень ограниченное число транснациональных корпораций. Во всем мире их несколько сот. Их обслуживает очень небольшое количество банков. Обороты этих корпораций и капиталы этих банков исчисляются сотнями миллиардов долларов. Едва ли не ежегодно мы наблюдаем процесс слияния этих суперкорпораций и банков. А вот общее число банков и фирм в развитых странах огромно. Но подавляющее их количество — это мыльные пузыри, так как состоят они из президента (банка или компании) и его секретарши.

Известно, что банки в рыночной экономике необходимы для а) сохранения и приращения денег на счетах различных юридических и физических лиц; б) для концентрации средств на финансирование крупных инвестиционных проектов. В чем преимущество крупных банков перед мелкими? В первую очередь в надежности. Надежность подразумевает длительный срок функционирования банка, выработку в нем определенных традиций (банковской культуры), возможность держать большое количество высококлассных специалистов. Во-вторых, крупный банк в состоянии профинансировать крупный проект. В-третьих, дорожа своей репутацией, крупный банк не пускается в финансирование сомнительных проектов и в спекуляции. Посмотрим, что представляют собой банки России.

После падения коммунистического режима в России начался банковский бум. Государство разрешило открывать частные банки, и в самостоятельные негосударственные банки была преобразована значительная часть бывших отделений Госбанка и Сберегательного банка РСФСР. Кроме них на основе привлеченного в основном из сферы теневой экономики капитала был сформирован целый ряд новых банков. Хотя около трехсот банков только в одном 1995 году было лишено лицензии, на их месте как головы у дракона тут же вырастали новые. Пик банковского строительства пришелся на 1996 год. В этом году в РФ официально существовало свыше 2300 банков. В настоящее время в стране функционирует свыше 1300

банков, уставной капитал подавляющего большинства из них не превышает миллиона долларов. Между тем на Западе банк с капиталом менее 1 млрд. долларов считается мелким. Хотя объективный процесс разорения мелких банков и объединения их в крупные в России идет, но отнюдь не такими темпами, которые необходимы для концентрации банковского капитала для конкуренции с крупными западными банками и выхода из экономического кризиса.

На чем делали деньги вновь образованные банки России? Механизмы просты и понятны. Банки, имеющие «хорошие» связи с чиновничеством, получали государственные кредиты, но в условиях мощной инфляции возвращали государству существенно обесцененные деньги. Банки, имевшие худшие связи в чиновных кругах, держали деньги клиентов на своих счетах, но в условиях инфляции и в пересчете на устойчивый товар не гарантировали этим клиентам не только прироста, но и сохранения вложенных денег. Номинально вклад рос, а фактически обесценивался. Таким образом, чем больше предприятий имело счета в коммерческом банке, и чем они были крупнее, тем выгоднее было для банка и директоров этих предприятий. Страдали же от такого «союза» работники предприятий, месяцами не получавшие зарплаты. Понятно, что в этих условиях директора крупных предприятий принялись создавать некое подобие холдингов, т.е. куста из банка, предприятия и страховой компании, т.к. такая структура позволяла перекачивать средства из общественного кармана в карманы ограниченного числа заинтересованных лиц. Именно этому обстоятельству мы и обязаны появлению такого несусветного количества банков в нашей стране. Понятно, что к подлинной банковской деятельности, как и к национально-государственным интересам России деятельность подобных банков не имеет ни малейшего отношения.

Накапливаемые средства коммерческие российские банки пускают на скупку бывших государственных предприятий за жалкие проценты от их стоимости. Хотя у банков нет средств модернизировать или, на худой конец, поддерживать в работоспособном состоянии скупаемые ими предприятия, банки прекрасно понимают, что заработать в случае чего при изменившейся конъюнктуре можно на их простой перепродаже. Например, продав западным покупателям по цене металлолома.

Вывод из всего этого один. Весь банковский бизнес в России краткосрочный. Инвестиции на срок 3—5 лет и больше практически отсутствуют. Их и не предвидится при существующей государственной политике финансовой подпитки воров. И это при том, что банковский сектор является важнейшим в капита-

листической экономике. Западный обыватель имеет возможность осуществлять накопления или вкладываясь в недвижимость (хотя ее стоимость, как правило, со временем растет, но во многих странах велик налог на недвижимость), или вложив деньги в банк, или купив акции акционерных предприятий. Надежный банк дает самый низкий процент на вложенный капитал, но и самые высокие гарантии сохранности денег. Крупное акционерное общество дает на акции существенно больший процент, а мелкое и ненадежное — еще больший. Но и велика вероятность того, что этот высокий процент предлагают приснопамятные мавроди.

Таким образом для обывателя оптимальным является быть владельцем небольшого пакета акций крупной корпорации, а еще лучше не одной. Казалось бы, если основными владельцами корпорации являются обыватели, то что мешает управляющему обворовывать свое предприятие, как это происходит повсеместно в России. Отнюдь не совесть. Обыватель на Западе голосует ногами. Если ежегодные выплаты на акции уменьшаются, то владелец нескольких акций продает их, и покупает акции корпораций, начисляющих более высокие дивиденды. При сильном оттоке акционеров (кормильцев) совет директоров в шею выгонит нерадивого управляющего.

Добавим, что в наиболее динамично развивающиеся отрасли притекает капитал, и это естественно, так как образуется сверхприбыль, за счет которой можно повышать доходность акций. Но приток капитала работает на то, что эту сверхприбыль хочет заработать не одна корпорация. Возникает конкуренция. Рынок насыщается товаром. Доходы падают до уровня обычной нормы прибыли.

Вернемся в наше многострадальное Отечество. Лично я не знаю ни одной корпорации, которая выплачивала бы на акции сколько-нибудь существенные дивиденды. Даже знаменитый «Газпром» платит акционерам гроши. В свое время мой приятель поменял ваучеры на акции «Газпрома». Один «чубайс» был тогда в цену трех бутылок водки. Не прогадал. Обмененные акции и сейчас столько стоят. Тем не менее фондовый рынок в России существует. Кто же на нем работает? Доморощенные и западные спекулянты и воры. Как только улучшаются условия для воровства, сразу цены акций российских предприятий ползут вверх. А в случае даже робких намеков на прекращение бардака стремительно катятся вниз. Ну и, конечно, когда очередной абрамович решает стать владельцем русского алюминия или нефти, акции тоже продаются и покупаются.

После падения коммунистического режима Россия столкнулась с необходимостью защищать отечественного това-

ропроизводителя и свои национальные интересы. Чем быстрее Россия это осознает, тем быстрее наступит вожеленная стабилизация и промышленный рост.

Какое народное хозяйство необходимо России? Достаточно очевидно, что смешанного типа. Хозяйство должно быть плановым. Но не директивным, как в коммунистические годы, а индикативным. Это означает, что на перспективу (4—5 лет) государство планирует пропорции развития необходимых России отраслей экономики и, пользуясь налоговыми, таможенными, инвестициями и пр. рычагами, стимулирует рост производства. Естественные монополии (транспорт, связь, энергетическое хозяйство, предприятия оборонного комплекса) необходимо сохранить в собственности государства. Необходимо вернуться если не к полной, то хотя бы к частичной монополии внешней торговли. Имеется в виду, что весь экспорт сырьевых ресурсов, а также леса, рыбы, всех видов металлов должен осуществляться только государством. Необходима государственная монополия на продажу винно-водочных и табачных изделий. Ориентировочные подсчеты показывают, что в этом случае в руках государства будет сосредоточено до половины экономики страны. Естественно, что они должны обслуживаться государственными банками. Чтобы управляющие государственными банками, компаниями и предприятиями не разорили их в свою пользу, госпредприятия необходимо строить по принципу акционерных обществ. Иначе говоря, необходимо привлечение средств населения на добровольной основе, при том что контрольный пакет акций принадлежит государству. В этом случае госуправляющий, не обеспечивший доходности по акциям либо за счет плохого управления, либо за счет воровства, автоматически лишается своего места.

Для остальных акционерных обществ, в которых государство не участвует капиталами, необходим запуск механизма банкротства. Используя государственные механизмы, необходимо стимулировать слияние коммерческих банков и корпораций. При этом государству не следует забывать о необходимости конкурентной среды для улучшения качества изделий и услуг. Таким образом, в национальной экономике как предприниматели, производящие качественные товары и услуги, так и государство, способствующее их деятельности, должны служить русской нации. А не с точностью до наоборот, как происходит в настоящее время.

*Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов*

Вячеслав ЕГИЗАРОВ (г. Ялта)

КРЫМСКИЕ ПЕСНИ

РЕКВИЕМ

Это море моё, этот пляж, этот мыс, эти выси,
я здесь прожил века, что мелькнули, как пара минут,
снова солнце с луной на небесном висят коромысле
и по небу дневному над горной грядой плывут.

Снова я, как пацан, гальку плоскую в гальке прибрежной
всё ищу, чтоб швырнуть, чтоб запрыгала в брызгах она,
это море моё, этот пляж, этот мыс, эта нежность,
эта жизнь, что прошла, как прибой, за волною волна.

И когда я скажу, что не жалко, не верьте, не верьте,
солнце гаснет уже, но зато всё яснее луна,
это море моё, этот пляж, этот мыс, а бессмертье
пусть останется им, я и так получил всё сполна...

СЕЛЕНОВЫЙ СВЕТ

Селеновый свет серебрит кипарисы и сад,
от песен сверчков под балконом вибрирует воздух,

кот бродит по крыше, он, как мини-тигр, — полосат,
мерцают кошачьи глаза, как янтарные звезды.

А грустный флейтист всё играет на флейте своей
в бездонной ночи, ловит души таким вот манером,
качаются в гавани плавно огни кораблей,
их видно с балкона, и море вздыхает за сквером.

Я ночи такие люблю на балконе встречать,
я слушаю сад, где то шелест, то шёпот растений,
на стихшем квартале лежит колдовская печать,
селеновый свет пропитал волшебством даже тени.

О, здесь так легко снова вспомнить беседку меж ив,
летающий твой профиль на гаснущем фоне заката,
и если сейчас я живу, тем денькам изменив,
то в этом лишь время одно, лишь оно виновато.

Селеновый свет кипарисы и сад серебрят,
а трели сверчков размечтаться заставят и сваю,
и если над морем проносится метеорит,
желанье заветное я загадать успеваю...

* * *

Бормотание речки, полынный настой, лопухи,
стадо бурых коров не спеша переходит дорогу,
ненароком стрекозы в мои залетают стихи
и не знают, как вылететь, или, вернее, не могут.

Городской суеты в мире этом не знает никто
и, наверное, здесь не бывает «нелётной погоды»,
даже виды выдавший, поддатый мужчина, и то
гармоничен настолько, что кажется частью природы.

На погосте кресты покосились, могилы травой
заросли, и такую здесь веет старинной тоскою,
что в домишке обшарпанном стонет всю ночь домовой,
потому что нет двери и ставни забиты доскою.

Я хотел тишины, я ее получил на все сто
(нет, не гривен процентов). А сини небесной здесь! Сини!
В паутине обширной застыли паук и листок,
а капустница белая бьётся пока в паутине.

Я в «маршрутку» зайду, я вернусь в свой родимый бедлам
(было вроде легко, да вот чувствую в сердце занозы).
Я стихи эти сразу, конечно, в печать не отдам,
пусть еще поживут в них, не ведая горя, стрекозы.

А когда отупею от шума, от бед, толкотни,
от вранья и обид, что-то главное в жизни теряя,
пусть сверканием крыльев опять мне напомнят они
ту тоску, бормотание речки и небо без края...

* * *

Кипарисы растут вдоль дорог по закону ранжира,
им под стать тополя — это Крым, так любимый душой.
Во дворе под балконом раскинулись ветви инжира,
винных ягод его я, признаться, поклонник большой.

И с какого холма ни посмотришь, всегда видно море,
и не взглядом, а сердцем привязаны все мы к нему;
видно, Крым создавался действительно в Божьей конторе:
столько райских примет нахожу я сегодня в Крыму.

Я крымчан узнаю по словам, по походке, по взгляду,
крымскость в них, как загар, ее видно на каждом шагу.
Крым есть Крым! И меня убеждать в этом вовсе не надо,
я и сам убедить кого хочешь спокойно смогу.

Я в жемчужине Крыма, — о, Ялта! — родился и вырос,
и все беды ее я, как личные беды, приму,
а суровый степной Крым достался мне тоже на вынос —
и душа за него то ль болит, то ли рвется к нему.

Пусть порой говорят, что поэт я негромкий и местный,
да и внешность, того... не лиричен, мол, облик и стать.
Быть известным на Родине — это ль, скажите, не лестно?
Да о высшей награде поэт и не смеет мечтать!

По закону ранжира растут вдоль дорог кипарисы,
волн прически свежак так завил, словно все — в бигуди...
И последний мой стих, я надеюсь, еще не написан,
столько строчек высоких теснятся о Крыме в груди!

РАССКАЗЫ

БРАТЯ

Эшелон шел уже седьмой день, практически без остановок. Через маленькую щель в углу вагона Василь почти все время смотрел на уходящий от эшелона мир, пытаясь запомнить приметные места. Но на четвертый день всё исчезло, и унылый однообразный вид снежной пустыни утомил его. Ни деревца, ни кусточка, кругом только снежная белизна, режущая глаза. И когда эшелон в очередной раз остановился, а стук колес сменил безудержный лай собак, стало понятно, доехали. Василь снова заглянул в щель и увидел вдоль вагонов шеренгу солдат с собаками, а за ними лежала всё та же земная пустошь.

Их высадили. Построили в ровные шеренги, пересчитали поголовно. Затем взвод автоматчиков, сопровождавших этап, вернулся в вагоны. Паровоз свистнул, тронулся и вскоре скрылся, словно его и не было.

Этапников снова перестроили, теперь уже в колонны плотней.

— Направо! Шагом м-арш! — скомандовал старший, и колонна медленно двинулась в сторону лагеря, который находился километрах в шести от железной дороги.

Люди в колонне оживились, надышавшись свежего воздуха. По отекившим от бездействия ногам побежала кровь, и вскоре шагать стало легче, несмотря на холод.

Солдаты, в одинаковых тулупах, лениво брели вдоль колонны, позволяя собакам тащить себя за поводки. Наконец показались бараки, окруженные двойной стеной колючей проволоки и вышками по всему периметру. У Василя защемило сердце, он еще раз оглянулся назад на смыкающуюся за колонной пустошь и подумал: «Отсюда не уйти!»

Ночью, на четвертые сутки, кто-то тронул ногу Василя и потянул к себе. Василь вскочил и в темноте силился разглядеть, кто его разбудил.

— Эй, хлопчик, слезай! Дело есть, — сказал шепотом незнакомец.

Едва проникающий в барак свет осветил его лицо, Василь признал в нем одного из воровских своего барака. Василь спрыгнул с нар и встал напротив. Соседи по нарам проснулись и теперь, развернувшись, слушали их разговор.

— Чего тебе? — спросил Василь.

— Пойдешь со мной, — сказал незнакомец. — С тобой хотя бы поговорить. Тут недалеко, через барак.

Василь вопросительно взглянул на своих друзей. Старший из них, по имени Андрей, спрыгнул и встал между ними.

— Никуда он не пойдет! — заявил он. — А ну говори, кто его звал?

Незнакомец, переминаясь с ноги на ногу, жалостно ответил:

— А я почему знаю, хлопцы, кажись из ваших! У нас сам знаешь, лишних вопросов не задают! Да мне уплачено уже. Нет, так нет! Вот пойду и скажу.

— Ты не крути! — сказал товарищ Василя. — Наши бы сначала знать о себе дали. Тут все по своим понятиям живут. А вот от кого ты, не пойму я!

— Не знаю я, не знаю, — занервничал незнакомец. — Не сказал он! Только я с него слово взял, что хлопец живым-здоровым к вам вернется.

— Ну, тебе слово дать, не сильно обмахешься! Ладно, стой тут, — распорядился Андрей и повернулся к Василю. — Что, Василь? Пойдешь, али как? Вообще-то тут словами не бросаются. Может, и правда кто из наших?

— Пойду я, — ответил Василь и без лишних слов ушел с незнакомцем.

Они прошли к бараку. У самого входа, в закутке, стояли печка-«буржуйка» и самодельный на козлах стол. За столом сидел, полусогнувшись к печке, человек. Он обернулся, и Василь признал в нем своего старшего брата Степана.

Степан был болен, его знобило. Василь добавил ему в кружку кипятка, тот обхватил кружку руками, словно пытался впитать ее тепло.

— Домашних давно видел? — спросил он.

— Давно, — ответил Василь. — Я как немцы отступать начали, старался быть подальше от наших мест. Придут ваши, загребут за пособничество. Гришка один остался с родителями. От Ганки какая помощь, у нее своя семья.

— «Наши-ваши», всё равно забрать могут. Ты — бандеровец, я — враг народа. Всё одно — передохнем мы здесь!

— Ну уж нет, браток! — возразил Василь. — Ты как хочешь, а я вот пригляжусь и уйду отсюда.

— Куда уйдешь? — усмехнулся Степан. — Здесь сотни километров полупустыни и птицы облетают эти места. Погоди, а чего это ты, Василь, седой уж весь?

— Не поверишь, за одну ночь поседел.

— Что так?

Василь опустил голову, помолчал и заговорил:

— Да так. Помнишь дядьку Петра с соседнего хутора? Так его твои коммуняки в председатели определили. Мы в ночь туда зашли, вроде как за харчами, да потом командиры порешили и к дядьке Петру зайти, вроде как припугнуть. Не знаю, что там у них вышло, только сожгли они там всех. Живыми в печи. Всех. И тетю Оксану, и детишек. Крики их до сих пор в ушах стоят.

Степан сжал кулаки и опустил голову.

— Что же ты, Василь?! А помнишь, он всё как к батьке заходил, так завсегда тебя на колени сажал и гостинцами угощал?

— Не был я там! Я в оцеплении стоял! А ты, Степан, когда сельчан наших со своими дружками пострелял как пособников, вспомнил, что среди них двоюродный дядька твой?

Степан промолчал, а позже сказал, не поднимая головы:

— Да нешто нас мать с отцом родили кровь проливать вот этими руками?

— Не знаю я, братка, да только гореть нам в пламени адском. Будь оно всё проклято!

— Да мне уж скоро, — отозвался Степан. — А ты уж побереги себя, Василь, авось свидишься с родными. Так ты передай им поклон от меня.

— Да что ты, Степан, — сказал и обнял брата Василь. — Вместе, вместе поклонимся родителям!

Спустя два дня, на построении, Василь услышал за спиной знакомый голос, того самого, из воровских.

— Слышь, хлопчик! Велено передать. Знакомого твоего в лазарет отправили. Сказали, плохой он. Если хочешь увидеть живого, поспешай. После построения я буду ждать у барака. Иди за мной, я покажу, как в лазарет пробраться.

После построения у барака Василь увидел знакомого. Тот заметил его, развернулся и пошел вдоль барака. Василь поспешил за ним.

Поплутав по снежным лабиринтам, они, наконец, остановились, и его попутчик сказал, указывая на небольшой барак:

— Вот он, лазарет! Ползи к нему. Двери с другой стороны. Пройди незаметно, а внутри и персонал, и врачи из ээка, там спросишь, кого надо. Давай!

Василь перемахнул через сугробы и где ползком, а где и пробежкой, согнувшись, подбежал к стене барака.

Почти у самого угла строения он натолкнулся на небрежно сваленные трупы и тотчас узнал среди них своего брата.

Степан лежал уже одеревенелый, с широко открытыми глазами и приоткрытым ртом.

Василь опустился на колени, положил на них голову брата и беззвучно заплакал, утирая от слез и мелко падающего снега лицо Степана, отчего оно вскоре стало влажным и мягким.

Неожиданно из-за угла барака появился солдат. Он взглянул на Василя и спросил:

— Эй, ты чего тут?

— Это брат мой, — ответил Василь. — Можно я побуду с ним?

— Чего-о! — потянул солдат. — А ну марш отсюда!

— Братишка! — сказал Василь, поднимаясь с колен. — Я чую, ты наш хлопец, с Украины. Позволь, а?

— Тебе, вражина, тамбовский волк — брат! — зашипел солдат. — Дуй отсюда, чтобы духу твоего здесь не было!

— Ах ты, гад! — возмутился Василь. — Попался бы ты мне на воле, посмотрел бы я на тебя, вояку!

Солдат оглянулся вокруг, чему-то вдруг улыбнулся.

— Не бойсь, не попадусь! — сказал он и, мелко перекрестившись, снял с плеча карабин. Почти не целясь, выстрелил прямо в сердце Василя.

Василь разве что лишь успел взглянуть на брата и упал рядом.

На выстрел тотчас прибежали офицер с двумя солдатами.

— Кто стрелял? Что случилось? — спросил офицер.

— Вот, товарищ лейтенант, — махнул в сторону Василя солдат. — Бросился на меня, хотел оружие забрать!

Офицер оглянулся вокруг и усомнился:

— Напал, говоришь? Что-то я следов борьбы не вижу.

— Да что же я, должен был ждать, когда он мне на шею бросится? — обиженно ответил солдат. — Да гляньте, чего он тут делал?! Сидел и ждал, на кого напасть!

Офицер потоптался вокруг, махнул рукой и сказал стоявшему рядом солдату:

— Сержант! Сейчас пойдете с рядовым к дежурному офицеру и оформите труп.

— Есть! — ответил сержант. — А что, товарищ лейтенант, труп тоже до дежурного?

— Да на кой он ему нужен, — ругнулся офицер. — Запомни номер, и оформляйте, вот как он всё рассказал. А труп бросьте к остальным.

Лейтенант ушел. Сержант с солдатом подняли тело Василя и после короткого взмаха бросили поверх других трупов.

— Пошли! — сказал сержант и двинулся вперед.

Солдат быстро оглянулся, взглянул на Василя, чему-то улыбнулся и поспешил за сержантом.

У ворот лагеря, на высоком столбе, нещадно скрипел при-крытый колпаком фонарь. Раскачиваясь, он освещал будку часового и едва заметную, припорошенную снегом дорогу к лагерю. По освещенной прожекторами дороге из-за бараков показались запряженные лошаадью сани-розвальни.

Они едва приблизились, как часовой без всякой команды распахнул ворота.

— Тпр-р-р! — скомандовал солдат, управлявший санями и, едва они остановились, легко соскочил с них.

— Здорово, Ваня! — приветствовал солдата часовой. — Давно я тебя здесь не видел!

— А у нас график не совпадал, — ответил солдат. — Сейчас зима, товар не портится, вот и вывожу раз в два, а то и в три дня.

— Понятно! — сказал часовой и, приблизившись, взглянул в сани.

На санях лежали не вдоль, а поперек, аккуратно сложенные друг на друга трупы.

— А что, Вань, неплохо тебе служится, — сказал часовой. — Числишься тут труповозом, а домой придешь, так бабам будешь рассказывать, что чуть ли не государственных преступников охранял!

— А чо?! — откликнулся солдат, указывая на трупы. — Чем они не государственные преступники? Какая разница, живые они али мертвые? Вот только званиями да значками меня обделяют.

Часовой рассмеялся, но, видимо, привыкший донимать своих собеседников, спросил:

— А за что тебе значки-то? Ты вон сегодня на политзанятиях не мог вспомнить, на каком съезде Ленин меньшевиков разоблачал! Что ж ты так?

— А ну их! Разве всё упомнишь! — ответил солдат и, снова указывая на сани, прибавил: — Вон их до сих пор разоблачают! Не одному мне за службу возить хватит!

Они прошлись вдоль саней, и часовой вдруг сказал:

— Смотри! Смотри! А вот этот как похож вон на того!

Солдат взглянул и удивился:

— И впрямь похож, — сказал он. — Только вот этот вроде постарше. А которого помладше, стрельнул кто-то.

— Это Сахно его стрельнул! Уже третьего стреляет, как будто при попытке к бегству. Всё отпуск хочет заработать!

— Ты подумай! Не боятся-то люди греха! — покачал головой солдат и сказал: — Ну, давай, принимай товар, а то мне еще возвращаться.

— Это мы мигом! — согласился часовой.

Он прошел за будку, достал из-за нее кирку, обрезанную для легкости с одной стороны, скоро и умело пробил ею черепушку всех трупов.

— Нормально! — сказал он. — Послушай, Вань, а куда ты их возишь? Говорят, что та траншея, которую мы еще по осени приготовили, уже полная.

— А зам по хозчасти нашел немного дальше одну расщелину, так я туда свожу. А по весне землей закидают! Ну, бывай, служба!

Солдат легко запрыгнул на сани, дернул за вожжи искомандовал:

— Но-о-о! Вперед, Сивка! Поехали!

ГЕРОЙ АУЛА АК-ТАШ

— Салеха-апай! Салеха-апай! — услышала крик у юрты Салеха и, выглянув из нее, увидела на молодом жеребце младшего сынишку Серикбая, который, завидев ее, еще пуще закричал: — Суюнши! Салеха-апай! Суюнши! Ваш Кокен едет с войны домой! Суюнши!

Молодой жеребец то ли из норова, то ли испугавшись звонкого голоса своего юного наездника, нещадно копытил землю, подняв столб пыли, и никак не хотел останавливаться. Наконец Салеха поймала его за узду и, притянув к себе, успокоила коня.

— Что ты сказал, сынок? Откуда знаешь? — задыхаясь от волнения и борьбы с жеребцом, спросила Салеха.

— Вот, вот! Телеграмма! — закричал мальчик, и только теперь Салеха увидела в его руке клочок бумаги, которым он размахивал.

Салеха выхватила бумажку, всмотрелась и, испугавшись неровных, незнакомых и непонятных ей печатных рядов букв, поспешно сунула ее обратно в руки мальчишке и взмолилась:

— Сыночек! Ты ведь знаешь, я не умею читать. Прочитай, что тут написано.

— Здесь написано, чтобы вы встречали Кокена восемнадцатого числа в одиннадцать часов с поезда, вот! С вас суюнши, Салеха-апай!

— Подожди меня, сынок! Подожди! — попросила Салеха и забежала в юрту. Там она быстро открыла сундук, выхватила среди прочего отрез материала и, выбежав обратно, вручила его мальчишке.

— На, сынок. Пусть мама сошьет тебе хороший костюм.

— Спасибо, тетя! — сказал мальчик и, погоняя жеребца коленками, ускакал прочь вдоль юрт, размахивая дорогим подарком и крича:

— У Салехи-апай сын едет с войны домой!!!

В полдень в юрту Салехи заглянул председатель Ертай. Он, верно, не слышал новости о Кокене, поскольку, поздоровавшись, ни о чем не расспрашивая, охотно принял приглашение попить чаю.

Он важно дул на пиалу с горячим чаем и, отпивая очередной глоток, сказал Салехе:

— Я по делу к тебе. Скажи своим дочкам, пусть собираются, я хочу отправить их завтра на две недели в бригаду Куаныша, там не хватает рабочих рук.

— Ты бы подождал с этим два дня, Ертай, у нас Кокен возвращается с войны. Пусть хоть девочки увидят его.

— Да ты что, сестра! Поздравляю! — оживился Ертай. — Конечно, если так. А откуда знаешь? Письмо, что ли, прислал?

— Нет, — ответила Салеха. — Талегаму вот прислал.

И, поспешно достав из-за портрета Сталина аккуратно сложенную бумагу, развернула и подала председателю.

— «Талегаму» говоришь! Ха-ха! Да никакая это не «талегама», а телеграмма! Ты смотри, действительно! А ведь до войны-то он и писать-то толком не умел.

Ертай мельком взглянул на бумажку, потом еще, зачем-то прочитал ее, а потом и вовсе поднялся, встав под лучи света из приоткрытого шанырака, снова прочитал телеграмму.

— А скажи-ка мне, Салеха, — спросил он вдруг, — давно ли ты от Кокена письмо получала?

— Да вот месяц как будто назад, — ответила удивленная Салеха. — А что случилось, Ертай?

— Да ничего, ничего, — сказал Ертай. — А ну-ка дай мне это последнее письмо.

Он несколько раз внимательно прочитал его и, пожав плечами, вдруг промолвил:

— Ничего не понимаю!

— Да что случилось-то?! — забеспокоилась Салеха. — Не молчи, Ертай! Что написано в этой талегаме?

— Успокойся, сестра, всё нормально, — ответил Ертай.

Он еще походил по юрте, перечитывая обе бумаги, затем подошел к Салехе, и заявил:

— Вот что, Салеха. Я возьму у тебя эту телеграмму, а вечером обязательно верну, хорошо?

Тут Салехе стало совсем плохо. Ничего не понимая, она молча опустила на сундук. Ертай взглянул на нее, раздумывая о чем-то, но потом выбежал с юрты, вскочил на коня и умчался прочь.

В кабинет первого секретаря райкома партии Ертай вошел, буквально волоча за собой секретаршу, которой было указано никого не впускать в этот час к нему.

— Да пропусти ты его! — милостиво приказал первый секретарше, устав на сегодня от цифр и графиков для своего предстоящего областного доклада. — Ну, ты даешь, Ертай Махмудович! Надеюсь, ты так рвался ко мне, чтобы доложить об очередной трудовой победе?

— Нет, товарищ первый секретарь, я принес вам новость получше! — ответил Ертай и аккуратно положил перед ним телеграмму.

Тот прочитал ее, затем взял в руки и еще раз прочитал вслух.

— «Встречайте восемнадцатого поездом. В одиннадцать часов. Герой Советского Союза Кокен Сарсенбаев».

Заседание в райкоме длилось уже второй час. Кабинет первого был задымлен донельзя. Участники заседания изрядно устали, и их фигуры стали напоминать фигуры жестких стульев, на которых они сидели. Некоторые даже завидовали стоявшему всё заседание начальнику вокзала, которому уже раза три устроили разнос с вынесением выговоров в личное дело, и даже не вспомнили, что он беспартийный. Ему так никто и не предложил сесть, и он с тоской поглядывал на свой стул, на котором успел посидеть лишь первые пять минут заседания.

Наконец первый указал огласить резолюцию заседания, и его секретарша, Ольга Ивановна, не вынимая папиросу изо рта, монотонным голосом оповестила:

— «В связи с прибытием с фронта Героя Советского Союза К. Сарсенбаева райкому провести следующие мероприятия:

1. Организовать торжественную встречу Героя К. Сарсенбаева.

2. Ходатайствовать перед командованием военной части 153746 о выделении на данное мероприятие до роты военнослужащих, а также военного оркестра части.

3. Всем ниже перечисленным организациям освободить от работы максимальное число людей 17 и 18 августа сего года.

4. Школе-интернату № 4 обеспечить стопроцентное участие в мероприятии школьников и учителей.

5. 17 августа провести три генеральные репетиции встречи поезда в 11.00, 14.00 и 17.00 часов

6. Начальнику районной милиции майору Мадетову Н. Обеспечить порядок и дисциплину во время проведения встречи Героя.

7. Начальника вокзала Козлова И. предупредить о служебном несоответствии. Обязать Козлова И. выполнить все указанные мероприятия, за неисполнение немедленно уволить».

Тут все с сочувствием взглянули на начальника вокзала, который, однако, чувствуя, что заседание близится к концу, даже немного взбодрился.

Первый снова взял слово:

— Товарищи! — сказал он. — Я прошу вас как можно серьезней отнестись к данному мероприятию, которое имеет важное политическое значение. Хочу вам напомнить, товарищи, что не во всяком районе есть Герои Советского Союза. Их по области-то по пальцам пересчитать можно.

И тут он, как вспомнил что, задумался. Потом взял телефонную трубку и сказал в нее:

— Соедините меня с обкомом партии.

Когда его соединили, он тихо доложил причины и итоги этого заседания райкома и, выслушав ответ, аккуратно положил трубку на место.

— Так, товарищи, — заявил он, — восемнадцатого числа на встречу Героя прибудет сам первый секретарь обкома партии товарищ Шаханов Ильяс Есенович.

Поезд прибыл вовремя. Пассажиры с удивлением разглядывали разукрашенный вокзал, новенькую трибуну, выстроившихся по всему перрону солдат, школьников в парадной форме и с цветами, толпы встречающих, находившихся почему-то за спинами солдат и, конечно, стрелочника, одетого в одинаковую с начальником вокзала форму и с такими же знаками различия, только в абсолютно новую.

Рассыпавшиеся по всему перрону милиционеры легко пропустили через свой строй сошедших с поезда пассажиров и слегка придержали человек семнадцать прибывших фронтовиков, которых они почти безуспешно уговаривали собраться вместе для проведения мероприятия по их встрече. Фронтовики уж были готовы прорваться к ожидавшим их родным, как прибежавший на место командир роты поставил всё на место.

Он живо построил их и громко огласил:

— Здравствуйте, товарищи герои-фронтовики!

— Здравия желаем, товарищ капитан!

— Поздравляю вас с возвращением на Родину! Ура!

— Ура! Ура! Ура! — воодушевились фронтовики.

— А теперь, товарищи фронтовики, прошу вас выслушать объявление товарища из райкома партии.

— Товарищи! — объявил второй секретарь райкома. — Мы убедительно просим вас, фронтовиков, поучаствовать в мероприятии по вашей встрече. Для этого вам необходимо строем пройти к трибуне, где вас будет приветствовать первый секретарь обкома партии. Понятно?

— Ну ладно, валяйте, — ответили ему с первого ряда.
— Вот и хорошо, — обрадовался второй секретарь и, подойдя ближе, спросил: — Товарищи, кто из вас Сарсенбаев-Кокен?

Фронтовики переглянулись и закричали куда-то в задние ряды:

— Эй, Какен! Выходи, тебя спрашивают.

Вскоре они выпихнули вперед себя ничем не выделявшегося, разве что ростом поменьше, солдата.

— Так вот вы какой! — довольный, что Герой Сарсенбаев действительно прибыл этим поездом, сказал второй секретарь и, приглядевшись к его груди, добавил: — А где звездочка?

— Какая еще? — буркнул в ответ Герой Сарсенбаев и почему-то попятился назад.

— Ну, эта — Героя? — не унимался второй.

— Нет у меня никакой звездочки, — ответил солдат, пытаюсь и вовсе скрыться среди фронтовиков.

— Э-э, нет, стой! — схватил его за руку майор Мадетов. — Ертай Махмудович! Где телеграмма?

— Вот она! — ответил Ертай, передавая телеграмму майору.

— Это твоя телеграмма? — ткнул майор бумажкой в лицо солдата.

Тот всё понял. Он молча кивнул.

Майор тоже понял всё.

— Взять его! — скомандовал он двум своим помощникам, и те привычно увели солдата из строя в сторону вокзала.

Пауза затягивалась. Выручил всё тот же капитан.

— Так, майор, — сказал он, — скорее на трибуну. Скажете, что героя не будет.

Он махнул условным сигналом, грянул оркестр, и фронтвики браво, под его командой, пошли строевым шагом.

Когда всё кончилось, первый секретарь обкома вошел в кабинет начальника вокзала, где всё это время майор вел допрос солдата. Кроме майора и двух его помощников в кабинете находился и председатель Ертай, явно напуганный и ожидавший своей очереди допроса.

— Ну что тут у вас? — спросил Ильяс Есенович.

— Он во всем сознался, — отрапортовал майор. — Говорит, что пошутил.

— И что думаете делать?

— Да что тут думать! Мародер он. Вон посмотрите, сколько барахла вёз.

И майор ткнул на раскиданные женские вещи из рюкзака солдата.

— Ну, тебе был бы человек, а статья всегда найдется. Кому вѣз? — взглянув на вещи, спросил Шаханов солдата.

— Маме, сестрам, — шмыгнув носом, трогая разбитую и опухшую губу, ответил Кокен.

— Видел, видел. Вон стоят за дверями. Ждут тебя, героя. — Шаханов обошел солдата, поправил на его груди две медали «За отвагу» и «За взятие Вены», сказал: — Такие награды зря давать не будут. Как воевал, солдат?

— Как все, — ответил тот.

— Правильно, — согласился с ним Шаханов. — Как все. И поэтому Победа наша — она общая на всех. И все — герои, все. Разве на всех наград хватит, а, майор?

Шаханов подошел к столу, аккуратно сложил вещи в рюкзак, завязал его, подобрал со стола ремень солдата и вместе с рюкзаком подал ему.

— Пошли, пошли, — поторопил он, похлопывая его по плечу.

Он вывел солдата из кабинета, подошел к матери.

— Спасибо за сына, мать, — сказал Шаханов Салехе. — Ты уж прости, задержали мы его немножко. Мы тут всех героев, вроде твоего сына, персонально встречаем.

Тут он подозвал своего шофера и приказал:

— Отвезешь вот этого героя с семьей прямо до дома. Я здесь тебя подожду.

И простившись еще раз с солдатом, вернулся в кабинет.

— Ну что, Ертай, — обратился он к председателю. — Как дела? Сумеешь в этом году повторить прошлогодние показатели?

Ертай вскочил и, запинаясь, доложил:

— Обязательно, товарищ первый секретарь. Мы уже сейчас по показателям впереди всего района идем.

— Ну, молодец, Ертай Махмудович. Ты у нас всегда на хорошем счету. Ладно, коли так. Ты свободен. И, пожалуйста, с этим героем поаккуратней. Давай, ждем от тебя новых трудовых успехов.

Ертай пообещал и юркнул за двери.

— Вот тоже неплохой парень, — сказал Шаханов. — Сколько у нас в районе хороших людей! А что, майор, не представить ли нам этого Ертая к званию Героя, а то мы по этому показателю отстаем от других областей.

И тут они оба рассмеялись.

ЕЛИЗАВЕТА ЛАНСКАЯ

Они познакомились в Москве, перед самой войной, в «читалке» одной из библиотек. Она заметила его, высокого и худого, не по сезону обутого в легкую обувь, укутавшего лицо

в длинный шарф, словно это могло помочь ему, простуженному. Он бесконечно кашлял, виновато оглядываясь вокруг, пытаясь заглушить этот кашель шарфом. И когда она предложила ему горячий чай с молоком из термоса, несколько застенчиво согласился.

Чай действительно помог ему, и он, случайно встретив ее в гардеробе, поблагодарил и вызвался помочь донести книги, которые она набрала для чтения дома. Вернее, в комнатухе, которую снимала.

По дороге они познакомились. Он, Василий Суворин, студент технического вуза, и она, Елизавета Ланская, тоже студентка, без пяти минут хирург.

Оказалось, Василий промочил ноги, и она буквально затащила его к себе и отдала ему новые, теплые стельки для обуви. И пока он подгонял их под свои туфли, вскипел чайник, и они просидели еще пару часов за скромным студенческим столиком, пили чай и говорили о современной поэзии.

Василий знал наизусть стихи многих известных поэтов, чем удивил Елизавету, которая не ожидала такой лирической души у технаря. А он, уходя, пригласил ее на вечер с известным поэтом в свой институт. Так начались их встречи, и через полгода он признался ей в любви.

Елизавета первой закончила учебу и уехала, а он учился еще два года, забрасывая ее пачками писем о любви. Елизавета в ответ почти с каждой полочки присылала ему маленькие посылки со сладостями и теплыми вещами.

Когда Василий окончил институт и в другом городе определился с работой, Елизавета немедленно переехала к нему, хотя у нее к тому времени была уже своя квартира.

Они поженились и были счастливы. Но это счастье длилось недолго. Началась война.

Война всё перевернула с ног на голову. Завод, на котором работал Суворин, с полуоборонного мгновенно превратился не только в военный, но и сверхсекретный объект. А сам Василий получил бронь от призыва в армию.

С Елизаветой же получилось всё наоборот. Ее призвали через два месяца после начала войны. На вокзале, провожая Елизавету, Василий с удивлением разглядывал ее шинель, скрывающую стройную фигуру жены. Он виновато шептал, что так не должно быть, что это не она, а он должен ехать туда, навстречу ужасам войны. Он жаловался ей, что не понимает, как будет теперь жить без нее. А она ласково, словно была его матерью, гладила по голове, разглаживала сморщившееся, готовое заплакать лицо, и утешала, что всё будет хорошо и они скоро снова будут вместе.

Эшелон уже тронулся, когда она, оторвавшись от мужа, с трудом догнала свой вагон в сапогах на два размера больше ее маленьких ног.

Война началась для Елизаветы с окружения, из которого остатки армии, в которой она находилась, выбиралась два с половиной месяца. Затем снова передний край и снова окружение. И теперь ее саму, тяжелораненую, вывезли последним самолетом на Большую землю. Через полгода госпиталей она вернулась на фронт.

За это время Василий получил лишь несколько весточек от нее. Он отвечал ей длинными письмами о любви и о неустрашенности своей жизни без нее. Она тоже писала о любви, опуская подробности об ужасах войны. О том, как с начала войны ей уже несколько раз пришлось участвовать в боях. А однажды, под Сталинградом, прорвавшийся в тыл немецкий танковый десант передал гусеницами весь полевой госпиталь. И один из танков промчался через ее операционную палатку, разметав и превратив в месиво весь ее обслуживающий персонал, оставив в живых ее одну.

Майор, которого она буквально вытащила с того света, на прощание оставил ей пистолет, подарочный трофейный «вальтер», стрельба из которого вдруг стала ее единственным любимым занятием.

В конце войны на устроенной по случаю какого-то праздника вечеринке, красавец капитан, вызвавшийся помочь Ланской отнести посуду на кухню, вдруг схватил ее там и стал целовать, лихорадочно расстегивая пуговицы ее гимнастерки. Но едва луна осветила красивую, еще девичью грудь и голубые, холодные глаза Елизаветы, он почувствовал возле сердца дуло того самого «вальтера».

— У-убь-ёшь? — спросил, заикаясь, капитан.

— Убью! — спокойно ответила она.

Капитан отпустил ее, виновато понурил голову и ушел.

Война закончилась для нее неожиданно, под Прагой, за операционным столом, когда вдруг началась беспорядочная стрельба и раздались восторженные крики: «Победа!», а выбежавшая на шум и снова забежавшая в палатку молодая сестричка со слезами на глазах подтвердила: «Победа!» Елизавета лишь на секунду закрыла глаза и вместо очередной команды обратилась к ней: «Нужна тишина!» Сестричка снова выскочила из палаты, и через некоторое время наступила тишина.

«Продолжаем», — распорядилась Елизавета и все, уняв заметную дрожь в руках, продолжили выполнять ее команды.

Через час, когда Ланская вышла после операции на улицу, то увидела, что весь госпиталь и все раненные, которые могли стоять на ногах, толпились вокруг в ожидании ее появления. Елизавета устало шагнула к ним, снимая маску, и все увидели ее красивую улыбку и счастливые глаза.

«По-бе-да-а-!!!» — снова выкрикнул кто-то. А потом схватили все. И эти крики потонули в бесконечной пальбе из оружия. Словно люди хотели навсегда отстрелять все патроны, которые у них остались после этой войны. Тяжелораненные выползали из палаток и беззвучно плакали.

Вскоре Елизавету демобилизовали. Сначала она ехала на Восток воинскими эшелонами, а потом и просто пассажирскими поездами. В одном из поездов она уснула, положив голову на колени старого солдата, который тихо гладил ее волосы и шептал соседям: «Яка гарна дивчина, а воюе!».

Родной город встретил Ланскую едва заметным рассветом, и она прошла к своему дому по пустынным улицам. Она постучала в дверь, но никто ей не ответил. Елизавета опустила с плеч вещевой мешок, развязала его и достала из самой его глубины сверток, в котором лежали «вальтер», ордена, медали и ключ от квартиры, который она хранила как талисман. Ключ послушно вошел в скважину. Из квартиры пахнуло незнакомым или просто забытым запахом. Елизавета закрыла дверь и тихо прошла из прихожей в спальню.

На кровати она увидела спавшего на спине мужчину и прикорнувшую рядом толстую девицу, чья жирная ляжка бесстыдно выглядывала из-под одеяла. Елизавета выронила из рук вещмешок, он гулко стукнулся об пол, и девица проснулась. Увидев незнакомую женщину, она страшно завопила. Елизавета испугалась этого крика и схватила лежавший на самом верху открытого вещмешка пистолет, рассыпав из свертка ордена и медали. Девица, увидев пистолет, завизжала еще сильнее, и Василий, а это был он, проснувшись, мгновенно присел на кровати, схватил с тумбочки очки, пытаясь разглядеть едва заметную тень человека в глубине комнаты.

Елизавета направила пистолет в сторону визжащей девицы, но, видя, как Василий прикрывает ее, выстрелила в него. Пуля пробила его очки и размозжила голову, разбрызгав кровь по стене. Василий медленно осел на подушку. А Елизавета, не спуская с него глаз, стреляла в толстую девицу, пока не кончились патроны.

Когда приехала милиция, сидя на стуле у стены, она молча наблюдала, как эксперты поднимают из лужи крови пистолет и ее награды.

Так началась другая жизнь Елизаветы Ланской.

Освободившись, она осталась в этом северном городе, где отбывала срок. Буквально через год стала лучшим хирургом округа. И поняла, что ее руки, чудо-руки, ничего не забыли и всё помнили. Даже не разучились стрелять. Как-то на одном пикнике она разглядывала неизвестную ей модификацию карабина. И когда один из мужчин что-то пошутил по этому поводу, попросила его подбросить в воздух пустую банку и пробила ее первым же выстрелом. Все мужчины наперебой безуспешно пытались повторить это, а она оправдывалась и говорила, что это случайность. И после этого уже никогда не брала в руки оружия.

Красивая и самодостаточная, Елизавета как магнитом притягивала к себе мужчин, но все они получали сухой отказ в ухаживаниях. А через пять лет неожиданно для всех родила сына, которого воспитывала весьма сурово и требовательно.

Однажды в Москве, где Ланская была в командировке, в дни майских праздников она случайно проходила около Большого театра, где собирались ветераны войны. И некоторые узнали ее, ибо редко какой фронтовик прошел войну без ранения. Они окружили Елизавету, благодарные и счастливые. Обнимали и целовали руки. И она помнила всех. Нет, не по фамилиям, а по ранениям. И скромно улыбалась им, обязанным ей жизнью. Но обласканная и обожаемая, Елизавета при первой возможности ушла оттуда. Война всегда была для нее тягостным воспоминанием, которая, как ей казалось, забрала у нее всё, что можно забрать у женщины. Забрать, чтобы уже никогда не вернуть.

ПОЭТИЧЕСКАЯ РАДУГА

Владимир СУЛЬДИН (г. Самара)

* * *

Да я ее и не услышал...
Так, что-то вдруг рвануло грудь,
И из груди весь воздух вышел,
И невозможно вновь вдохнуть.
И непослушным стало тело,
Винтовка выпала из рук,
И все же верить не хотелось,
Что прекратился сердца стук.

Друзья мои из нашей роты
Беззвучно разевали рты —
Не слышал криков я пехоты...
Здесь, у подножья высоты,
Я мягко так упал на спину,
Ко мне спустились облака,
Я головою их раздвинул...
Как синь небесная ярка!
В нее я устремился прямо,
Остановить себя не мог.
И снизу крикнула мне мама:
— Куда же ты? Вернись, сынок!..

* * *

В осенний нудный мелкий дождь
Ребят в лесу мы схоронили.
Они лишь день бойцами были,
И все пошли войне под нож.
Не удалось деревню взять.
Там неподавленных два дота.
Их положили пулеметы,
Их, не умевших воевать.
За души павших, за помин
Мы пили спирт потом в землянке
По кругу из железной банки
И от разрывов близких мин
В те банки сыпалась земля.
Мы к этому давно привыкли.
Она и в души к нам проникла,
Своею силой наделя.

Вздыхнул с надрывом старшина,
Войну четвертую ломавший:
«Проверим вещмешки у павших».
Ну что ж, на то она война!
Их вещи семьям не вернет
Посылкой почта полевая.
Что в вещмешках у всех бывает?
С чем на войне солдат живет?
Белья нательного комплект,
Обмылок да складная бритва,
Махорки вышитый кисет —
Набор богатства незавидный...

Наталья БЕЛЬСКАЯ (г. Рига)

* * *

Пряный воздух в саду загустел, словно мёд,
Никому не оставив отдушины.
Это южная полночь лениво плывет
Скороспелую дыней надкушенной.

Возле старых ворот, где поникли цветы,
Встали тени гигантами плавными.
Чуть сутулясь под липким крылом духоты,
Измеряют мой город расплавленный.

Где былинное небо касается плеч
Утомленной задумчивой звонницы,
Где тяжелые звезды летят, как картечь,
На ладони июльской бессонницы.

Иван НЕЧИПОРУК (г. Горловка)

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Однажды я проснулся на рассвете
От острого предчувствия беды.
Бесился за окном безумный ветер,
Терзая опустевшие сады.

Растерянно метался дождь по крыше,
А за моим заплаканным окном,
Стонала перепуганная вишня,
Как будто бы войти просилась в дом.

И так мне было страшно и тревожно,
Хотелось взвыть в объятьях темноты,
Хотелось убежать... Но невозможно
Бежать от приближения беды.

* * *

В краю соснового блаженства
Я надыхаться не могу
И упиваюсь совершенством
Холмов на дальнем берегу.

Жара шкварчит прогорклым маслом
На сером противне небес.
Закатные огни угасли
И в озеро сползает лес.

И вечер, словно оглашенный,
Из храма ускользает прочь...
А я — лелею предвкушенье
Прохлады, что приносит ночь.

ЗАКРЫТЫЙ ХРАМ

Стоит забытый сиротливо храм,
И заколочены безжизненные окна.
А рядом клены тихо, беззаботно
Склоняют кроны к старым куполам.
На колокольне пусто и темно,
Все звоны сняты, только легкий ветер,
Что, как ребенок, беззаботно светел,
Порой стучит в забитое окно.

А в ста шагах огромнейший собор,
Величественно к небесам взмывая,
Своею тенью площадь накрывает,
Искрясь в лучах. Взирающий в упор
Архистратиг, не в силах заступиться
За малый храм — уже предрешена
Его судьба. И легкой светлой птицей
Над ним кружит последняя весна.

Геннадий УДАРЦЕВ (г. Астана)

* * *

Как жилось? Да не особенно.
Не лентяй, а бедовал.
Но друзей своих и Родину
Никогда не продавал.
В годы страха и безверия
Верил в разум здравых сил.
Посадил у дома дерево
И наследника взрастил.
Пил по-русски, лишь стаканами,

Но ума не пропивал.
И не путался с путанами,
Хоть в святошах не бывал.
Может быть, немного сгорбился
И, везучий человек,
Удостоился, сподобился —
XXI встретил век.
Не спеши ты, мое солнышко,
Заходить за облака.
Жизнь, как мед, допью до донышка,
До последнего глотка.

СПАСИБО

Спасибо всем! Другьям хорошим.
Что не дадут в беде пропасть.
Врагам — и тем спасибо тоже:
Не позволяют в спячку впасть.
Спасибо утке — вольной птице —
За взмах крыла в рассветный час.
Теплу спасибо, что струится
Из глубины любимых глаз.
Спасибо шалым вешним водам,
В окно влетевшему шмелю —
Ведь сам я тоже часть природы
И этот шумный мир люблю.
Луне спасибо, что окошко
Мое опять не обошла.
Спасибо матери за то, что
Меня когда-то родила...

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ (г. Алма-Ата)

* * *

Граждане ночных кварталов
Безучастны,
Как тени города.
Художник,
Отвлекись от мольберта,
Чтобы стать ближе к ним
По пламени зажигалки
И мерцанию сигарет.

ФОНАРЩИК

Городских огней хранитель,
Невидим он
Среди ночных прохожих.
И только накануне
Предрассветных сумерек
Гасит неизменным колпачком
Волшебные огни,
Что переходят
В утренние сны
Беспечных горожан.

Николай ГУДАНЕЦ (г. Рига)

* * *

Роща — слева, поле — справа.
Между — топкая канава.
Режут пухлые бока
Об осоку облака.

Колыхание и блики.
Зябкий шелест. Пышный зной.
Запах шпал и земляники.
Одуванчик золотой.

Тамара ЕГОРОВА (г. Ялта)

АКВАРЕЛИ ЗИМЫ

Бывают и у нас морозы,
Но невпопад, не к Рождеству.
Еще цветут украдкой розы
И жгут опавшую листву.

Еще струится солнца нежность
Сквозь бахрому махровых туч,
И моря мрачную поверхность
Косой раскрашивает луч.

Платаны, взмокшие под ливнем,
Осенний сбросили наряд,
Но звезды в небе темно-синем
Совсем по-летнему горят.

Бывает, зимнею порою
Кустарник дикий зацветет,
И ослепит голубизною
Хрустально-чистый небосвод.

И между частыми дождями
Луна, как будто невзначай,
Всегда торчит в оконной раме
И словно просится на чай.

ЛЕТНЕЕ УТРО В ЯЛТЕ

Фольгой сверкает утреннее море,
И оживленья нет еще в порту.
Но прилетят к причалу чайки вскоре,
Закружат, хлеб хватая на лету.

Застыли рыбаки на волнорезах,
Толпою люд стекает с горок вниз.
И шевелит оборки занавесок
Невесть откуда прилетевший бриз.

* * *

А я живу в сине-зеленом
Пространстве бликов и теней,
Где у вершин пологих склонов
Цвет неба глубже и синей.

Там, где клубятся сосен кроны,
Над краем пропасти застыв,
Где замка силуэт точеный
Так по-восточному красив.

А я живу на косогоре,
Вдали от городских аллей.
Зато отсюда вид на море
Бескрайней и заря алей.

Здесь ритм размеренно спокоен
И время ускоряет бег.
Так странно человек устроен:
Стремится вверх, стремится вверх.

* * *

То дождь, то снег, а то — небес лазурь
Вдруг озарит унылые дома.

То колобродит ветер-самодур.
Такая уж у нас в Крыму зима.

И на душе в такие дни разлад,
Сумятица и анемия чувств.
В такие дни и мысли невпопад.
Как будто не живу я, а ючусь.

И парк приморский в эту пору хмур,
Застыли голых веток вензеля.
Лишь солнца ностальгический прищур
Да сырость в закоулках февраля.

А море цвета угольной золы.
То штиль, то шторма рёв, но тешит взор
Цветение японской мушмулы
На фоне убелённых снегом гор.

Мурад САИД (г. Махачкала)

* * *

Когда же душа от волненья мрачнеет,
Когда всё вокруг искаженно чернеет,
В такие минуты — поверь мне, приятель —
Лишь мамино сердце тебя обогреет.

* * *

Всего себе позволишь, коль полон твой карман.
Невзгоды все схоронишь, коль полон твой карман.
Но только в магазине не купишь никогда
Ты дружбу, честь и совесть, хоть полон твой карман!

Геннадий ШАЛЮГИН (г. Ялта)

СТАМБУЛ

Необорим базарный гул
И гомон смуглого Востока.
Нарядный, суетный Стамбул
Нас заряжает, словно током.

Звенит гортанное «чай-чай»
В толпе щебечущих туристов.
Торговцу вторят невзначай
Дрозды, трамваи и монасты.

Уперся в небо минарет.
Сквозь дым вечернего кальяна
Сверкает золотом браслет
И ожерелье Роксоланы.

Живет имперская душа
Не в крепостях и обелисках:
В ленивом жесте торгаша,
В лихом характере таксиста.

Им смутно помнится: ислам
Как бич, вознесся над Боспором.
Царил безжалостный султан,
Блистала Порта гордым взором.

Имперский дух давно потух.
Распались Порта, Византия...
Но до сих пор ласкают слух
Султан-Ахмет, Айя-София...

И воссияли, как звезда
При полумесяце звенящем,
Плоды таланта и труда
Поэтов, новый мир творящих.

Блестит Боспор, бегут века...
Блажен, кто прошлого не судит.
Стамбул — дарящая рука,
С добром протянутая к людям.

*Материалы рубрики «Писательское братство»
подготовила Марина ПЕРЕЯСЛОВА*

НА ПЕРЕЛОМЕ

(О ГРАЖДАНСКОЙ ЛИРИКЕ ВАЛЕРИЯ ХАТЮШИНА)

*Чем весенние ночи темнее,
Тем пронзительней песнь соловья.*

Только ранимое лирическое сердце способно так себя выразить. Точность образа не может оставить равнодушным, приковывает внимание, заставляет прислушаться к интонации. В этих строках открытость, беззащитность души и одинокое мужество. Валерий Хатюшин — проникновенный лирик, но бьет час, и его нежная муза надевает боевые доспехи и идет на бой, понимая, впрочем, что едва ли этот бой сможет выиграть — опустившаяся на Родину ночь слишком темна.

Гражданская поэзия обычно уповает на то, что ее слово вызовет массовый отклик, даст обильные всходы в человеческих душах. Но драма современной гражданской поэзии заключается в том, что к ней есть симпатии, пусть даже и достаточно широкие, а вот твердой социальной опоры у нее нет. Ищет опору поэт — к кому прислониться? Может, к лимоновцам или баркашовцам, как Марина Струкова? Но мировоззрен-

КРУГ ЧТЕНИЯ

ческая узость, недостаточность духовной основы маргинальных групп не могут долго питать поэта.

Во времена Некрасова гражданское чувство было массовым: поэт ты или не поэт, но — гражданин. Его призыв «Иди и гибни безусловно» стучался в сердца, и они отворялись. А теперь, когда «Русский поезд свалили с колес Под всемирные аплодисменты», причем свалили сами: «Разобрали стальные пути, Чтобы сдать по цене металлома», — на кого уповать поэту? Только на героя:

*Когда страну предал народ,
Лишь у героев есть спасенье...*

В этом смысле книга гражданской лирики Валерия Хатюшина «На переломе», вышедшая в 2011 году в издательстве «Голос-Пресс», — героическая. Она выражает пафос жертвенной и почти безнадежной борьбы за Россию тех, кто во весь рост поднялся на битву за честь страны. В книге представлены стихи, написанные автором за последнюю четверть века.

Валерий Хатюшин — человек — можно сказать, бывалый. Служил в ракетных войсках на Востоке, прокладывал газовую магистраль на Севере, строил КамАЗ.

*Я видел всё: и Север, и Сибирь,
И южный край, и западное море,
Я испытал стремительную ширь,
Я прогулял в Союзе на просторе.*

Поэтому его чувство Родины, любовь к ней не умозрительна — выстрадана жизненным опытом:

*Я научился Родину любить,
Я знал тоску солдатских серых будней...
Возможно ль мне все это позабыть?*

Где сегодня та страна, которая олицетворяла для поэта Отчизну? Перестройка только еще начиналась, многие пребывали в эйфории от горбачевской свободы и гласности, а Валерий Хатюшин в 1987 году под блоковским эпиграфом «Мы дети страшных лет России» пишет:

*Две мировых — отцов скосили,
А третья — захлестнула нас...*

За два с половиной десятилетия, прошедших с тех пор, эта война не прекращалась ни на минуту, принимая всё более мас-

штабные и жестокие формы. В 1992 году вышла первая книга гражданской лирики Валерия Хатюшина «Русская кровь», по сути дела, начавшая серию книг «Поэзия русского сопротивления». И с тех пор его лира тревожно отзывается на звуки войны. Иногда она звучит с интонациями Твардовского. Как будто Василий Теркин пришел на эту третью мировую защищать от врага Дом Советов и вдруг увидел, что враг-то уже — другой:

*Что ж вы, гады, в самом деле:
Разрывными — по своим...*

Что будешь делать, когда кому-то враг милее соотечественника? «Наше горе — от мира с врагами», — утверждает поэт. «Философия» эпохи застоя: «лишь бы не было войны» породила ту соглашательскую обывательскую психологию, которая позволила властям «новой России» нас «сравнить друг с другом, как с волками» и без боя сдать страну. Валерий Хатюшин близок даже к тому, чтобы считать нашей национальной чертой неприязнь друг к другу:

*У русских есть любимая работа:
Уничтожение своих.*

Многое надо пережить, испытать на своей, как говорится, шкуре, чтобы прийти к такому горькому выводу. И, возможно, от «любви» к такой «работе» идут и наша русская доверчивость, и чрезмерная тяга к иностранщине, и легкое, торопливое забвение национального, русского:

*Мы поверили смрадным сиренам
И глазам кровожадных лисиц,
Мы привыкли к великим изменам,
К лживой жвачке газетных страниц.*

*Научили нас громко смеяться
Над судьбой незлобивой своей,
Мы готовы уже отказаться
От печали бескрайних полей.*

Но так ли всё безнадежно и, если не так, в чем черпать опору русскому человеку, что поможет нам выстоять в беспросветную ночь, не дать исчезнуть с земли? Автор видит союзника в нашем солнце и наших реках, шумящих березах и грозových дождях, в родной умной природе. Он всматривается в отчужденную землю, вслушивается в ее живые звуки:

*Нет, никакая в мире нечисть
Из нас не вытравит людей,
Пока звенит в траве кузнечик
И душу лечит соловей.*

Другой союзник поэта — наша история. Автор, на первый взгляд, неожиданно соединяет в один строй Пугачева и Суворова, Жукова и Разина, Сталина и Преподобного Сергия — бунтарей, революционеров, слуг царя и Божьих угодников. Но Валерий Хатюшин — поэт сопротивления. Массовая покорность ему претит.

*...Прозвенят часы, и к нам сойдут
С пьедестала Минин и Пожарский.*

*...На Руси не будет больше смут
Враг познает грозную науку.
Крепко Сталин с Мининым сожмут.
Каждому из нас плечо и руку.*

И третье упование русского поэта — Божественный Промысел, вера в чудо, которое сотворит животворящий Господь:

*Но придет ясноглазый Мессия,
Он укажет, как молния, путь,
И у спящей царевны России
Встрепенется остывшая грудь.*

Здесь не мечтательство, как может иным показаться. Это, скажем еще раз, **вера**, за которой стоит трудный жизненный опыт Валерия Хатюшина, **его** путь — нелегкий, но прямой. Ведь по выстраданному признанию поэта «*Чем на свете живется труднее, Тем доступнее смысл бытия*». Поверим и мы вслед за автором:

*И сотрутся названья иные,
И воспрянет в сиянье берез
Вся земля под названьем Россия,
А над ней — Царь Небесный Христос.*

Автор имеет право на это поэтическое кредо. Бог есть Любовь. Гражданская лирика Валерия Хатюшина рождена любовью к России: гордостью за былое величие, скорбью за ее падение и нынешнее униженное состояние:

*Да, без любви любое дело — тщетно,
Слова мертвы, молитва безответна,
Каких святых на помощь ни зови.
Гражданственность исходит из любви.*

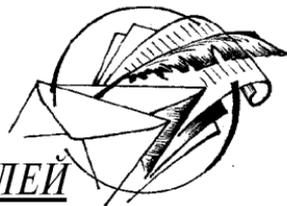
Слова книги «На переломе» полны любви и потому не мертвы. И падают они не на каменистую почву, не в тернии при дороге. Свидетельство тому — овации, которыми награждают слушатели автора этих стихов на русских концертах и вечерах. Есть основания надеяться, что и в мире горнем они не останутся безответны.

РОССИЯ — «ДОМ ТЕРПИМОСТИ»?

Из центральных СМИ мы то и дело слышим о программах т.н. толерантности. В частности, в Петербурге, как указывается на сайте www.spbtolerance.ru, программа «Толерантность» разработана в целях укрепления толерантной среды на основе ценностей многонационального российского общества, принципов соблюдения прав и свобод человека.

Толерантность (от лат. *tolerantia* — терпение) — социологический термин. Во многих культурах понятие «толерантность» является своеобразным синонимом «терпимости»: английское — *tolerantion*, немецкое — *toleranz*, французское — *tolerance*. Словари XX века определяют «толерантность» как терпимость к чужому образу жизни, поведению, чужим обычаям, чувствам, верованиям, мнениям, идеям или просто называют «толерантность» синонимом понятия «терпимость». В данном контексте, полагаю, понятие «терпимость» содержит в себе пассивное принятие окружающей реальности, непротивление ей, способность подставить вторую щеку.

Как явствует из разъяснений чиновников, данная программа предназначена для местного населения. Почему-то

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

гастарбайтеров из зарубежья, приезжих из южных российских регионов она не охватывает. С учётом того, что население России, согласно данным переписи 2002 года, на 85% составляют русские (великорусы, малорусы, белорусы), эта программа, полагаю, предназначена для нас, русских. Именно русские, по мнению авторов подобных новаций, должны быть толерантны, т.е. терпимы, к чужому образу жизни, поведению, к чужим обычаям и верованиям. По всей видимости, авторы «проекта» решили привить нам, русским, пассивное восприятие окружающей реальности и научить вовремя подставлять вторую щеку.

Данная практика изначально, считаю, антиконституционна, ибо ст. 19 Конституции РФ гласит, что все равны перед законом и судом. На практике же получается, что толерантными собираются делать только русских.

Итак, мы должны воспитывать в себе терпимость, быть терпимыми. В этой связи хотелось бы обратить внимание читателя на следующее обстоятельство. На вульгарно-воровском жаргоне жертву, человека, над которым можно поиздеваться, ограбить, не способного постоять за себя, который мирится с несправедливостью, называют «терпила» («терпило»). Так называют и потерпевшего в результате чьих-то преступных действий. Синонимом «терпилы» является слово «лох».

Быть терпимым в свете программ толерантности и быть «терпилой» — что-то очень похожее. Не кажется ли уважаемому читателю, что путём прививания нам так называемой «толерантности» из русских людей хотят сделать «толерантных терпил», лохов? Тех, над кем можно поиздеваться, кто будет мириться с несправедливостью. Нам и нашей замечательной стране — России это надо? Ответ, думаю, однозначен.

Считаю, здесь уместно привести ещё одно сравнение. Все слышали о публичных домах или, как их ещё называют «домах терпимости», в которых «терпят» сексработницы. Кстати, «дом терпимости» в переводе на французский язык «*maison de tolerance*». Совпадение? Нет, полагаю, это отвечает сути происходящего. И думается мне, что русские земли со всем русским населением пытаются сделать огромным «домом толерантности», т.е. «домом терпимости».

Сравните реквизиты сайта петербургской программы «Толерантность» — www.spbtolerance.ru с вышеуказанным «*maison de tolerance*». Опять совпадение?

Согласно переписи населения 2002 года в Петербурге проживает 84,73% русских (здесь подразумеваются только великорусы), 1,87% украинцев-малорусов и 1,17% белорусов. Ещё 7,89% граждан не указали свою национальность. Полагаю, что из них минимум половина тоже русские. Это ещё 4%. Таким

образом русских в Северной столице 92%. Это русский город, в котором проживают и люди других национальностей. И живут они очень неплохо. Весьма схожая картина по всей России.

Все живущие в Питере граждане эту реальность должны осознать и с уважением относиться к нашим традициям. Русские всегда доброжелательно относились к представителям иных народов. Данная черта у нас в крови, в генах и не надо нам никаких программ «толерантности».

Но мы не можем позволить неуважительного отношения к нашим русским порядкам, пренебрежительного отношения к нашим обычаям. Эта черта тоже в наших генах. Даже Владимир Путин в одном из интервью упоминал старую русскую поговорку «Не лезь со своим уставом в чужой монастырь».

Толерантность не может быть однобокой. Законопослушными должны быть все граждане России и живущие в стране иностранцы. Избирательное отношение к гражданам по признакам национальности не только неприемлемо, это дискриминация русских, унижение их национального достоинства, что также является нарушением Конституции РФ. Мы с подобным мириться не можем и обязаны пресекать нарушения наших прав. Только своей активной жизненной позицией мы сможем помочь нашей Родине.

СОДОМИТЫ

С 28 марта по 3 апреля в ряде городов России, в том числе Петербурге, прошла неделя против так называемой гомофобии под слоганом «Любовь сильнее ненависти». Инициатором акции выступила ЛГБТ-сеть, состоящая из гомосексуалистов — геев, лесбиянок и прочих извращенцев.

Содомиты и сатанисты, как их обоснованно называет православная общественность, решили в очередной раз обратить внимание на якобы дискриминацию их прав. Подобные шашаши проходят в России в последние годы постоянно. Сексменьшинства всё более активно и вызывающе навязывают здоровой части населения страны, составляющей подавляющее большинство, свой аморальный образ жизни, распущенность и игнорируют наши тысячелетние традиции. При этом их агрессия прикрывается стоном о дискриминации прав извращенцев, неприятием их обществом.

Давайте разберёмся, действительно ли права этой публики подвергаются дискриминации. Возьмём Конституцию страны. Каждому гражданину России гарантируется право на

жизнь, на образование, на медицинское обслуживание, свободный труд и т. д. По всем конституционным правам они не более дискриминированы в современной России, чем все остальные граждане. В чём выражается здесь дискриминация именно сексизвращенцев? Кого из них уволили за гомосексуализм с работы, кого не лечила поликлиника или больница, кого не приняли в ВУЗ и т. д.?

Они заявляют: им не дают вступать в однополые браки. Но в России брак — это союз мужчины и женщины. Пожалуйста, заключайте браки в рамках действующего законодательства. Но изменять под вас, мелкую 1%-ную прослойку, основы семейного законодательства общество не намерено. И депутатский корпус обязан считаться с мнением избирателей. Богом и Природой предусмотрены предназначение мужчины и женщины. И все люди должны следовать этим принципам, иначе человеческое общество перестанет существовать.

Содомиты недовольны тем, что добропорядочные люди к ним относятся негативно и не любят. Они хотят, чтобы мы их полюбили. Поэтому, видимо, и выбрали девиз «Любовь лучше ненависти». Но это уже наступление на права добропорядочных людей. Мы любим и уважаем тех, кто достоин этого. Мы презираем безнравственность, презираем безнравственных людей. И это право у нас никто не отнимет. Права поступать по совести, выражать своё мнение к тому же гарантированы Конституцией, ст. 28, 29. Все стенания геев о дискриминации их прав лишены оснований.

Представители сексменьшинств наиболее подвержены заболеванию СПИДом, гепатитом, венерическими заболеваниями и пр. Они являются разносчиками этой заразы, посещают общественные места — кафе, рестораны, пользуясь там многообразной посудой, дискотеки, общественные туалеты.

Но содомиты опасны не только распространением разврата, порока и инфекций. Именно в среде любителей однополых любви плодятся педофилы, садисты и прочие сексуальные маньяки, насилующие и убивающие свои жертвы. Педофилы, садисты наряду с геями, лесбиянками, некрофилами (половое влечение к покойникам), зоофилами (влечение к животным) и пр. являются типичными представителями сексуальных меньшинств.

За примерами далеко ходить не надо. По сообщениям СМИ, 11 лет руководил педагогическим коллективом школы №410 им. Пушкина Игорь Сухарев, а однажды был разоблачен как опасный педофил. В 2006 году он сбежал на Украину и ушёл от наказания. Но вскоре ученики школы нашли его на украинском сайте геев, правда под другой фамилией. Педофил Сухарев стал

геем Ивановым. Именно в гей-клубах начинал свой преступный путь маньяк Иртышов, совершивший на рубеже 90-х годов прошлого века кровавые преступления в отношении питерских мальчишек. Продолжить?

Педофилы продолжают развращать и насиловать российских детей. Детям, будущему страны, наносятся тяжёлые физические и психологические травмы. Дело педофилии растёт и ширится, несмотря на широковещательные заявления руководства страны о борьбе с ней. Уголовные дела педофилов заканчиваются условными сроками, мировыми соглашениями. Где же реальная борьба? Не возглавили ли борьбу с этим злом сами педофилы и иные представители сексменьшинств (ЛГБТ-сообщества)?

Не поборники ли однополрой любви или сочувствующие им из числа госчиновников позволяют геям и лесбиянкам устраивать на улицах наших городов гей-парады? Почему власть не пресекает эти шабаши разврата и безнравственности? Власть обязана пресекать агрессивную политику извращенцев и действовать в интересах законопослушного большинства. Поэтому и во власть должны попадать люди, свободные от этого порока. Если президент Д. Медведев говорит о возможности тестирования студентов на наркозависимость, то, полагаю, необходимо чиновников тестировать на гомосексуализм и педофилию. Надо бороться не только с коррупционерами и ворами во власти, но и с пролезшими туда гомосексуалистами и педофилами.

Некоторые «правозащитники» сошлутся на позицию Европейского суда, признавшего запреты руководителей российских городов в проведении гей-парадов нарушающими Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Но эти действия Европейского суда неправомерны. Прежде всего, потому, что нарушают права подавляющего большинства граждан страны, нарушают общественную безопасность и нравственность. Я уже говорил, что среда содомитов выращивает педофилов и маньяков, а их безнравственное воздействие на общество никто из порядочных людей не подвергает сомнению.

Юрисдикция Европейского суда основана исключительно на Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В соответствии со ст. 1 Конвенции Российское государство обеспечивает каждому гражданину (каждому из нас) права и свободы, регламентированные Конвенцией. Согласно ст. 9, 10, 11 Конвенции подлежат ограничению свобода исповедовать свои убеждения, свобода выражать мнения, свобода собраний и объединений граждан, когда это необходимо в интересах общественной безопасности, охраны общественного порядка, здоровья, нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

В преамбуле Конвенции говорится, что она принята на основе Всеобщей декларации прав человека, провозглашенной Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года. В ст. 21 Декларации сказано: «Воля народа должна быть основой власти правительства..», в ст. 29 указывается, что при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться ограничениям, какие установлены законом с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния.

Т. е. свобода выражения мнений, собраний, объединений содомитов должна быть государством ограничена, когда они нарушают наши права, нашу безопасность и нравственность. Разве пропаганда гомосексуализма, агрессивное навязывание нам порочного образа жизни, в том числе во время гей-парадов, не нарушают нашу мораль, нравственность, традиции, здоровье и безопасность? Однозначно нарушают. Поэтому власти просто обязаны запрещать подобные сборища, как запрещать и проведение «недель пропаганды гомосексуализма». Воля народа должна быть основой для действия власти.

Кстати, ст. 12 Конвенции предусматривает право мужчин и женщин, достигших брачного возраста, вступать в брак и создавать семью в соответствии с национальным законодательством. Именно в соответствии с национальным законодательством и именно право мужчины и женщины, как партнеров по браку. Таким образом, запрещая однополые браки, Российская Федерация никак не нарушает международную практику. Однополые браки запрещены во многих странах Европы.

Недооценивая опасность однополый любви либо исповедуя однополую любовь, некоторые граждане видят в этом признак демократии. С некоторыми подобными «демократами» я столкнулся во время указанной недели. Организаторы молодёжного питерского политклуба пригласили поучаствовать в дебатах на тему «Должны ли российские партии бороться за права геев и лесбиянок?» Возможно, политклуб решил внести лепту в «неделю геев». Мероприятие проходило 1 апреля 2011 г., но оказалось весьма нешуточным.

Борьбу политпартий за права содомитов поддерживал руководитель регионального «Яблока» Максим Резник, против выступали помощник депутата городского ЗАКСа Анатолий Артюх и автор этих строк. По моему мнению, даже сама тема дебатов звучит вызывающе по отношению к российскому обществу. Почему вообще ставится вопрос о защите прав подобной и крайне узкой категории лиц? Они что, являются какой-то группой избранных? Понимаю, дети, старики, инвалиды нуждаются в

дополнительной социальной защите. В их поддержку принимаются законы, они имеют некоторые льготы. Но почему партии должны бороться за права какой-то отдельной группы? Ведь Конституция РФ, ст. 19, говорит о равенстве всех перед законом и судом.

Дебаты получились непростыми. Собравшаяся гей-тусовка, воздействуя на нас, шипела, перебивала и пр. Но в зале находились и молодые люди, их было немало, которые поддерживали нас, не деликатничая, высказывали своё презрительное отношение к содомитам. Это были парни из движения Сопротивления, ДПНИ, нацболы. Я лишний раз убедился, что выросла здоровая русская молодёжь, способная и желающая отстаивать свои права. За ними будущее, а задача старшего поколения передать им знания и опыт.

В ходе дебатов гей-активисты действовали по известной схеме. Пытались представить себя непонятыми и ущемлёнными, что, как я уже писал, не соответствует действительности. Их оружие — искажение фактов, фальсификация и т. п. Чего ещё можно ожидать от людей с искорёженной психикой. Спросите любого грамотного психиатра, сексуальные отклонения ведут к отклонениям психическим и в дальнейшем к деградации личности. Сodomитам надо не воевать со здоровым обществом, а избавляться от своего тяжёлого недуга, от тех бесов, которые пожирают их и пытаются кусать окружающих.

Свою лепту в дело фальсификации внёс и Резник, сообщивший, к примеру, «исторические данные» о гонениях на гомосексуалистов в фашистской Германии. В реальности гомосексуалисты стояли у истоков германского нацизма. Вспомним хотя бы Эрнста Рема — сподвижника Гитлера и руководителя штурмовиков СА, который был открытым геем. Профессор Лотар Махтан, автор исследования «Тайна Гитлера. Двойная жизнь диктатора», считает, что Гитлер и Гесс, известный в нацистских партийных кругах как «Чёрная Эмма», были любовниками. О «задавленном» гомосексуализме Гитлера писал Леонид Млечин в своей книге «Самая большая тайна фюрера». Известны слова Максима Горького: «Уничтожьте гомосексуалистов — и фашизм исчезнет». Так что гомосексуализм и нацизм (фашизм), а также старший брат нацизма сионизм, разные грани одного процесса, который можно назвать античеловеческим. Не надо этого забывать.

Санкт-Петербург

Вячеслав АПРЕЛЕВ,
председатель СПб.-общественного комитета
«За восстановление в России жизни по поясному времени»

ВРЕДОНОСНЫЙ ЗАКОН «ОБ ИСЧИСЛЕНИИ ВРЕМЕНИ»

Каждый человек из своего опыта знает, что систематическое недосыпание приводит к хронической усталости, хроническим нарушениям нормальной его жизнедеятельности и, как следствие, хроническим болезням. Эти хронические болезни для многих людей завершаются преждевременной инвалидностью, а для десятков тысяч граждан России — даже преждевременной смертностью.

Хроническое недосыпание вызывается сокращением нормальной длительности ночного сна человека из-за пробуждения задолго до восхода солнца и переноса начала ночного сна на более раннее, светлое время предыдущих суток, когда человека ни физиологически, ни психологически не уложить спать.

Проблема недосыпания особенно важна для детей, чей растущий организм требует согласия ритма их жизни с природой по времени, чем для взрослых, приспособительные возможности которых к изменениям окружающей среды, в т.ч. и времени, конечно, больше, чем у детей. Об этом нашему общественному комитету «За восстановление в России жизни по поясному времени» (далее — СПб.-комитет) не раз писали родители: «Дети встают рано, долго не могут проснуться, едят с закрытыми глазами, есть не хотят... С кем ни поговоришь — одно и то же. Зрение у детей падает по этой же причине. Глаза закрыты, мозг спит, желудок не работает. Это можно назвать издевательством, уничтожением малолетних».

При действующей в России системе исчисления времени (СИВ) на людей действует круглогодичный сдвиг стрелок часов на час вперед относительно поясного времени, так называемый «декретный час», а также дополнительный сдвиг стрелок часов еще на час вперед на «летнее» время.

Дети Санкт-Петербурга зимой, в самое тяжелое для организма людей полугодие, недосыпают ежедневно 2—3 часа, и 200—300 часов в течение пяти месяцев зимы. Взрослые СПб. при начале их работы в семь утра недосыпают ежедневно по 4—5 часов, а за всю зиму 320—400 часов. Ежедневное недосыпание жителей Москвы меньше на час, чем у жителей СПб., а недосы-

пание граждан Архангельска на час больше по сравнению с Петербургом. Поэтому превышение смертности над рождаемостью на севере России больше среднероссийского в полтора раза.

Много лет граждане России обращались и к правительству, и к президентам страны с просьбой вернуть страну к счету времени по Международной системе часовых поясов, к которой Россия присоединилась в 1919 году. Напомню, что поясное время почти на час опережает или отстает от астрономического времени и является результатом разделения поверхности земли на 24 долготных пояса, по числу часов в сутках. Счет времени по часовым поясам удобен для практической жизни, поскольку часы при перемещении человека в пределах часового пояса не переводятся, т.е. поясное время — это астрономическое время на среднем меридиане данного часового пояса*.

Однако разлад ритма общественной жизни с ритмом смены дня и ночи вызывается не только круглогодичным «декретным часом» и «летним» временем, но и постоянством времени начала работы (учебы) в течение всего года. Влияние этого постоянства особенно велико в зимнее полугодие, когда это влияние превышает вредное для здоровья человека влияние «декретного часа» в 2–5 раз.

Когда два года назад Президент Российской Федерации Д.А. Медведев предложил оценить целесообразность применения «декретного» и «летнего» времени, большинство граждан страны надеялись, что власть услышит свой народ и вернет страну к счету времени по Международной системе часовых поясов. К той системе, которую российская СИВ опережает летом на два, а зимой — на один час.

Однако 6 июня 2011 года в «Российской газете» был опубликован закон «Об исчислении времени». Таким образом, верховная власть России не посчиталась с доказательствами вредности этого закона и вместо ожидаемого большинством населения возврата страны к постоянному (навсегда!) счету времени по международной системе часовых поясов — путем сдвига 27 марта 2011 года стрелок часов на один час назад, в России ввели с 30 октября 2011 года двойной «декретный час».

Действующее до 30 октября 2011 г. «летнее время» превращается в круглогодичное. И на граждан России будут совместно действовать «круглогодичный декретный час» со сдвигом стрелок часов на час вперед относительно поясного времени и второй, **повторный**, круглогодичный «декретный час» со сдвигом стрелок часов относительно поясного времени уже на два часа.

Постоянный счет времени исключит десинхроноз, вызванный скачками длительности соседних суток при переходе на «летнее» и осенью — на «зимнее» время. Но такой вариант исчисления времени более вреден для здоровья детей и взрослых, чем нынешний вариант, при котором зимой действует только один круглогодичный час.

* См. письмо В.Апрелева «Как улучшить здоровье народа» в «Молодой гвардии» №3 за 2011 год.

При таком опережении поясного времени, близкого к времени природному, астрономическому, вырастет еще на час длительность преждевременного, до восхода солнца, пробуждения и детей, и взрослых. А ведь пробуждение не раньше восхода солнца является важнейшим условием нормальной жизнедеятельности человека. В результате, например, школьники Санкт-Петербурга будут зимой недосыпать ежедневно по три-четыре часа вместо нынешних двух-трех, а школьники Москвы будут недосыпать ежесуточно по два-три часа. Граждане СПб., начиная работу в 7 утра по предложенному режиму, будут зимой недосыпать по пять-шесть часов.

Из-за увеличения хронического недосыпания, вызывающего накапливающуюся хроническую усталость людей, неизбежно возрастет количество заболеваний, преждевременной инвалидности и преждевременных смертей. Двойной «декретный час» увеличит число аварий, катастроф и ДТП, которое и сейчас превышает средний мировой уровень минимум в 2–3 раза. Возрастет тяга к табаку, алкоголю и наркотикам, как к временным и ложным средствам преодоления усталости и стресса.

Быстрее будут разрушаться нервная, иммунная, эндокринная, сердечно-сосудистая и другие жизненно важные системы человека, будет ослабляться воля людей к жизни, их сопротивление внешним вредным влияниям, усыпляться и подавляться их совесть, что приведет к дальнейшему падению общественной морали и нравственности и, как следствие, к росту преступности.

Из-за резкого ухудшения не только физического, но и психического здоровья детей возрастет их агрессивность, нежелание учиться и пропадет интерес к жизни. Как свидетельствуют недавние письма людей в газеты, «двойное декретное время» выгодно властям, которым легче будет управлять более послушным, «безмолвным» народом.

По хроническому недосыпанию людей в зимнее полугодие, наиболее тяжелому для граждан России, предложенная система счета времени значительно хуже предыдущей.

Такой системы исчисления времени нет ни в одной стране мира. Этот закон нарушает статьи 2, 7, 38, 41, 72 и особенно пункт 2 статьи 21 Конституции Российской Федерации, который гласит: «Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам».

Он разработан без участия Российской Академии медицинских наук (РАМН), главного научного учреждения страны по здравоохранению, которое неоднократно (в 1999, 2001, 2002 годах) принимало решения о необходимости отмены «декретного» и «летнего» времени, как вредных для здоровья и самой жизни граждан России, и о необходимости возврата страны к Международной системе часовых поясов (см., например, решение Совместного заседания четырех ведущих отделений РАМН от 14 июня 2001 года).

Закон разработан без привлечения к работе СПб.-общественного комитета, который, действуя в соответствии с Федераль-

ным законом «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 года, в содружестве с РАМН доказал необходимость возврата страны к счету времени по Международной системе часовых поясов.

Нами предложен способ совместного применения счета времени по Международной системе часовых поясов и местного солнечного времени, своего для данного района часового пояса — для организации дневной деятельности людей, с разным зимой и летом временем начала работы (учебы). Этот способ обеспечивает наибольшее, в условиях полугодовых изменений времени начала работы (учебы), сближение ритма общественной жизни с ритмом природы. Это исключает и нынешние одночасовые скачки счета времени на границах соседних часовых поясов.

Однако правительство РФ не прислушалось ни к обращениям своих граждан, ни к доводам ученых РАМН, Сибири, Томска, Якутска, Сахалина, Кызыла и СПб.-комитета. Упускается возможность для России стать первой в точном соблюдении рекомендаций Международной Вашингтонской конференции 1884 года среди тех 87 (из 240) стран и отдельных территорий мира, в которых счет времени опережает Международную систему часовых поясов.

Сторонники закона «Об исчислении времени», выбранные властью, утверждают, что «двойное декретное время» потому полезно, что оно увеличивает светлое время суток. Однако они не понимают, что длительность светлого времени суток не зависит ни от человека, ни от властей. И что это «увеличение» светлого времени суток — результат насильственного пробуждения людей за два часа до восхода солнца и такого же смещения конца рабочего дня на более раннее время суток. Зимой — по-прежнему на темное время суток, а летом — смещение конца рабочего дня к максимуму солнечной активности, при котором загазованность атмосферы значительно выше, чем при работе по появному времени.

Замечу, что в Постановлении Верховного Совета РСФСР от 23 октября 1991 года № 1551 «Об упорядочении исчисления времени на территории РСФСР» также ошибочно указывалось, что счет времени в России без круглогодичного «декретного часа» уменьшил длительность светлого времени суток, а потому России следует вернуться к этому «декретному часу». Реальной причиной восстановления «декретного часа» стало давление со стороны энергетиков, получавших в советское время премии за экономию электроэнергии на освещении жилищ и рабочих мест.

Исследования медиков Великобритании, США и Израиля, где нет «круглогодичного декретного» времени и стрелки часов опережают поясное время на один час только летом, показали в результате обследования более ста тысяч граждан, что даже этот один час вреден для здоровья. Особенно для детей и юношей, в возрасте до 20 лет. У них нарушается нормальная работа внутренних биологических часов человека, нормальный ноч-

ной сон и возникает хроническая усталость. В 2010 г. парламент Шотландии потребовал от парламента Великобритании отменить «летнее» время.

Пример Прибалтики и Казахстана, ученые которых также доказали вредность опережения природы по времени, подтверждает древнюю аксиому — никто из власть имущих не имеет права вмешиваться в природу и изменять время.

СПб.-комитет считает, что от «двойного декретного времени» нужно отказаться и перейти к поясному времени. Для этого необходимо сдвинуть стрелки часов на два часа назад. Такой возврат к поясному времени возможен в любой день года и, кроме значительного улучшения здоровья граждан страны, он способен принести ощутимую выгоду и для экономики страны за счет роста работоспособности человека в зимнее полугодие на 15–20%, а летом — на 10%. Возврат к поясному времени и начало работы (учебы) спустя 1,5–2 часа после восхода солнца в данной местности способны увеличить валовой внутренний продукт (ВВП) России летом на один-два процента как минимум.

Однако разработчики закона пошли дальше в стремлении угодить власти. Они предложили отказаться от Международной системы часовых поясов. Закон вводит так называемую национальную шкалу времени в Российской Федерации, в которой вместо часовых поясов будут введены часовые зоны. Счет времени в этих зонах производится относительно Москвы, а не относительно Гринвичского меридиана. Размеры и границы этих зон не установлены, но правительству РФ предоставлено право их устанавливать или изменять. По мнению СПб.-комитета, введение часовых зон означает реализацию идеи чиновников администрации президента о сокращении на территории России числа часовых поясов.

В стране проведены исследования известных хронобиологов о вредности расширения часовых поясов (профессор В.И. Хаснулин и доценты О.И. Петров, А.В. Хаснулина, а также профессора Д.Г. Губин и С.М. Чибисов). Это расширение увеличивает минимум на полчаса опережение природы по времени. Однако целесообразность сокращения количества часовых поясов якобы для облегчения управления страной видна из того, что Камчатка и Чукотка расположены в одиннадцатом часовом поясе, а Москва — во втором. Значит, разница по времени между Федеральным центром управления и наиболее удаленной от него окраиной страны составляет всего 9 часов. Поэтому трудно управлять Россией и проводить циркулярные совещания (оповещения) в Москве в 8 часов утра, когда на Камчатке будет всего 17 часов тех же суток. Поэтому никакой нужды в сокращении числа часовых поясов нет. Ведь 90 лет власти Советского Союза и затем Российской Федерации управляли всеми субъектами Федерации без расширения часовых поясов и отмены Международной системы часовых поясов, по которой живет большинство из 7 млрд. жителей Земли.

Рассматриваемый нами закон «Об исчислении времени» настолько неконкретен, что, предусматривая, к примеру, особый характер исчисления времени в период мобилизации, военного положения и в военное время, не поясняет никоим образом особенностей счета времени в эти периоды.

Само определение национальной шкалы времени (п. 10 ст. 2 Закона) — «упорядоченная числовая последовательность размеров единиц времени, воспроизводимая и хранимая Государственной службой времени, частоты и определения параметров вращения Земли на основе государственного первичного эталона единиц времени, частоты и национальной шкалы времени...» — звучит абсурдно и, по сути, означает отказ от международной системы часовых поясов, по которой живет большинство стран мира. Реализация данного закона способна создать серьезные трудности в экономическом взаимодействии России с остальным миром.

Закон разработан Управлением метрологии Гостехрегулирования РФ (бывшего Госстандарта России), которое не отвечает за здоровье граждан, в отличие от Академии медицинских наук, и много лет бездоказательно и ложно утверждает об отсутствии в России и во всем мире данных о вредности «декретного» и «летнего» времени.

Дальнейшие комментарии к вышеупомянутому закону, по мнению СПб.-комитета, просто излишни.

СПб.-комитет считает, что этот Закон должен быть отменен, как противоречащий здравому смыслу и науке, а также как не отвечающий интересам подавляющего большинства граждан России. Но прежде всего должен быть отменен двойной «декретный» час, особенно вредный в зимнее полугодие. Безвредной для здоровья, как известно, является жизнь в согласии с природой по времени.

На вопрос — кому может быть выгодно круглогодичное двухчасовое опережение поясного времени — СПб.-комитет с полной ответственностью заявляет: в первую очередь фармацевтическому бизнесу и, с позволения сказать, бизнесу наркотическому всех видов, включая табачный и алкогольный, как сторонам, заинтересованным в ухудшении здоровья нации, в том числе морального и духовного. А таким населением, как известно, гораздо проще манипулировать.

Похоже, главной задачей власти остается планомерное сокращение численности населения, приближающее страну к конечной цели — ее расчленению и окончательному разграблению в рамках глобализации...